

ISSN 2500–3682



СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 5 2020 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

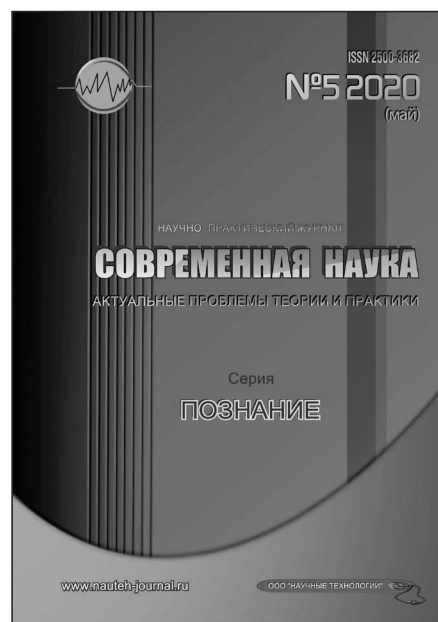
Подписано в печать 25.05.2020 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание № 5 (май) 2020 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)



В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682



9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Ван Дань** – Эволюция современных китайских ритуалов и обычаев рождения
Wang Dan – The evolution of modern Chinese rituals and customs of birth 5
- Елисеев А.В.** – Фантастическая реальность видеоигр в социокультурной среде современного медиаландшафта
Eliseev A. – Video games fiction reality within the sociocultural sphere of the contemporary media landscape 12
- Крюкова Л.С.** – Информационные технологии как средство сохранения языкового и культурного разнообразия
Kryukova L. – Information technologies as a means of preservation of language and cultural diversity 20
- Фролов Д.А.** – Латвийская книга конца XIX- начала XX вв. как феномен художественной культуры
Frolov D. – Latvian book of the late XIX - early XX centuries as a phenomenon of artistic culture..... 24
- Щербаклова Е.Н.** – Род Васнецовых, священников и воинов, сквозь призму проекта «Васнецовские символы вечности»
Shcherbakova E. – Rod Vasnetsov, priests and warriors, through the prism of the project «Vasnetsov symbols of eternity» 30

Психология

- Зекерьяев Р.И.** – Психологические особенности терминальных ценностей в структуре ценностно-смысловой сферы личности с различными уровнями интернет-активности

Zekeryaev R. – Psychological features of the terminal values in the value-sense sphere's structure of a personality with different levels of internet activity 34

Колкова С.М., Герлинская Ю.В., Живаева Ю.В., Стоянова Е.И. – Формирование позитивного самоотношения студентов-психологов посредством тренинга развития гибкости
Kolkova S., Gerlinskaya Yu., Zhivaeva J., Stoyanova E. – Formation of positive self-relationship of psychological students by training of flexibility development 39

Kolkova S., Gerlinskaya Yu., Zhivaeva J., Stoyanova E. – Formation of positive self-relationship of psychological students by training of flexibility development 39

Матвеева Е.Ю. – Позитивные и негативные стороны феномена «ухода в свои мысли»
Matveeva E. – The positive and negative aspects of the phenomenon of «mind-wandering» 44

Matveeva E. – The positive and negative aspects of the phenomenon of «mind-wandering» 44

Махов В.А. – Влияние психотравмы развода на изменение жизненной перспективы личности
Makhov V. – Influence of psychotrain in a scan of change on changing the personality of a personality..... 49

Makhov V. – Influence of psychotrain in a scan of change on changing the personality of a personality..... 49

Непомнящий А.В., Хайбулина Э.И. – Сущность и развитие осознанности: научные и религиозные представления
Nepomnyashchy A., Haybulina E. – Essence and development of awareness: scientific and religious representations 53

Nepomnyashchy A., Haybulina E. – Essence and development of awareness: scientific and religious representations 53

Пестов А.В., Бостанджиева Т.М. – Взаимосвязь исследования психологической безопасности образовательной среды и негативных коммуникативных установок учителей
Pestov A., Bostanjieva T. – The relationship between the study of psychological security of the educational environment and negative communicative attitudes of teachers..... 63

Pestov A., Bostanjieva T. – The relationship between the study of psychological security of the educational environment and negative communicative attitudes of teachers..... 63

Судиловская И.А. – Посттравматическое стрессовое расстройство: симптомы, причины, предикты уязвимости

Sudilovskaya I. – Post-traumatic stress disorder: symptoms, causes, vulnerability predict 66

Ткаченко Н.Н. – Особенности психологической адаптации студентов к образовательной среде карьерного типа

Tkachenko N. – Features of psychological adaptation of students to the educational environment of a career type..... 71

Философия

Гайдабрус Н.В. – Авенариус: начало опыта познания

Gaidabrus N. – Avenarius: the beginning of the experience of knowledge 75

Кривовяз Н.В. – Коммуникативная социальность – к разделу Неклассическая теория управления

Krivovяз N. – Communicative sociality – to the section Non-classical control theory 79

Магомедов М.А. – Формирование основных книг шафиитского мазхаба и важность книги Нуруддина аз-Заяди

Magomedov M. – The formation of the main books of the shafi'i madhhab and the importance of the book of Nuruddin al-Zayadi 84

Некрасов А.С. – Ментальные основания творчества

Nekrasov A. – Mental foundations of creativity..... 89

Питик Г.В. – О направленности культурно-исторического процесса

Pitik G. – On the direction of the process of cultural and historical development 94

Пугин В.Б. – Концепции социального капитала: история и современность

Pugin V. – Concepts of social capital: historic background and present time 98

Трофимова Г.П., Терехина М.И. – Понимание как компонент познавательной деятельности и культурной коммуникации

Trofimova G., Terekhina M. – Understanding as a component of cognitive activity and cultural communication 101

Фетисова Е.Н. – Экзистенциальная терапия рок-музыки (на примере «русского» рока)

Fetisova E. – Existential therapy of rock music (on the example of «russian» rock) 105

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 109

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 110

ЭВОЛЮЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ РИТУАЛОВ И ОБЫЧАЕВ РОЖДЕНИЯ

Ван Дань

Дальневосточный федеральный университет
(Владивосток)
wangdan1990112@163.com

THE EVOLUTION OF MODERN CHINESE RITUALS AND CUSTOMS OF BIRTH

Wang Dan

Summary: The ritual of life is an important part of the state and folk Chinese culture. The subject of analysis of this work was the evolution of Chinese rituals and customs of birth. The rituals and customs of birth according to chronology consist of three main stages: Prayer custom before the birth of a child, Customs during pregnancy and the Ritual after the birth of a child. The most important third stage includes four main components: the ritual of washing the newborn baby (on the 3rd day), the ritual of the one month old, the ritual of the hundredth day from the day of the birth of the child, the ritual of the one year old. For more than two thousand years, the rituals and customs of birth have undergone a long tradition, are constantly enriched and improved, some have been preserved to this day, some have been lost. Some retained their former form, but changed the content; others created new rituals on the same topic. Over time, the religious appearance of the ritual of life gradually faded and reduced to simplicity, a tendency to secularization arose. This result of the secularization of life etiquette inevitably merges into modern social interaction and gradually turns into an integral part of social etiquette.

Keywords: China, traditional culture, ritual, life rituals, The rituals and customs of birth, evolution of rituals and customs, secularization of birth rituals.

Аннотация: Ритуалы, сопровождающие бытовую жизнь человека от рождения до смерти (ритуалы жизни), являются важной частью государственной и народной китайской культуры. Особое место в ритуалах жизни занимают ритуалы и обычаи рождения. Целью исследования стало изучение эволюции китайских ритуалов и обычаев рождения. Установлено, что ритуалы и обычаи рождения включают три основных этапа: молитвенный обычай до рождения ребенка, обычаи в периоде беременности и ритуал после рождения ребенка. Самый важный третий этап включает в себя четыре основных компонента: ритуал омовения новорождённого младенца (на 3-й день), ритуал исполнившегося месяца, ритуал сотого дня со дня рождения ребенка, ритуал исполнившегося года. Традиции ритуалов и обычаев рождения на протяжении более двух тысяч лет постоянно обогащались и совершенствовались. Часть из них сохранилась и по сей день, часть была утрачена, некоторые сохранили прежнюю форму, но изменили содержание; кроме того, фиксируются и новые ритуалы рождения. Со временем религиозный облик ритуала рождения постепенно менялся в сторону упрощения и секуляризации.

Ключевые слова: Китай, традиционная культура, ритуал, ритуалы жизни, ритуалы и обычаи рождения, эволюция ритуалов и обычаев, секуляризация ритуалов рождения.

Одной из древних традиций Китая является сопровождение разных этапов жизни человека протяжении всей его жизни, от рождения до смерти, специальными обрядами и ритуалами, напоминающими об этих ключевых событиях. Через определенные ритуалы передаются глубокие смыслы человеческой жизни и культурные коннотации разных ее этапов. В целом, эти обряды, проводимые в разные возрастные периоды, в Китае называются «生命礼仪» («Шэн Мин Ли И»), что в переводе на русский язык означает «ритуалы жизни». Понятие «ритуалы жизни», в мировой культуре также известны как «ритуалы перехода» (ритуалы, сопровождающие изменение социального положения, статуса; напр., обряд бракосочетания) [1, с. 70]. Традиционные ритуалы, которые проходят через жизнь человека, включают в себя ритуалы: рождения, взросления, свадьбы, похорон и т.д.

Рождение и воспитание детей является важным элементом жизни человеческого общества, в результате

чего крепнет институт семьи, а народы процветают. Таким образом, ритуал рождения, который знаменует начало первого этапа жизни, очень важен. Когда ребенок пришел в мир с криком, смысл его существования быть просто живым существом. Ритуал рождения символизирует начало его собственного пути к взрослой жизни.

Несмотря на неугасающий интерес к культуре Китая в российской науке, многие ее аспекты до сих пор остаются до конца не освещенными исследователями. В частности, изучение специализированной литературы показало явную недостаточность российских исследований о китайских ритуалах и обычаях рождения. Несмотря на то, что Китае эти вопросы широко освещаются, автором не было выявлено сравнительного анализа этих форм ритуалов между традицией и современностью в китайских источниках.

В данной статье, наряду с описанием ритуалов и обычаем рождения Китая, подробно анализируется их эво-

люция в современной китайской культуре.

Ритуал рождения обычно представляется как серия ритуалов после того, как ребенок придет в мир. На самом деле, ритуал рождения в Китае начинается не с момента рождения человека, а с момента зачатия. Можно сказать, что ритуал рождения начинается уже тогда, когда плод еще не сформировался в матери. Традиционно ритуал рождения может содержать в основном три этапа: молитвенный обычай до рождения ребенка; обычай в периоде беременности; ритуал после рождения ребенка.

Молитвенный обычай до рождения ребенка

Поскольку традиционный обычай молитв о ниспослании ребенка в настоящее время ограничен научными и медицинскими технологиями, он имеет суеверный оттенок. Однако, в традиционной культуре все надежды на продление рода возлагаются на сакральные предметы и богов.

В древние времена на свадьбах на кровати новобрачных ставили китайские финики, потому что «枣» («Цзао») – «Финик» – это омоним «早» («Цзао») – «Рано», что означает желать скорого рождения ребёнка. Красоднев (лилейник) рыжий, известный как «宜男草» («И Нань Цао»), также является особым предметом и традиционно понимается со следующим значением: «Беременные женщины носят его, а затем рожают мальчика» [2, с. 1].

С другой стороны, просить сына у богов, ответственных за деторождение, также было обычным способом молиться в древние времена. Например, в сборнике рассказов конца династии Мин «初刻拍案惊奇» («Поразительное. Первая часть»), написано: «离山一里之外, 有个大姓仇氏。夫妻两个, 年登四十。极是好善, 并无子嗣。乃舍钱刻一慈悲大士像, 供礼于家……如是三年, 其妻果然有了胎孕, 十月期满, 晚间生下一个女孩。夫妻两个, 欢喜无限, 取名夜珠», что означает следующее: «Есть муж и жена по фамилии Цю, добродушные, уже более сорока лет, нет детей, поэтому потратили деньги на скульптуру богини Гуань-инь, дарящая сыновей, чтобы молиться в доме, три года спустя, жена действительно беременна, родила дочь, назвала ночную жемчужину» [3, с. 174].

Несмотря на то, что современные обычаи молитвы о ниспослании ребенка постепенно отделяются от влияния суеверных идей из-за эпохи технического прогресса, многие из них все равно в значительной степени зависят от укоренившихся традиционных идей. В современном обществе, как правило, в ночь перед свадьбой, в новом доме должны быть один или два мальчика, которые спят

на новой кровати для новобрачных. Дети, как правило, относятся к отцовской линии, предпочтение отдается умным мальчикам. На следующее утро мальчики должны были завтракать в постели, они просят палочки для еды и говорят хором «筷子» («Куай Цзы») – палочки для еды, это является омонимом «快子» («Куай Цзы») и символизируют быстрое рождение ребенка. На кровати и во всех ящиках нового дома также должны быть размещены китайские финики и монеты, что также направлено на скорое рождение ребенка [4, с. 79].

В современном Китае, после вступления в брак, благодаря развитию здравоохранения и повышению познавательной способности людей, китайцы более охотно верят в возможности медицины, даже при длительном бесплодии в браке, а также готовы идти в больницу для обследования и лечения. Таким образом, зависимость от древних, притягивающих удачу и благополучие лилейников и богов, значительно уменьшилась. Сравнение между традиционными и современными обычаями молитвы о ниспослании ребенка позволяет говорить о том, что современное общество Китая ориентировано на развитие науки и техники, способность человека к познанию. Благодаря постоянному повышению познавательной способности, современные люди предпочитают верить в науку и технику, а не традиционные символы.

Обычаи в периоде беременности

Традиционные обычаи в период беременности включают в себя такие аспекты, как пренатальное воспитание, поведение и питание и т.д. В летописи «Исторические записки»¹ сказано: «太任有娠, 目不视恶色, 耳不听淫声, 口不吐傲言», что означает следующее: «Когда мать Чжоу Вэньван² была беременна, ее глаза не видели плохого цвета, ее уши не слушали непристойных звуков, и рот не говорила заносчивых и невежливов слов» [5, с. 10]. Это означает, что беременные женщины должны быть в хорошем и оптимистическом настроении. Они также могут быть вдохновлены красивой внешней средой и хорошей духовной стимуляцией, чтобы плод получил здоровое и нормальное развитие. В древности также судили о рождении мальчиков и девочек по поведению беременных женщин во время беременности. Например, в соответствии с обычаями: мужчина – левая сторона, а женщина – правая сторона, наблюдая за беременной женщиной, когда она переступала через порог: если первый шаг левой ногой, то это предвещало рождение мальчика, а если первый шаг правой ногой – то девочку [3, с. 174].

Современные обычаи в период беременности, как и в древние времена, включают в себя питание, воспита-

1 «Исторические записки» – первый по времени создания комплексный труд по истории Древнего Китая, охватывает период от древности до династии Западная Хань. Автор трактата – историограф Сыма Цянь (145-86? гг. до н. э.).

2 Чжоу Вэньван (1152—1056 гг. до н.э.) – отец первого правителя китайской династии Чжоу; XII–XI вв. до н. э.)

ние и поведение. В Китае наиболее заметным аспектом диеты во время беременности является то, что беременные женщины не могут есть холодную пищу, китайцы считают, что холодная пища из-за ее холода, приведет к трудным родам. Нельзя, также есть острую пищу – беременная женщина будет страдать от избытка внутреннего жара, что оказывает влияние на зрение плода. До сих пор на территории Китая есть традиция: тянет на кислое – к мальчику, тянет на острое – к девочке (традиционная китайская примета, относящаяся к беременности), то есть если беременные женщины любят есть кислый вкус во время беременности, плод может быть мальчик; а если острый вкус, вероятность рождения девушки больше [6, с. 64].

Современное пренатальное воспитание шире, чем древнее пренатальное воспитание: если традиционное пренатальное воспитание основано на поэзии, живописи, классической музыке и т. д., то современные китайцы, помимо сохранения традиционного содержания, из-за влияния западной культуры, более склонны использовать западную музыку и литературу. По сравнению с древностью, внешняя среда современного пренатального воспитания значительно превосходит древнюю.

Что касается поведения беременных женщин, то китайский ученый Юй Чи Цун Тай в своей статье пишет: «*孕妇忌参加婚礼、婚宴，犯之，主不顺当；忌进各种庄重、严肃的场所，犯之，主不吉利*» [7, с. 52]. Это означает, что беременные женщины не должны посещать свадьбы, похороны, новоселья, банкеты в честь получения повышения в чине и другие важные события, так как это плохо для развития плода. Старшее поколение уделяет этому большое внимание и нарушение табу подвергается жесткой критике. Сравнение с традицией и современностью показывает, что существуют большие различия в обычае беременности. Но также обнаруживается общая черта между ними, которая заключается в том, что до сих пор существуют различные суеверные обычаи.

Ритуал после рождения ребенка

Ритуал после рождения ребенка – это важнейший из ритуалов рождения. В древности, рождение детей было радостным событием не только для отдельных лиц, но и для семей, родов и землячества. Таким образом, ритуал празднования рождения не ограничивается только семьей, но и имеет определенную социальную природу. Ритуалы после рождения ребенка до того, как ребенок достигнет возраста одного года, в разных местах примерно одинаковы и проводятся довольно часто. В основном они включают в себя четыре вида: ритуал омовения новорожденного младенца (на 3-й день), ритуал исполнившегося месяца, ритуал сотого дня со дня рождения ребенка, ритуал исполнившегося года.

«洗三礼» («Си Сань Ли») так называется «贺三朝» («Хэ Сань Чао») – это ритуал омовения новорожденного младенца на третий день рождения, означает, что новорожденный полностью вышел из состояния плода и с тех пор официально отправился в путешествие по жизни. В этот день хозяин попросил старушку, у которой была долгая и счастливая жизнь, провести церемонию омовения и произнести благословения, пока она купала ребенка. После церемонии хозяева приготовят праздничное угощение для друзей и семьи, обычно называется «三朝酒» («Сань Чао Цю») [8, с. 45]. В древние времена «洗三礼» («Си Сань Ли») – (ритуал обмывать новорожденного младенца на третий день рождения) широко распространялся во всех слоях общества, от императорского двора до народных людей. Поэт династии Тан Ван Цзянь писал стихи «宫词» («дворцовая поэзия»), описывающий придворную жизнь: «*妃子院中初降诞，内人争乞洗儿钱*», что означает следующее: «Императорская наложница родила ребенка, дворцовые служанки и евнухи попросили награду для омовения ребенка» [9, с. 513]. Таким образом, придворные придавали большое значение ритуалу омовения, так как этот день был большим праздником, поэтому хозяин готовил медные деньги для прислуги.

«洗三» («Си Сань») отличается от обычной бани, ритуал был очень сложным. Вода для омовения должна быть особой. В прозаическом произведении династии Сун «*东京梦华录*» («Записи прекрасных снов о Восточной столице») говорится, что вода для омовения младенцев называется «*香汤*» («благовонная горячая вода»), в которой есть арахис, финики, каштаны, а также цветные линии, зеленый лук, чеснок и т. д. [10, с. 226]. Каждый элемент имеет символическое значение: арахис означает, что родить ребенка, финик означает, что рано, каштан – рождение сына, зеленый лук символизирует ум ребенка и т. д. Тот, кто купает ребенка, должен сказать: «*洗洗头，做王侯；洗洗腰，一辈倒比一辈高；洗洗蛋，做知县；洗洗沟，做知州*» [11, с. 42] что означает: «вымыть голову, чтобы стать князем; вымыть поясницу, чтобы этот поколение лучше, чем предыдущее поколение; вымыть щёчки, чтобы стать начальником уезда; Вымыть межъягодичную складку, чтобы стать правителем округа». После омовения должен быть использован имбирь и листья полыни, чтобы чистить лоб и все важные суставы ребенка, говорят, что это сделает ребенка крепким в будущем. Наконец, новой тканью, смоченной чистой водой, вытирают десны ребенка с силой – если в это время ребенок рыдает во весь голос, это считается предзнаменованием большого счастья, родственники и друзья будут очень рады. После того, как семья будет использовать зеленый лук, чтобы мягко ударить ребенка три раза и сказать: «*一打聪明，二打伶俐，三打明明白白*» что означает: «ударить ребенка первый раз, значит он будет умным; ударить ребенка второй раз, значит он будет сообразительным; ударить ребенка третий раз, значит он будет понятливым» [12, с. 98]. После этого отец ребенка должен бросить зеленый

лук на крышу, это предвещает, что желание сбудется. Затем родные и близкие поздравляют родителей малыша. В конце церемонии омовения медные деньги, арахис, яйца и другие предметы в ванне передаются гостям, которые хотели передать удачу с детьми своим друзьям и родственникам [12, с. 100].

В современном обществе ритуал омовения новорождённого младенца на 3-й день постепенно перестал использоваться. Причина в том, что в древности беременные женщины были дома, чтобы родить детей, поэтому омовение в основном проводилось повивальной бабкой, друзья и родственники приглашались домой для празднования этого события. С развитием современной медицины, матери и новорожденные младенцы находятся в больнице на обследовании в течение семи дней со дня родов. Врач выбирает время омовения в соответствии с физическим состоянием ребенка, одни дети могут принять ванну через несколько часов после рождения, а другие – через день или два. Процесс мытья ребенка также осуществляется профессиональным врачом, сильно отличается от ритуала омовения и не имеет особого символического значения. В то же время, поскольку больница является общественным местом, родственники и друзья предпочитают приносить поздравление после того, как мать выписана домой. Таким образом, ритуал омовения новорождённого младенца на третий день рождения постепенно исчез. Люди обращают больше внимания на ритуал исполнившегося месяца и ритуал исполнившегося года.

Ритуал исполнившегося месяца

«满月» («Мань Юе») – («Целый месяц») также известный как «弥月» («Ми Юе») – («ребёнку исполнился месяц») имеет большое значение как для младенцев, так и для матерей. Ребенку исполнился месяц, что достойно празднования. Роженица заканчивает послеродовой отдых, что также следует отметить. В обычаях династии Сун была организация торжественного банкета для родственников и друзей (по случаю первого купания новорождённого чтобы справлять месячины).

Писатель династии Сун Мэн Юаньлао (1103-1147) в своем произведении «东京梦华录» («Записи прекрасных снов о Восточной столице») описывает городской стиль и социальную жизнь в восточной столице династии Северная Сун – Кайфын, в пятом томе «育子» («рождение детей») рассказывается о том, как младенцы купались во время месячины, то есть ритуал исполнившегося месяца. В книге записано «至满月则生色及绷绣线, 贵富家金银犀玉为之, 并果子, 大展洗儿会。亲宾盛集, 煎香汤於盆中, 下果子彩钱葱蒜等, 用数丈彩绕之, 名曰「围盆」。以钗子搅水, 谓之「搅盆」。观者各撒钱於水中, 谓之「添盆」。盆中枣子直立者, 妇人争取食之, 以为生男之徵» [10, с. 225], что означает: «Когда в

день месячины, простые люди готовили нитки мулине, а богатые люди использовали золото, серебро, нефрит и другие ценные вещи, чтобы украшать ванну ребенка. В этот день хозяева пригласили друзей и семью собраться вместе, чтобы начать совершать омовение. Сначала наливали горячую воду в ванну, клали арахис, финики, каштаны, медные деньги, зеленый лук, чеснок и т. д. в воду. Использовали десятки метров цветных ниток вокруг ванны, мешали воду шпилькой для волос, друзья и родственники собрались вместе, клали медные деньги в воду. Когда финики в ванне стояли вертикально, то женщины боролись за первенство, чтобы их съесть, что помогало родить мальчика в будущем».

Когда ребёнку исполнился месяц, существовал ритуал бритья волос новорождённого. В книге «东京梦华录» («Записи прекрасных снов о Восточной столице») записано «浴儿毕, 落胎发, 遍谢坐客» [10, с. 225], что означает: «Побрить волосы новорождённого после обряда омовения, наконец, устроить банкет в честь благодарности гостей». В день исполнившегося месяца бреют волосы новорождённого так, чтобы защитить родничок: нельзя брить волосы полностью, оставляют около одного-двух цуней (мера длины, около 3,33 см) размера квадратных волос на переднем лбе ребенка, что называется оставлением пушка новорождённого, что символизирует надежду на будущие успехи ребенка.

Кроме того, в Китае есть старая поговорка о том, что тело и кожа ребенка являются подарками, подаренными родителями, в дополнение к необходимости оставить часть, чтобы выразить благодарность и почтение родителям, другая часть должна быть сохранена. В некоторых местах волосы новорождённого покрыты красной тканью, сшитой на подушке ребенка; в других местах втираются в круглые шарики, обернутые цветной нитью, что висят на изголовье кровати, чтобы избежать злых влияний. В современном обществе популярно делать памятную кисть для письма из волос своего ребенка в качестве сувенира.

Существует также обычай «挪窝» («перенести гнездо») для младенцев в день исполнившегося месяца. В книге «东京梦华录» («Записи прекрасных снов о Восточной столице») записано «抱牙儿入他人房, 谓之移窠», что означает: «Назначенный человек увозит ребенка, чтобы ненадолго поселиться на другом месте, т. е. «переместить гнездо»» [10, с. 225]. Обычно бабушка или дядя приносят ребенка в свой дом, чтобы ребенок ненадолго пожил в другом месте. Цель состоит в том, чтобы позволить ребенку символически повидать на своём веку как можно больше, надеясь, что у дитя будет больше перспектив в будущем.

В наше время празднование исполнившегося месяца имеет два основных события: бритье волос новорождённого

ного и банкет в честь новорожденного ребенка, которому исполнился месяц. В день исполнившегося месяца, родительская семья роженицы не только должна прийти поздравить, но и взять роженицу и ребенка домой, чтобы прожить несколько дней, ритуал называется «搬满月» («Бань Мань Юе») или «叫满月» («Цзяо Мань Юе»). Кроме того, брови должны быть сбриты полностью, считается, что после этого у ребенка будет расти густые брови. Сбритые волосы не могут быть просто выброшены, большинство родителей делают памятную кисть для письма, сделанную из волос своего ребенка в качестве сувенира.

После бритья волос новорождённого, мама одевает его в новую одежду и устраивает банкет, как правило, в ресторане в честь новорожденного, чтобы угостить родных и близких. Родственники и друзья обычно должны принести одежду, обувь, шляпы, украшения и другие подарки для ребенка, чтобы праздновать. В Учжоу (городской округ в Гуанси-Чжуанском автономном районе КНР) банкет в честь новорожденного ребенка называют «姜宴» («Цзян Янь») – банкетом имбиря, потому что на банкете есть обычай есть кислый имбирь. В Шэньси существует особый обычай на празднование исполнившегося месяца, называемый «挂红» («Гуа Хун») – висящим красным. В этот день каждый человек может намазать лицо бабушки и дедушки ребенка красным цветом, в день исполнившегося месяца ребенка должны есть красные яйца и красное мясо, в спальне висят красные шторы, что означает радость, удачу, процветание.

Ритуал сотого дня со дня рождения ребенка

В сотый день со дня рождения ребенка состоится «百日礼» («Бай Жи Ли») ритуал сотого дня. Сто – это значительное число, имеющее полное, благополучное значение. В древние времена у ритуала сотого дня было много названий, таких как «百日卒» («Бай Жи Цзуй») – Стодневный юбилей, «百禄» («Бай Лу») – Моление на сотый день после рождения ребёнка, «百岁» («Бай Суй») – Сто лет, это желание ребенка долгих лет жизни. В древнем Китае из-за низкого медицинского уровня младенцы имели довольно высокую смертность в течение ста дней после рождения, и если ребенок может спокойно прожить 100 дней, намного больше вероятность того, что он вырастет. Так что этот день являлся праздником.

Для того, чтобы дети росли благополучными и здоровыми, родители придумывали различные способы спасения от несчастий. По всей стране существует обычай носить монисто в форме замка-амулета (составленное из собранных у родственников монет и надеваемое ребёнку на счастье), носить одежду для ребёнка, сшитую из собранных в разных домах лоскутков (на счастье) [8, с. 50]. Монисто в форме замка-амулета, также известное как замок долголетия, это вид украшения, висящего на

шее ребенка, талисман благословения его долгой жизни. Материал замков либо золото или серебро, либо медь, покрытая серебром, либо серебро, покрытое золотом. Обычно на замке выгравированы такие благоприятные слова, как «Долгих лет жизни», «Мира, богатства и славы». Семья просит копейку у каждой семьи, а затем из этих денег отливают замок, висящий на шее ребенка. Это делается для того, чтобы одолжить счастье и почёт из ста счастливых семей, чтобы сохранить жизнь ребенка.

Носить одежду для ребёнка, сшитую из собранных в разных домах лоскутков, означает то же самое, что носить монисто в форме замка-амулета. Это одежда, сшитая из разных по размеру, красочных полос материи, которую попросили у ста семей, предназначена для детей, чтобы они не заболели. Так называемая сотня семей означает много семей. В представлениях народа, сто – это целое число с наибольшим благоприятным значением.

В настоящее время уровень медицинской помощи значительно улучшился, но ритуал сотого дня, наполненный любовью и добрыми пожеланиями, по-прежнему заслуживает того, чтобы его сохранили. В современном обществе для детей, чтобы отпраздновать 100 дней в соответствии с древними обычаями носят монисто в форме замка-амулета, но из-за повышения уровня жизни людей, оно не отлито из медных денег, которые просят родители, а покупается готовым изделием в магазине, есть очень много стилей замков для людей, чтобы выбрать подходящий. По сравнению со старой одеждой для ребёнка, сшитой из собранных в разных домах лоскутков, родители сейчас склонны покупать новую одежду для своих детей, потому что современные люди больше внимания уделяют гигиене и здоровью, как правило, они думают, что старая одежда несет бактерии, поэтому дети не носят старую одежду, чтобы не болеть.

Ритуал исполнившегося года

Ритуал исполнившегося года относительно уникален, это одновременно краткое изложение ритуала рождения и начало серии дней рождения, поэтому ритуал исполнившегося года торжественный праздник. Самый важный элемент ритуала – ребенок должен схватить один предмет из предложенных (для определения его склонностей и будущей деятельности). Родители в возрасте одного года показывают ребенку различные игрушки, бытовые товары и принадлежности для разных профессий, чтобы он мог ползти и схватывать предмет, чтобы предсказать жизненный характер, интересы и устремления ребенка.

В произведении «东京梦华录» («Записи прекрасных снов о Восточной столице») записано: «往来岁生日谓之周日卒。罗列盘盞于地，盛果木饮食，官诰笔研算秤等，经卷针线，应用之物，观其所先拈者为徵兆，谓之

试日卒，此小儿之盛礼也» [10, с. 225]. что означает: «В день рождения первого года ребенка, родители раскладывают перед ним разные предметы, например: еду, кисть и тушь, счёты, весы, игла и нитка и другие предметы быта, и позволяют ребенку выбирать один из них по своему вкусу, чтобы по схваченным им вещам определить его склонности и предсказать его судьбу. Это величайший ритуал для ребенка».

Испытание годовалого ребёнка было популярно по всей стране, однако, из-за различных этнических групп и географических различий, предметы, поставляемые родителями, различны. В регионе центральной равнины обычно размещают кисть и тушь, счёты, линейку, печать и т.д. В районах меньшинств обычно размещают книгу, кисть, лук и стрелы и т.д. В традиционной китайской концепции, мужчины должны питать пристрастие к военному делу и ценить просвещение, поэтому родители раскладывают лук и стрелы, кисть и тушь. А женщины должны управлять домашним хозяйством, в совершенстве владеть рукоделием (шитье, вышивание, ткачество), таким образом родители раскладывают иголку и нитку, счёты и ножницы. Общепринятые предметы и для мальчиков, и для девочек – это еда, сокровища, одежда, игрушки.

Кроме этого, еще есть важный обычай в ритуале исполнившегося года – признать названное родство. То есть младенец признает других людей как названных родственников. Причины для того, чтобы признать названное родство различны: судьба, благодарность за благодеяние, чтобы отвести несчастье, укрепить дружбу между родителями. В древности, из-за бедности и отсталых медицинских условий, дети умирали чаще, простые люди верили в судьбу, в счастье и несчастье гороскопа по дню рождения, боялись, что у детей может быть плохая судьба, они считали, что должны признать других людей как названных родственников, чтобы покончить со злом роком. Если ребенок слабый и болезненный с детства, родители выбирали семью с большим количеством детей в качестве названного родства.

В современном обществе, как и в древности, самый важный ритуал – схватить один предмет из предложенных. Но теперь родители показывают детям другие предметы. По мере того, как общество развивается, положение женщин улучшается, разделение труда мужчин и женщин в древнем обществе – мужчины пахут, а женщины ткут (обр. о разделении мужского и женского труда) – радикально изменилось и заменено идеей равенства между мужчинами и женщинами. Поэтому больше нет различий между мальчиками и девочками в предметах. В наши дни родители перед детьми раскладывают: словарь, означающий, что в будущем ребенок станет литератором или ученым, обладающим знаниями. Книжки, ручки означают, что дитя станет каллиграфом,

сделает гражданскую работу. Мерная линейка означает, что ребенок станет юристом, судьей. Счётный прибор и счёты означают, что он станет торговцем или бизнесменом. Деньги означают, что позже он станет богатым человеком. Печать означает чиновничье место или власть. Живопись, цветная ручка означает, что он станет художником, работником искусства. Клубок шерсти, ткань означает, что он станет дизайнером одежды. Инструмент указывает, что позже он станет музыкантом и т.д.

В настоящее время сознания люди феодальные принципы постепенно ослабевают. Редко бывает, что дети могут быть в безопасности и здоровы с помощью метода признания родства. Если ребенок слабый и болезненный, то родители больше склоняются к посещению больницы, не надеясь на феодальные суеверия. Однако это вовсе не означает, что в современном обществе такое поведение полностью исчезает – признание родства существует, но цель его иная. Как правило, если отношения между двумя семьями очень хорошие, то они хотят, чтобы их дружба продолжалась в следующем поколении, принимая некровное родство. Такая ситуация очень распространена в современном обществе.

Сравнивая целый ряд традиционных и современных ритуалов и обычаев продолжения рода (рождения), не трудно обнаружить то, что, во-первых, со временем религиозный облик ритуала рождения постепенно менялся в сторону упрощения и секуляризации. Во-вторых, традиционные ритуалы и обычаи рождения пронизывают многие феодальные идеи, однако эта идеология была вызвана определенным этапом в развитии общества. В современном обществе ритуалы и обычаи продолжения рода как можно больше уходят от части традиционных ритуалов и обычаев рождения, утративших актуальность в связи с изменившимися культурно-историческими условиями. В-третьих, в традиционных ритуалах и обычаях есть много специфических черт: омовение новорождённого младенца на третий день рождения, банкет в честь исполнившегося месяца ребенка, захват одного предмета из предложенных и т.д. В настоящее время, некоторые традиционные обычаи сохраняются, другие исчезают. Так, омовение новорождённого младенца на третий день рождения постепенно исчезло, исследователи должны восстановить эту часть традиционной культуры, чтобы она сохранилась в памяти.

В-четвертых, современные ритуалы и обычаи рождения в значительной степени являются наследием и новшеством традиционных, которые в связи с прогрессом добавляют новое в содержание и форму. В-пятых, современные ритуалы и обычаи рождения в значительной степени зависят от западной культуры, что указывает на то, что традиционная китайская культура совмещает в себе разные элементы. В-шестых, как традиционные, так и современные ритуалы и обычаи рождения свидетель-

ствуют о любви и надежде родителей на благополучие новорожденного. Это общая цель всех ритуалов и обычаев продолжения рода, независимо от формы и содержания как в древности, так и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. 宋轶兰. 浅议传统人生礼仪 // 阴山学刊. 2003. № 6. 70-72页. = Сун Илан. Обзорный разбор традиционного жизненного ритуала // Академический журнал Иньшань. 2003. № 6. С. 70-72.
2. 刘紫祺. “韩萱”偶尔有人应:萱草的作用 // 陕西科技报. 2017年4月28日, 第003版, 1-2页. = Лю Цзыци. ‘Хань Сюань’ иногда кто-то отвечает: роль Красоднев (лилейник) рыжий // Шэньсиская научно-техническая газета. 28 апреля 2017. № 3. С. 1-2.
3. 陈凡. 诞生礼的古今对比研究 // 青年文学家. 2016. № 15. 174-175页. = Чэнь Фань. Сопоставительное исследование по обряду рождения в древности и ныне. // Молодой литератор. 2016. № 15. С.174-175.
4. 刘亦山. 俗礼新编(内部资料). 1994年. 第79页. = Лю Ишань, Новый сборник народных обычаев (внутренние данные), 1994. С. 79.
5. 刘向. 古列女传·母仪篇. 上海:中华书局, 1936年. 296页. = Лю Сян. Древние жизнеописания знаменитых женщин · Часть образца материнства. Шанхай: Китайское книгоиздательство, 1936. 296 с.
6. 刘红梅, 刘楚魁. 梅山祈子习俗研究 // 求索. 2006. № 4. 63-65页. = Лю Хунмэй, Лю Чукуй. Изучение обычаев моления о ниспослании сына в районе Мэйшань. // Поиск. 2006. № 4. С. 63-65.
7. 尉迟从泰. 中原传统社会中汉族的生育禁忌 // 商丘师范学院学报. 2017. № 1. 50-58页. = Юй Чи Цун Тай. Табу на рождение ханцев в традиционных обществах Центральной равнины. // Вестник педагогического института Шанцю. 2017. № 1. С. 50-58.
8. 王衍军. 中国民俗文化. 广州:暨南大学出版社, 2011年. 354页. = Ван Яньцзюнь. Китайская фольклорная культура. Гуанчжоу: Издательство университета Цзинань, 2011. 354 с.
9. 尹占华. 王建诗集校注. 成都:巴蜀书社, 2006年. 668页. = Инь Чжаньху. Сборник стихов Ван Цзянь с комментариями. Чэнду: книгоиздательство башу, 2006. 668 с.
10. 孟元老. 东京梦华录. 哈尔滨:北方文艺出版社, 2019年. 470页. = Мэн Юаньлао. Записи прекрасных снов о Восточной столице. Харбин: литературное издательство север, 2019. 470 с.
11. 牛林豪. 摇篮边的祝福 – 诞生礼趣谈 // 中州统战. 2002. № 6. 42-44页. = Ню Линьхао. Благословение на краю колыбели - меткое подобранное выражение о ритуале рождения. // Единый фронт центральная равнина. 2002. № 6. С.42-44.
12. 张国庆. 古代东北各民族“诞生礼”俗探论 // 黑龙江民族丛刊. 1997. № 4. 98-101页. = Чжан Гоцин. Изучение ритуалов рождения народов древнего северо-востока // Национальные труды Хэйлунцзян. 1997. № 4. С.98-101.

© Ван Дань (wangdan1990112@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Дальневосточный федеральный университет

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ВИДЕОИГР В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОГО МЕДИАЛАНДШАФТА

Елисеев Андрей Валерьевич

Аспирант, АНО ВО «Российский новый университет»

(Москва)

eliseev.andrey94@yandex.ru

VIDEO GAMES FICTION REALITY WITHIN THE SOCIOCULTURAL SPHERE OF THE CONTEMPORARY MEDIA LANDSCAPE

A. Eliseev

Summary: The study conceptualizes the phenomenon of video games synthetic worlds' fiction reality in today's society media expanse. Among all the existing forms of interactive storytelling within the context of virtual culture video games are generally considered to be the most popular one. It was largely their intensive extending that almost all human activities and institutions went through so called mediation and gamification processes (both meaning the integration of interactive audio-visual elements in non-game experience for greater enhancement of user's attention). The statement that video games function not only as tools of societies' mediation but also as high value sociocultural artifacts has been put forward. The research focuses on bringing out the connections between digital games and virtual culture disseminated by mass media and mass communication, and also identifies the new interactive media impact on situations of interpersonal and external interaction, as well as on the modernization of social institutions. The generalized description of fiction reality and its sociocultural meanings incorporated in a technically constructed virtual space of video game has been presented. It had become apparent that video games have a diverse impact on a person, focusing on his psychology, interests and needs.

Keywords: fiction reality, virtual culture, physical reality, media landscape, video games, digitization, gamification, digital technologies, information society, online communication, multimedia,

Аннотация: В статье концептуализируется феномен фантастической реальности синтетических миров видеоигр в медиа пространстве информационного общества. Среди всех существующих на текущий момент форматов интерактивного повествования видеоигры общепризнанно считаются наиболее популярным в контексте современной виртуальной культуры. Во многом благодаря их интенсивному распространению почти все сферы жизнедеятельности человека подверглись так называемым процессам медиатизации и игрофикации – включению аудиовизуальных интерактивных элементов в неигровые ситуации и практики с целью усиления внимания пользователей. Выдвигается утверждение, что экранные игры функционируют не только как инструменты медиатизации общества, но и как ценные социокультурные артефакты. Статья фокусируется на выявлении связей между цифровыми играми и виртуальной культурой, распространяемой средствами массовой информации и массовой коммуникации, раскрывает характер воздействия новых интерактивных медиа на ситуации межличностного и внешнего взаимодействия, а также на процессы модернизации институтов социальной сферы. Автор представляет обобщенную характеристику фантастической реальности, заключенной в технически созданное виртуальное пространство видеоигры, и ее социокультурных значений. Сделан вывод, что видеоигры могут оказывать разностороннее влияние на человека, ориентируясь на его психологию, интересы и потребности.

Ключевые слова: фантастическая реальность, виртуальная культура, физическая реальность, медиаландшафт, видеоигры, цифровизация, игрофикация, цифровые технологии, информационное общество, онлайн-коммуникация, мультимедиа.

Век информации и цифровых технологий социокультурная роль мультимедиа, представляющего собой комплекс различных видов сетевого контента, приобретает все большее значение. Современные средства массовой информации и массовой коммуникации дополнили процессы межличностного и внешнего взаимодействия, культурного выражения новыми инструментами, в результате чего человеку теперь стало доступно множество разных способов организации своего информационного жизненного пространства. В отличие от традиционных печатных материалов, содержащих типовые медиа-материалы, мультимедиа обладает сложной гибкой структурой, которая включает в себя не только текст, изображения, но и аудио, видео, компьютерную графику и анимацию, интерактивные программы, сенсорные игровые элементы – все в циф-

ровом формате. Во многом, благодаря им субъект достиг возможности использовать два канала общения одновременно и более, чтобы постоянно находиться в информационно-коммуникационном поле. В условиях интенсивной информатизации и медиатизации общества процессы коммуникации, творчества и познания получили импульс к модернизации благодаря социальным сетям, дополненной и виртуальной реальностям, и даже видеоиграм.

Игры всегда были и остаются неотъемлемой частью культуры. На протяжении веков они использовались не только для развлечения, но также для обучения полезным навыкам выживания, развития критического и стратегического мышления. С появлением экранных видеоигр академическое поле исследований этой те-

матики вступило в активную фазу. Точно так же, как и в период повсеместного внедрения аналоговых радио и телевидения – первых медиа-феноменов, которые на текущий момент уже достаточно полно изучены, – сегодня в научной среде усиливается тенденция к увеличению числа работ, направленных на анализ цифровых игр. По словам М. Дж. Вульфа и Б. Перрона: «В последнее время видеоигры стали самой обсуждаемой и динамичной областью исследований в рамках новой теории медиа» [17, с. 1]. Их можно определить как парадигматическое выражение нового типа культуры – виртуальной.

Видеоигры являются частью глобальных медиа-трансформаций, вызванных развитием современных цифровых технологий; новым продуктом виртуальной культуры, созданным в процессе гибридизации аудиовизуальных медиа форматов и мультимодальных интерактивных элементов, обеспечивающих гораздо более широкий диапазон взаимодействия по сравнению с традиционными жанрами, такими как кино или театр.

Актуальность настоящей статьи заключается в необходимости концептуализации феномена фантастической реальности видеоигр как гибридных медиатекстов – новой глобальной интерактивной системы, основанной на существующих социокультурных формах. Главная отличительная особенность экранных игр – интерактивность – запустила во многих сферах жизнедеятельности так называемый процесс игрофикации (о нем речь пойдет ниже), благодаря которому граница между фантастической реальностью, опосредованной передовыми цифровыми технологиями, и физическим миром с каждым днем становится все более прозрачной и вместе с тем, более обсуждаемой. Несмотря на это, видеоигры – сравнительно молодая область в науке, профиль которой все еще продолжает формироваться. Они представляются обманчиво простыми объектами для изучения, но на самом деле феномен видеоигр – многосложная проблема, требующая комплексного подхода. Всесторонний анализ этих интерактивных форм фантастической реальности может привести к новому пониманию социокультурной среды постоянно развивающегося медиаландшафта.

Фантастическая реальность синтетического мира экранной игры может быть использована в качестве инструмента для анализа механизмов взаимосвязи и интеграции игровых элементов в ткань социальной и культурной жизни. Тем не менее, большая часть исследований в этом направлении рассматривают категорию видеоигр в узкоспециальных значениях, например, с позиции образования и бизнес-технологий, о чем свидетельствуют многочисленные примеры учебно-педагогических [4; 8; 10] и экономических работ [5; 15; 18]. Однако, по мнению Д. Руггелля и К. Макаллистера, природа видеоигр гораздо сложнее и конструируется на основе

взаимосвязей между самыми разными отраслями научного знания, например: «...инженерией, математикой, герменевтикой, логикой, кинестезией, нарратологией, перформативностью, изобразительным искусством и многими другими областями» [14, с. 3], что говорит о ее многоаспектности и многоплановости. Сложную синтетическую природу этого феномена невозможно достаточно полно изучить в рамках отдельной научной дисциплины, теории или концепции, поскольку многие актуальные вопросы, связанные с ним, расположены на границе между культурой, философией, психологией, информационными технологиями и социальными науками в целом. Это утверждение обосновывает выбор автором в качестве основополагающего теоретико-методологического подхода к исследованию заявленной проблематики именно междисциплинарного синтеза культурологии, информационных и транс-медиа технологий, социологии, а также современного искусства.

Целью настоящей статьи является рассмотрение значения и функциональных особенностей фантастической реальности видеоигр в социокультурном пространстве оцифрованного информационного общества.

Специфика видеоигр в контекстах цифровизации, информатизации и медиатизации современного социума

Самым большим изменением в медиа-ландшафте за последние двадцать лет стало не столько развитие сети Интернет, сколько усиление тенденции цифровизации отдельных направлений и объектов в культуре. Цифровые технологии дематериализуют медиатекст путем преобразования блоков данных из аналоговой в цифровую форму, что позволяет получать, обрабатывать и хранить значительно больший объем информации в сравнении с аналоговыми носителями. Кроме того, интерактивность новых медиа делает процессы взаимодействия между пользователями и поиск информации намного более доступными и удобными. Сегодня большинство медиатекстов (журналы, газеты и т.д.) передаются в цифровом формате. И даже традиционные бумажные книги сначала набирают на компьютере, а потом производят печать цифрового файла.

Цифровизация процессов коммуникации сделала обмен информацией более быстрым и эффективным, чем кто-либо мог предположить ранее. Тем не менее, ее влияние на культуру нельзя назвать всеобъемлющим. Несомненно, некоторые средства мультимедиа, такие как, например, видеоигры, являются абсолютно новыми (до возникновения цифровых технологий их не существовало), но здесь стоит подчеркнуть, что цифровизация культуры подразумевает под собой скорее переосмысление типовых форматов объектов культуры, а не полный отказ от них с последующей заменой на абсолютно новые.

Об этом пишут М.Э. Рябова и И.В. Вашунина, – «Электронные средства массовой информации и современные визуальные медиа совершенно не обязательно дают нам принципиально новые формы общения. Нам остается и фотография, и картина, и кино, и театр, и просто живое общение» [2, с. 51]. Разница состоит лишь в том, что теперь практически любую информацию можно получить с помощью одного устройства – будь то персональный компьютер или смартфон с доступом к сети интернет.

Художественные произведения в книжных изданиях, музыка, записанная на пленку и фотографии в семейных альбомах – примеры старых медиа-материалов, которые сохранились в информационную эпоху, однако для этого им пришлось пройти процесс цифровизации. Теперь люди читают книги через специальные планшеты, слушают музыку, скачивая понравившиеся композиции на мобильный телефон, отправляют письма через электронную почту и т.д. Современный медиа-ландшафт меняется ускоренными темпами, благодаря чему виртуальная культура, как неотъемлемая часть информационного общества, начинает приобретать характеристики мультимодального, многосредового феномена. Новые социальные, экономические, образовательные и другие потребности требуют овладения новыми навыками, в том числе дивергентным мышлением. И один из ключевых способов, с помощью которого субъект не только формирует, но и познает новую культурную среду – это игры.

С целью избежать вопросов касательно аппаратной платформы, на которой работают те или иные игры, в настоящем исследовании употребляется именно понятие «видеоигры», а не «компьютерные» игры. Поскольку предложенный термин применим ко всем типам современных цифровых игр: не только компьютерным, но и консольным, а также мобильным.

Видеоигру можно определить как семиотическую систему, пользователи которой вступают в искусственно созданный конфликт, строго ограниченный определенным набором правил. Аналогично ситуации в объективной действительности, управляемой физическими законами, в мире игры все объекты и инструментальные средства имеют четко определенную цель, и подчиняются своим порядкам. Именно поэтому обязательным условием правильного использования интерактивных элементов окружения является внимательное изучение игры и установленных разработчиками правил.

Видеоигры – яркий пример динамики современной культурной глобализации. По мере расширения занятого ими медиа-сегмента, игры начинают оказывать мощное влияние на разные сферы деятельности человека, благодаря чему, они все глубже интегрируются в систему культуры. Это один из популярных способов времяпре-

провождения, рассчитанный на массовую аудиторию. Технический прогресс в области развития виртуальной культуры позволяет рассматривать их как высшую форму фантастической реальности.

Видеоигры одинаково влияют на психическое, эмоциональное, нравственное состояние личности, и на развитие общества в целом. Фантастическая реальность синтетических миров становится одним из определяющих факторов, трансформирующих современную цивилизацию из «общества потребления» в «общество участия», ведь в основе любой игровой концепции всегда лежит элемент воображения, который, согласно высказыванию К. Маркса, можно определить как, – «...великий дар, так много содействовавший развитию человечества». Понятие «физическая реальность» относится к любому явлению или объекту в окружающем мире объективной действительности, в пределах которого изначально существуют человек и общество, а любая другая реальность является особой синтетической надстройкой и поэтому называется фантастической.

Несмотря на распространенное утверждение, что основная функциональная особенность видеоигр связана с развлечением, компенсацией однообразности повседневности, они транслируют информацию, консолидирующую разные группы пользователей сети. Не стоит забывать и о том, что игры всегда были способом совместного времяпровождения, социальной активностью: начиная со времен изобретения нардов и шахмат, и до появления настольных игр (например, всемирно известной «Монополии»). Из этого следует, что современные видеоигры являются одной из быстрорастущих форм средств массовой информации и массовой коммуникации.

Такое восприятие видеоигр подкрепляется фактом, что человек новой информационной эпохи уже давно перестал быть пассивным получателем контента – теперь он также его производитель. Эта тенденция характеризуется способностью субъекта создавать пользовательский контент и размещать его в общедоступных источниках. Наглядный пример – фанатские субкультуры. Результаты исследований теоретиков культурологии и медиа-социологии А. МакКи и Г. Дженкинса подтверждают, что фанатские сообщества зачастую можно рассматривать не только как потребителей медиа-контента, но и как его активных неофициальных (а в некоторых случаях и официальных) производителей [12; 11].

Фан-культура, или фэндом – это сообщество, построенное вокруг феномена популярной культуры (книги, музыкальной группы, фильма, видеоигры и т. д.) объединяющее людей из разных народов, разных возрастных и социальных групп. Для участника этого общества фантастические миры служат источником вдохновения и фор-

мой культурного самовыражения.

В фан-культурах творчество и художественное выражение проявляются, прежде всего, в жанрах фан-арта, фанфикшн и в косплее. Фанфикшн представляет собой истории, придуманные и написанные фанатами определенного художественного произведения; фан-арт можно определить как изображение, созданное поклонниками книги, комикса, фильма и т.д., основанное на мире произведения и его персонажах. Оно может быть разных стилей и направлений: традиционным портретным рисунком, концепт-артом или работой в жанре «цифровой рисунок»; косплей (сокращенный вариант английского термина *costumed play*, который можно перевести как «игра в костюмах») – это искусство изготовления костюмов, аксессуаров, фирменной атрибутики с целью изобразить героя из фантастического мира в реальной жизни.

Подобно другим традиционным формам, таким как телепрограммы, газеты, журналы, видеоигры все чаще используются для передачи той или иной информации. Они оказывают значимое влияние на культуру информационного общества, и тот факт, что общее число активных игроков непрерывно растет – тому прямое подтверждение.

Вопреки мнению некоторых исследователей, которые высказывались категорически против распространения видеоигр, (например, Ю. Провенцо заявил, что, – «Игры бессмысленны для большинства образовательных, социальных и культурных потребностей» [13, с. 34].) фантастическая реальность мира игры преобразует и усиливает межличностные связи. По утверждению Г. Кроуфорда: «Отсутствие подробного и всестороннего анализа важности видеоигр в повседневных моделях становится еще более поразительной, если учесть, что для растущего числа людей они являются относительно обычной, а порой даже обыденной деятельностью» [9, с. 148]. Цифровые игры стали точно такой же частью повседневной жизни, как книга, новостная телепередача или кино. Это объясняется тем, что человек информационной эпохи по-другому воспринимает видеоигры: устойчивое представление о виртуальных средах, как о продукте исключительно развлекательного характера, ушло в прошлое.

Видеоигры быстро становятся самой потребляемой и, следовательно, самой прибыльной культурной индустрией в мире. По данным исследования, проведенного аналитическим агентством *NewZoo* в 2018 году, в 28 странах мира насчитывается примерно 2,3 миллиарда игроков. Другими словами, примерно каждый четвертый регулярно играет в видеоигры. В прошлом году рынок игровой индустрии заработал около 137,9 миллиардов долларов [16]. Газета «Коммерсантъ» со ссылкой на ма-

териал агентства *NewZoo* сообщает, что согласно прогнозам кампании, число игроков в России увеличится до 66 млн. человек до конца 2019 года [3]. Такой беспрецедентный успех видеоигр отразился и на других фундаментальных элементах медиаландшафта – музыке, кино и театре.

В эпоху цифровых технологий, чтобы не потерять актуальность и интерес зрителей, современные кинотеатры адаптируют и активно используют достижения технологического прогресса: очки виртуальной и дополненной реальности, технологии 3D изображений, видеопроекции, светомузыку, игровые механики и пр. А недавно появился новый жанр интерактивного онлайн-общения на сцене, в основе которого лежат социальные сети.

В мае 2018 года на фестивале «Золотая маска» в номинации «Эксперимент» театр «Поиск» представил свой проект в жанре «спектакль-чат». Его главная особенность заключалась в том, что все задействованные в постановке актеры вели диалоги только в социальных сетях посредством мобильных устройств, причем у зрителей была возможность присоединиться к их беседам, и тоже стать частью сюжета. Однако и наблюдать за такой ситуацией невербальной онлайн-коммуникации, происходящей на сцене, тоже не менее интересно – ведь даже одна лишь переписка в чате может поведать удивительную историю.

Мобильные средства связи настолько прочно вошли в повседневную жизнь каждого человека, что представить дальнейшее существование без них достаточно сложно. И если несколько лет назад они обладали лишь одной функцией – коммуникационной – то теперь их список опций заметно расширился. Современные гаджеты не только обеспечивают функцию связи, но и служат хранилищем различных моментов жизнедеятельности, запечатленных на фотографиях и видеороликах. Для многих людей мобильный телефон стал своего рода ключом к социальной жизни, и, несомненно, игры – ее неотъемлемая часть.

Высокая популярность мобильных игр обусловлена в первую очередь их широкой доступностью – они не слишком требовательны к электронной начинке, в отличие от дорогих проектов с впечатляющей графикой, выпускаемых на консолях (*Xbox One, PS4, Nintendo Switch* и др.) и игровых ПК, благодаря чему они работают на большинстве современных устройств. Кроме того, в мобильные игры можно играть в дороге, во время перерыва на работе или в отпуске – достаточно иметь под рукой смартфон или планшет. Следует также добавить, что многие из них работают по принципу социально ориентированной платформы.

Сегодня большая часть видеоигр, как правило, имеет высокоразвитую социальную игровую составляющую, независимо от того, играет ли пользователь в сессии с незнакомыми людьми, подобранными системой автоматического поиска или с друзьями, или просто сравнивает свои результаты в таблице лидеров. Взаимодействие субъекта с фантастической реальностью видеоигры и другими участниками, находящимися в ее среде, способно помочь разрешить ряд проблем социологического характера, среди которых особенно следует выделить формирование социокультурной картины мира личности и обновление института образования.

Это можно объяснить тем, что игра позволяет лучше понять социокультурную реальность. Она повышает уровень технической и медиа-грамотности, а также совершенствует навыки коллективной работы. М. Барр из университета Глазго в Шотландии полагает, что многопользовательские онлайн-видеоигры способствуют общему развитию уровня интеллекта, навыков общения у молодых людей, и кроме того, помогают им лучше адаптироваться к различным ситуациям социокультурного характера в реальной жизни [6, с. 86]. Здесь стоит добавить, что хотя многопользовательские интерактивные видеоигры и функционируют в качестве катализатора коммуникативного взаимодействия между игроками, анонимность, обеспечиваемая сетью интернет, при этом никуда не исчезает. Она по-прежнему дает человеку свободу выражать грани своей личности или экспериментировать с ними.

Как показывает практика, эффективность восприятия интерактивной, визуализированной информации на порядок выше, чем статичной односторонней, не предполагающей обратного отклика. Это обусловлено тем, что почти 70% сенсорных рецепторов человека, обеспечивающих вход в нервную систему, расположены на сетчатке глаза (в среднем 120 миллионов рецепторов). Более того, примерно 50% мозга выполняет функцию обработки именно визуальной информации. Человеку требуется 1/10 секунды, чтобы воспринять и понять визуальную ситуацию. Причем, о том, что визуализация информации облегчает процессы чувственного восприятия и познания еще в 1999 г. (фактически, это начало информационной эпохи) говорили С.К. Кард, Д.Д. МакКинлей и Б. Шнейдерман [7].

Для современного человека особое значение имеет форма подачи информации – она должна активизировать разум и чувства, вызывать эмоциональный отклик. Интерактивные фантастические миры видеоигр предоставляют новые возможности для более глубокого изучения процессов использования визуализированной информации с целью решения ряда практических задач. Например, проблем глобализации, социализации, инкультурации и формирования мультикультурной личности.

Многопользовательские онлайн-игры поощряют коммуникацию между участниками. Процесс внутриигровой социализации нередко приводит к формированию длительных отношений между игроками (в том числе и в реальной жизни). Цифровые технологии позволяют людям, которые никогда не встречались, легко преодолеть географические и языковые барьеры, и общаться посредством языка игр.

Любая активность пользователя в пределах границ фантастического мира видеоигры, по сути, носит характер гибридной культурной практики, которая нередко предполагает межкультурные контакты. Растущее международное значение игр обусловлено процессами глобализации и цифровизации, поскольку круг общения человека информационной эпохи больше не ограничивается отдельными социальными группами, составляющими его повседневное окружение. Играя, субъект регулярно взаимодействует с другими людьми по всему миру, тем самым развивая свою мультикультурную личность.

С эпистемологической точки зрения виртуальная культура дает представление о том, как видеоигры могут помочь проанализировать ряд аспектов социальной жизни в информационной эпохе. Важно подчеркнуть, что видеоигры не только способны экспонировать проблемы социального характера, но еще и формировать их, и способствовать трансформации уже существующих.

Феномен игрофикации социокультурного пространства современности

В настоящее время в разных областях социальной реальности (бизнес, экономика, кино и т.д.) идет интенсивный процесс **игрофикации** – внедрение в общую рабочую концепцию той или иной сферы деятельности игровых механик. Это могут быть квесты, ролевые игры, системы очков, достижения, а также отсылки на популярные культурные феномены. Хотя игрофикация все еще находится на стадии становления, это направление развивается очень быстро.

В видеоиграх всевозможные значки и достижения служат наградой за выполнение второстепенных целей и задач, которые не влияют на результат игры, но приносят элемент разнообразия в исследование фантастического мира. Независимо от жанра видеоигры, достижения являются конвенциональным инструментом для мотивации пользователей продолжать играть и развивать свои навыки дальше.

Нечто подобное уже внедряют в операционные системы мобильных телефонов. Зачастую разработчики приложений и интернет сервисов добавляют в про-

граммное обеспечение мобильных устройств значки и мини-задания, которые вместе составляют интуитивно понятный интерфейс. Так, с помощью достижений, баллов, интерактивных элементов и списков рейтингов крупные кампании-производители содействуют формированию новых компетенций у пользователей сети. Как правило, это делается для продвижения продаж и большего охвата аудитории.

Еще один пример: водители такси, зарегистрированные в онлайн-сервисе "Uber" зарабатывают поощрительные значки в специальном приложении. Так, значки «отличный сервис» и «приятная беседа» на первый взгляд могут показаться несущественной мелочью, но они обладают определенной функцией – побуждают водителей работать эффективнее. Здесь важно подчеркнуть, что игрофикация строится в том числе и на мотивационных психологических приемах, таких как самоутверждение и конкуренция. Играя, люди обычно используют разные умения и навыки, тем самым испытывая свою компетентность. При достижении условного результата они получают положительные эмоции, что вполне характерно для мотивированного человеческого поведения.

Существуют, в том числе, специализированные цифровые программы, задача которых заключается в концентрации внимания пользователя. Так, список лучших приложений *Google play* в 2018 году пополнила разработанная для мобильных устройств программа под названием "ForestApp". Она помогает пользователю не отвлекаться на смартфон или планшет, когда ему необходимо сосредоточиться на конкретной деятельности. Принцип работы этого приложения очень прост: каждый раз, когда субъекту нужно сосредоточиться на какой-либо активности, он включает программу на своем телефоне и «сажает» виртуальное дерево. Пока приложение активно (оно блокирует доступ к другим функциям устройства), и человек не трогает телефон в течение установленного срока – дерево растет. Но стоит закрыть приложение – дерево погибает [1].

Таким образом, оставаясь сосредоточенным на протяжении длительного периода времени, программа поможет вырастить целый цифровой лес. В настоящий момент разработчики тестируют функцию получения виртуальной валюты через это приложение, которую можно использовать для покупки настоящей древесины.

Успешное взаимодействие с интерактивными элементами способно вызвать у субъекта ни с чем несравнимое чувство самоопределения, чувство выполненного долга (как и при завершении очередного уровня головоломки), но, что главное – ставит перед ним конкретную, заветную цель.

Сложные динамичные игры предлагают множество

познавательных паззлов, за выполнение которых полагается цифровая награда. Ее получение определенно повысит уровень самооценки, и, несмотря на виртуальность приза, человек испытает настоящий эмоциональный подъем, поскольку успешное прохождение таких игр действительно требует сосредоточенного пространственного внимания и применения ряда других когнитивных навыков: памяти, многозадачности, умственной гибкости и т.д.

Одна из главных особенностей видеоигр заключается в силе эффекта погружения. Находясь в фантастической реальности виртуального мира, сознание человека входит в иммерсивное состояние. Иммерсивное состояние сознания – это психологический феномен, характеризующийся предельной сосредоточенностью на задачах, предусмотренных игровой ситуацией, чувством удовлетворения от их выполнения. Видеоигра вовлекает пользователя в процесс динамического взаимодействия с фантастической реальностью уже на этапе своего запуска, когда предлагает изучить электронный интерфейс и механику управления, а также установленный свод правил. Сам по себе игровой процесс, из-за вызываемого им довольно сильного иммерсивного состояния, нередко приводит к потере чувства времени и места. Несмотря на то, что временная потеря самосознания очевидна в ходе потребления любого традиционного медиа (например, когда субъект смотрит кинофильм или читает книгу), погружение в фантастическую реальность мира видеоигры имеет несколько иной порядок. Во многом это происходит благодаря усиленному эффекту присутствия, который возникает в результате тесного умственного, эмоционального и тактильного взаимодействия индивида с игровым миром и устройствами ввода-вывода информации. Необходимость выполнять сложные комбинации действий, изложенных выше – овладение системами управления, изучение механик игрового процесса, решение головоломок, стратегическое планирование и т.д. приводит к интенсивной концентрации. Игры специально создают неожиданные и удивительные ситуации, требующие от пользователя оригинального, творческого подхода, так же как и реальный мир, изобилующий запутанными сценариями с непредвиденными последствиями и непредсказуемыми результатами.

Фантастическая реальность видеоигры предоставляет человеческому мозгу пространство для безопасного исследования всего спектра сложностей объективной действительности. В качестве примера можно привести тренировочные авиасимуляторы, не так давно ставшие частью подготовки операторов беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Широкое использование дронов в военных и гражданских целях создало высокий спрос на квалифицированных пилотов такого типа машин. Цифровые системы обучения позволяют сделать профессиональную летную подготовку более доступной в

условиях сокращения бюджета.

Симуляторы полета знакомят будущих пилотов с реальной кабиной самолета, оснащением боевого истребителя, или с устройством беспилотника; экономят топливо, а также полностью исключают износ двигателей летательных аппаратов. Кроме того, они могут воспроизводить экстремальные условия, моделировать чрезвычайные ситуации и сбои системы, не подвергая при этом опасности реальных людей. Полноценные авиасимуляторы используют передовые технологии в областях аэродинамики, компьютерной графики, коммуникации и воздушного движения.

Благодаря широкому диапазону игровых задач и проблем, которые можно решать методом проб и ошибок, современный человек учится смотреть на ситуации в реальной жизни с разных сторон. Цифровые технологии позволяют ему проживать в буквальном смысле сразу несколько отличающихся друг от друга жизней, и поэтому, можно предположить, что фантастическая реальность в любом случае всегда будет пересекаться с реальностью физической.

Конечно, вышесказанное еще не означает, что стоит целый день сидеть перед экраном монитора. Чтение книг, просмотр кинофильмов, занятия спортом – все это важная составляющая здорового образа жизни. Тем не менее, игровая индустрия, несомненно, будет играть еще большую роль в будущем, поскольку виртуальная культура продолжает расти и развиваться, обеспечивая новой средой для реализации творческих способностей. Видеоигры, как и все игры в целом, основываются на многих аспектах культуры, и, кроме того, выполняют роль связующего компонента между ними.

Фантастическая реальность видеоигры – это ориентированный на игрока процесс интерактивного повествования, который фокусируется на психологии каждого конкретного пользователя, его потребностях, интересах. Деятельность в пределах виртуального мира видеоигры имеет очевидное сходство с таковой в объективной действительности. Многопользовательские игры способны трансформировать идеи и мысли игроков, формировать у них новую социокультурную картину мира. Они предлагают свою собственную интерпретацию различных вопросов, в том числе и ряда проблем экзистенциального характера. К примеру, старый конфликт между добром и злом, нередко встречающийся в разных культурных формах на протяжении всей истории человечества (в мифологии, литературе, поэзии, кино и т. д.), получил новое отражение в виртуальном пространстве. Неудивительно, что философские темы попали в игровую среду, ведь за последние несколько лет цифро-

вые игры достигли высочайшего уровня сложности проработки мира и глубины повествования. Их потенциал еще только предстоит раскрыть. Взаимодействие с фантастической реальностью стало неизбежным для всех, кто живет в информационном обществе. Дальнейшие исследования по целому ряду дисциплин необходимы, поскольку в последнее время реальные действия все чаще заменяются виртуальными.

Путешествия в фантастические игровые миры удовлетворяют несколько разных типов потребностей человека. Во-первых, потребность в ощущении собственной компетентности, т.е. желании получить контроль над определенной ситуацией. Людям нравится отслеживать свой внутриигровой прогресс, делиться успехами в получении электронных достижений с друзьями и со всем миром. Во-вторых, необходимость чувствовать себя полезным. Субъект испытывает положительные эмоции, когда ощущает значимость для других, поскольку своими действиями в фантастической реальности он вносит существенный вклад в развитие общества (пусть и виртуального). Можно предположить, что именно по этой причине многие игровые задания – так называемые квесты – зачастую строятся по принципу: помоги конкретному НИП (Неигровой персонаж. Герой, которым управляет не игрок, а искусственный интеллект) найти какой-либо предмет или спаси его от врагов.

Разумеется, все вышеперечисленные потребности могут удовлетворить работа, учеба, любимое хобби или занятия спортом. Но, очевидно видеоигры предлагают гораздо более интересный и эффективный способ. Они ставят перед пользователем увлекательные цели и наглядно демонстрируют прогресс в их достижении. Подобная система показала себя настолько хорошо, что ее уже можно встретить в социальных сетях, мессенджерах и на популярных интернет-порталах.

Начиная с момента своего появления в обществе, и до настоящего времени видеоигры одновременно восхищают, и вызывают тревогу. Например, некоторые исследователи, как было отмечено выше, убеждены в том, что они оказывают лишь негативное влияние на общее психологическое состояние человека. Однако не стоит забывать, что похожая реакция наблюдалась во время распространения книгопечатания и изобретения телевидения.

Сегодня видеоигры стимулируют рост мировой экономики, их внедряют в сферы образования, коммуникаций и в военный сектор. В них играет огромное число людей независимо от возраста, религиозных мировоззрений или национальной принадлежности. Фактически, для многих игры стали специфическим образом жизни.

На мой взгляд, растущая популярность видеоигр может быть связана с их специфической способностью сочетать в себе современные виртуальные технологии, обеспечивающие высокую степень реалистичности изображения, и фантастическую реальность, основанную на динамичном повествовании и социокультурных маркерах. По аналогии с объективной действительностью, в них заложены свои правила и законы, история, география, нередко даже язык и аутентичная мифология. Сюжетные линии экранных игр часто соотносятся

с морально-нравственными установками, ритуалами и ценностями, предоставляя игрокам доступ к универсальным знаниям, связанным с историей, обществом, человеком и культурой. Благодаря трехмерному моделированию, системе захвата движений и сложным программным модулям эти многоэлементные, визуально привлекательные синтетические среды кажутся крайне убедительными. Вероятно, по этой причине они и стали основными медиапродуктами и широко популярными артефактами современной виртуальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мобильное приложение Forestapp [Электронный ресурс] URL: <https://www.forestapp.cc/> (дата обращения: 23.06.2019).
2. Рябова, М.Э., Васькина, И.В. Функционирование зрительных образов в средствах массовой коммуникации // Вестник российского нового университета, сер.: «Человек в современном мире». 2016. №2. С. 50–54.
3. Шестоперов, Д. «Гейм-парад. Расходы россиян на видеоигры растут» [Электронный ресурс] Газета Коммерсантъ // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4019540> (дата обращения: 22.07.2019).
4. Ahmad, S.M.S., Fauzi, N.F.M., Hashim, A.A., Zainon, W.M.N. W. (2013). A study on the effectiveness of computer games in teaching and learning. *International Journal of Advanced Studies in Computers, Science and Engineering*. Vol. 2 (1).
5. Aleem, S., Capretz L.F., Ahmed F. (2016). Empirical investigation of key business factors for digital game performance, *Entertainment Computing*. Vol. 13. pp. 25–36.
6. Barr, M. (2017). "Video games can develop graduate skills in higher education students: A randomised trial." *Computers & Education*. Vol. 113. pp. 86–97.
7. Card, S.K., Mackinlay, J.D., and Shneiderman, B. (1999). "Readings in Information Visualization: Using Vision to Think." Morgan-Kaufmann. San Francisco, CA. P. 712.
8. Chiang, Y.T., Lin, S.S.J., Cheng, C.Y., & Liu, E.Z.F. (2011). Exploring online game players' flow experiences and positive affect. *The Turkish Online Journal of Educational Technology*. Vol. 10. No. 1. pp. 106–114.
9. Crawford, G. (2012). *Video Gamers*. Routledge, New York. P. 190.
10. Crocco, F., Offenholley, K., Hernandez, C. (2016). A proof-of-concept study of game-based learning in higher education. *Simulation & Gaming*. Vol. 47 (4). pp. 403–422.
11. Jenkins, H. (1992). *Textual Poachers: Television Fans and Participatory Culture*. Routledge, New York and London. P. 352.
12. McKee, A. (2002). Fandom. In: Miller, T. (Ed.), *Television Studies*. BFI Publishing, London. pp. 66–70.
13. Provenzo, E. (1991). *Video Kids – Making Sense of Nintendo*. Harvard University Press, Massachusetts. P. 184.
14. Ruggill, J.E., McAllister, K.S. (2011). *Gaming Matters: Art, Science, Magic, and the Computer Game Medium*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press. P. 168.
15. Wesely, D., Barczak, G. (2010). *Innovation and Marketing in the Video Game Industry*. London: Routledge. P. 280
16. Wijman, T. (2018). *Newzoo's 2018 Report: Insights Into the \$137.9 Billion Global Games Market* [Электронный ресурс] Newzoo // URL: <https://newzoo.com/insights/articles/newzoos-2018-report-insights-into-the-137-9-billion-global-games-market/> (дата обращения: 24.07.2019).
17. Wolf, M.J.P., Perron, B. (2003). *The Video Game Theory Reader*. London; New York: Routledge. P. 368.
18. Zackariasson, P., Wilson, T.L. eds. (2012). *The Video Game Industry: Formation, Present State, and Future*. New York: Routledge. P. 282.

© Елисеев Андрей Валерьевич (eliseev.andrey94@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ

Крюкова Людмила Сергеевна

К.филол.н., старший преподаватель, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
l.s.kryukova@mail.ru

INFORMATION TECHNOLOGIES AS A MEANS OF PRESERVATION OF LANGUAGE AND CULTURAL DIVERSITY

L. Kryukova

Summary: The article deals with the issues of preserving linguistic diversity and the role of information technologies in this process. The author refers to the activities of UNESCO, as well as the works of Russian and foreign scientists on this theme, compares statistical data on the distribution of languages in the Internet. The uniqueness of the work lies in the fact that language diversity is considered through the prism of the dissemination of languages through information technologies. As a result, the author comes to the conclusion that information technologies can have both positive and negative impact on the preservation of linguistic diversity and culture. English is the predominant language in the Internet. However, the existence of alternative sites in the native language and the availability of the Internet as a means of self-expression contribute to the preservation of the languages of small peoples and national minorities, and the dissemination of their culture and traditions.

Keywords: language, culture, cultural heritage, language diversity, language identity, information technologies, globalization, Internet.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы сохранения языкового разнообразия и роль информационных технологий в данном процессе. Автор обращается к деятельности ЮНЕСКО, а также работам отечественных и зарубежных ученых, посвященных этому вопросу, сравнивает статистические данные о распределении языков в сети «Интернет». Уникальность работы заключается в том, что языковое разнообразие рассматривается через призму распространения языков посредством информационных технологий. В результате автор приходит к выводу, что информационные технологии могут оказывать как положительное, так и негативное влияние на сохранение языкового разнообразия и культуры. Английский язык преобладает в Интернете. Однако существование альтернативных сайтов на родном языке и доступность Интернета в качестве средства самовыражения способствуют сохранению языков малочисленных народов и национальных меньшинств, распространению их культуры и традиций.

Ключевые слова: язык, культура, культурное наследие, языковое разнообразие, языковая идентичность, информационные технологии, глобализация, Интернет.

В современном обществе активно идут процессы глобализации, которые оказывают непосредственное влияние на культуру и язык людей. Языковое и культурное разнообразие, существовавшее на протяжении многих столетий, в наше время находится под угрозой. Языки малочисленных народов и национальных меньшинств постепенно исчезают, уступая место более распространенным языкам. Лидирующую позицию занимает английский язык. Это обусловлено не только тем, что он является языком бизнеса, туризма и международных отношений, но и благодаря его широкому распространению в СМИ, а также ведущей роли в качестве средства общения при использовании информационных технологий. Сейчас так же, как и несколько десятилетий назад, остается актуальным вопрос: как влияет развитие информационных технологий, в частности Интернета, на языковое разнообразие и может ли оно оказать положительное влияние на сохранение языков и культуры народов.

Сохранение культурного разнообразия – одна из главных задач ЮНЕСКО. Основанная в 1945 году организация с первых дней своего существования вносит большой вклад в развитие взаимопонимания между на-

родами и обмен знаниями за счет использования всех средств массовой коммуникации.

Всеобщая декларация указывает на межкультурный диалог, проявление толерантности и уважения к культурному разнообразию как важные условия для сохранения мира. Кроме того, в декларации подчеркивается, что глобализация и стремительное развитие информационных технологий представляют угрозу для культурного разнообразия, препятствуют диалогу между культурами и цивилизациями.

Благодаря глобализации мир вступил в новую эру интерактивного общения: теперь доступ и обмен информацией осуществить легче, чем это было прежде. Однако сложившаяся ситуация также вызывает опасения у некоторых ученых. Несмотря на то, что информационные технологии значительно способствуют свободному распространению знаний, они могут привести к разделению на информационно богатых (имеющих доступ к информации) и информационно бедных (лишенных такой возможности). В результате такого же доминирования определенная группа языков может ограничить средства выражения и, таким образом, привести к унифика-

ции культуры. В связи с этим по инициативе ЮНЕСКО в 1997 году государства-члены организации приступили к разработке рекомендаций о «поддержке использования многоязычия и об обеспечении всеобщего доступа к киберпространству» [2, с. 25]. Данные рекомендации должны были стать существенным вкладом ЮНЕСКО в работу Всемирного Саммита по информационному обществу в 2003 и 2005 годах.

Следует отметить, что, являясь основой общения и частью культурного наследия людей, язык также представляет для них большую эмоциональную и культурную ценность. В нем заключено историческое, философское, литературное и образовательное наследие народа. Таким образом, доступ пользователя в информационном пространстве к наследию разных культур не должен быть ограничен языком.

При этом английский язык остается основным языком международного общения. Однако решение проблемы доминирования английского языка заключается не в «борьбе с английским», а в создании многоязычных сайтов и сайтов на других языках. Профессор информационных технологий университета Уэбстер в Женеве Генри Слеттенхаар аргументирует необходимость увеличения числа двуязычных сайтов следующим образом: «Местные сообщества в Сети должны, прежде всего, использовать свои родные языки для обмена информацией. Если они захотят сделать ее доступной для глобального общества, эта информация должна быть также доступной на английском. Я больше предпочитаю прилагать усилия для чтения оригинала, чем с легкостью читать слабый перевод» [2, с. 38-39]. Кроме того, Слеттенхаар проводит четкое разграничение между исследованиями и информацией, предназначенными для глобального бизнеса, и сведениями, представленными для определенной этнической или лингвистической группы. В первом случае следует использовать английский язык и при необходимости переводить информацию на местные языки. Во втором – предпочтительнее язык той группы, для которой предназначена информация, с кратким изложением на английском языке [2, с. 39].

Среди ученых и исследователей идет дискуссия о необходимости введения квот для каждого языка, но все они единодушны в том, что языковое разнообразие необходимо для обеспечения свободы мысли и выживания современного Человека [Там же].

С середины 1990-х распространению французского языка в Интернете в значительной степени способствовали работы Жана-Пьера Клутье и Оливера Богро.

Созданная в 1994 году Клутье еженедельная колонка «Кибернетические хроники» вначале предоставляла

сведения о сайтах и программном обеспечении на французском языке. Позднее в колонке стали размещаться национальные и международные новости.

В 1996 году благодаря усилиям французского библиотекаря О. Богро появилась Электронная библиотека Лизье, одна из первых цифровых библиотек в стране. При этом Богро был уверен, что библиотеку можно расширить до целого франкоговорящего мира в результате создания настоящей виртуальной библиотеки.

В то же время доминирование английского языка вызывает ряд трудностей для носителей и изучающих французский язык. По мнению Ричарда Шотена, преподавателя Высшей школы экономики в Лилле, «это политическая и идеологическая проблема. Этот «империализм» английского языка происходит из американского империализма. Когда кому-то не нужно прилагать усилия, чтобы его поняли, он и не прилагает. Над этим трудятся другие» [2, с. 41].

Некоторые ученые считают, что данный лингвистический, политический и языковой империализм является общей тенденцией. Так, например, Франция стремилась навязать свой язык в бывших колониях. Создатель сайта «Окно в Гаити» Антуан Гюи ведет активную борьбу за сохранение и распространение креольского языка, в то время как правительство Франции проводит кампанию в поддержку французского языка на Гаити. С 2000 года Гюи стал участником группы Mason Integrated Technologies, которая занимается разработкой доступных инструментов для документов, написанных на языках национальных меньшинств.

YourDictionary.com, основанный в 1999 году Робертом Бирдом, – справочный портал по всем языкам, уделяющий большое внимание языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Большинство из них не имеют письменности. Из существующих примерно 6000 языков лишь одна треть имеют устную и письменную формы. Бирд отмечает, что Интернет может играть положительную роль в сохранении языковой идентичности. В качестве примера он приводит американских индейцев, обратившихся к лингвистам с просьбой написать грамматику их языка и оказать помощь в составлении словарей. Таким образом, интернет становится для них доступным и дешевым средством культурного самовыражения [2, с.42].

Особый интерес представляет история развития Интернета в Китае и распространения китайского языка. В 1994 году Китай стал 77-й страной, получившей доступ к Интернету [8]. В 1999 году база активных пользователей Интернета в Китае составляла 2,5 млн. человек. В 2019 году в стране насчитывалось около 863 млн. пользова-

телей [10]. При этом государство и Коммунистическая партия Китая приложили значительные усилия к установлению цензуры в национальном сегменте Интернета для того, чтобы оградить китайских пользователей глобальной сети от «нежелательной» информации. За последние 20 лет в стране создан один из самых жёстких в мире режимов фильтрации информации в Интернете [3, с. 203]. Несмотря на то, что Китай занимает первое место по численности населения, в 2019 году количество сайтов на китайском языке составляло лишь 1,7 %. Столько же сайтов можно найти на польском языке, хотя численность населения Польши почти в 37 раз меньше, чем в Китае [7].

Большой вклад в распространение культуры Китая, с точки зрения правительства КНР, вносит обучение китайскому языку как иностранному. Председатель КНР Си Цзиньпинь придерживается мнения, что «очарование культуры страны и притягательная сила народа главным образом выражаются и передаются с помощью языка» [4, с. 108]. Во всем мире получила широкое распространение сеть Институтов Конфуция. В ноябре 2016 г. в 140 странах мира насчитывалось 510 Институтов, а число учащихся составляло около 2 млн. человек [5].

Количество сайтов на русском языке с 2011 по 2020 год увеличилось с 4,1 % до 7,6 % [9]. Более того, в 2013 году русский язык был вторым по популярности в Интернете, сместив на 3 строчку рейтинга немецкий язык. Широкое распространение русского языка во многом объясняется тем, что он является языком Русского мира. И хотя это понятие не используется в официальных документах, оно стало неотъемлемой частью современного политического дискурса, объединяя «деятельность государства по популяризации русского языка, культуры и образования на русском языке, поддержке соотечественников за рубежом и реализации иных проектов в гуманитарной сфере» [1, с. 123].

Русский язык не только представляет собой средство, с помощью которого осуществляется общение граждан Российской Федерации, но и выступает «в качестве зеркала русской культуры, языка межнационального и межкультурного общения, определяющего границы Русского мира (который называется рядом исследователей «миром русскоязычия»)» [1, с. 124].

На территории Российской Федерации также проживают малочисленные народы, проблема сохранения языка которых стоит сейчас очень остро. Одним из этнических регионов России является Западная Сибирь. Распространение знаний о языках и культуре этого региона оказывает положительное влияние на формирование благоприятной культурной среды, рост интереса населения к изучению обычаев и традиций, развитие ту-

ризма и научную и методическую работу образовательных и культурных учреждений Западной Сибири.

В Западной Сибири проживают представители двенадцати коренных малочисленных народов, являющиеся носителями самобытных культур, промыслов, традиций и языка. К коренным малочисленным народам относятся народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни и хозяйствования, численность которых не превышает 50 тысяч человек. При этом они осознают себя самостоятельными этническими общностями. К коренным малочисленным народам Западной Сибири относятся кумандинцы (Алтайский край, Республика Алтай, Кемеровская область), манси (Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область), ненцы (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа), селькупы (Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская и Томская области), теленгиты (Республика Алтай), телеуты (Кемеровская область), тубалары (Республика Алтай), ханты (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Тюменская и Томская области), челканцы (Республика Алтай), чулымцы (Томская область), шорцы (Кемеровская область, Республика Хакасия, Республика Алтай), эвенки (Томская и Тюменская области) [6, с. 107].

В связи с процессами ассимиляции и глобализации элементы материальной и духовной культуры представителей коренных народов края постепенно утрачиваются. В то же время неограниченные возможности сети «Интернет» имеют и положительный эффект, упрощая доступ к культурному наследию народов Западной Сибири, способствуя взаимному познанию и обогащению культур.

Таким образом, информационные технологии играют двоякую роль в сохранении языкового разнообразия и культуры. С одной стороны, в результате процессов глобализации английский язык становится общепризнанным языком международного общения и вытесняет другие языки. С другой стороны, информационные технологии дают возможность для сохранения языкового разнообразия. Во-первых, в случае существования сайтов на родном языке, направленных на определенную этническую или лингвистическую группу, пользователь скорее отдаст предпочтение им, чем их англоязычным аналогам. Во-вторых, для национальных меньшинств и коренных малочисленных народов, Интернет может стать средством культурного самовыражения, способствуя поддержанию контактов между носителями языка, сохранению и распространению их традиций и обычаев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астафьева О.Н., Козловцева Н.А. Государственная политика в сфере русского языка в контексте русского мира // Знание. Понимание. Умение. 2017. №3. – С. 122 – 139.
2. Кузьмин Е.И., Фирсов В.Р. Культурное и языковое разнообразие в информационном обществе. – СПб.: Рос. нац. б-ка, 2004. – 96 с.
3. Лексютина Я.В. Политика китайского руководства в вопросах контроля и регулирования Интернета // Общество и государство в Китае. 2015. №17-1. – С. 202 – 212.
4. Морозова Н.В. Распространение китайского языка как источник «Мягкой силы» КНР // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. №1 (7). – С. 106 – 112.
5. Об институтах Конфуция // Hanban. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 22.01.2020).
6. Петренко О.В., Ильина А.А. Культурное наследие народов Западной Сибири в сети Интернет // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. №2. – С. 106 – 117.
7. Список всех стран по численности населения. <https://all-populations.com/ru/list-of-countries-by-population.html> (дата обращения: 12.02.2020).
8. Evolution of the internet in China. <http://www.chinadaily.com.cn/china/2016even/index.html> (дата обращения: 14.02.2020).
9. Historical yearly trends in the usage statistics of content languages for websites. https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language/ms/y (дата обращения: 12.02.2020).
10. Internet world users by languages. Top 10 languages. <https://www.internetworldstats.com/stats7.htm> (дата обращения: 10.02.2020).

© Крюкова Людмила Сергеевна (l.s.kryukova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

ЛАТВИЙСКАЯ КНИГА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. КАК ФЕНОМЕН ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Фролов Дмитрий Александрович

*К.т.н., Директор, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард
frolov-dmitry@yandex.ru*

LATVIAN BOOK OF THE LATE XIX - EARLY XX CENTURIES AS A PHENOMENON OF ARTISTIC CULTURE

D. Frolov

Summary: The article examines the process of formation of book culture in Latvia from the second half of the XIX century to the First world war. It was the beginning of the twentieth century that marked the birth of the book culture in Latvia, thanks to the fact that the art Nouveau style gave a powerful impetus to the evolution of book art. The book is considered here as a phenomenon of artistic culture, an achievement of design art. Describing the books of Latvian and German book publishers, we highlight the trends characteristic of their design.

Keywords: book culture, book publishing in Latvia, art Nouveau, social and historical process, book design, book graphics in Latvia.

Аннотация: В статье рассматривается процесс формирования книжной культуры Латвии со второй половины XIX века до Первой мировой войны. Именно начало XX века стало временем зарождения в Латвии культуры книги, благодаря тому, что стиль модерн дал мощный импульс эволюции книжного искусства. Книга здесь рассматривается как феномен художественной культуры, достижение оформительского искусства. Приводя описание книг латышских и немецких книгоиздателей, выделяются характерные для их оформления тенденции.

Ключевые слова: культура книги, книгоиздательство в Латвии, модерн, общественно-исторический процесс, книжное оформление, книжная графика Латвии.

Книга, как феномен, является отражением культурных, исторических, социальных ценностей конкретной эпохи. Являясь частью полиграфического и оформительского искусства своего времени и конкретной территории, она может нести в себе её культурные коды.

Академик А.А. Сидоров отождествлял книгу с инструментом, которым нужно уметь пользоваться, а также с советчиком и учителем. Забота о её внешнем облике есть священная обязанность её творцов [1, с. 12]. Через индивидуальное творчество, в том числе и книжное оформление, проглядывается некая общая закономерность, характерная определенному уровню развития искусств, определённой художественной моде [2], а также иным тенденциям общественно-исторического процесса.

Важное значение приобретает понятие – культура книги, которое включает в себя функциональность книжных элементов наряду с функциональностью и эстетичностью художественного оформления [3, с. 29]. Рассматривая книжную культуру Латвии конца XIX- начала XX вв., остановимся на книге, как на феномене художественной культуры, на достижении оформительского искусства.

Среди трудов, посвященных истории книги в Латвии следует отметить работы В. Виллеруша и М. Бранциса, книжной графике – Я. Силиньша и Я. Домбровскиса,

латышской детской книге и ее оформлению – Я. Османиса, Ю. Баг, З. Купле.

Эволюцию книжного оформления на территории современной Латвии следует рассматривать со второй половины XIX века, когда латвийское национальное движение привело к значительным изменениям в книгоиздательстве Латвии. На рубеже 1860-х и 1870-х годов первые латвийские издатели, печатники, а также художники книги начали свою деятельность в Видземе и Курземе. В последующие годы после столетий абсолютного господства иностранцев (большинство из которых были немцами) произошел быстрый переход к сосуществованию двух независимых групп немецких и латвийских книоторговцев. В Латгалии традиция печатать латышские книги началась только в начале XX века (в XIX веке книги, адресованные латгальцам, в основном печатались в Вильнюсе).

В конце XIX века латвийские издатели восприняли озабоченность, высказанную «младолатышами», представителями латышского национального движения, в отношении визуальной информации в книгах, и сосредоточились на иллюстрации с участием своих соотечественников. Мастера репродукционной гравюры Карлис Кронвальдс в Риге и Мартиньш Буш в Елгаве начали сотрудничество с местными издателями. С 1884 по 1897 год эстонский мастер гравюры на дереве, иллюстратор Эдуард Магнус Якобсон жил и работал в Риге. Он, как и Мартин Буш, Адольф Якобсон и самоучка Густав Август

Миз (также Мизе), занимался репродукционной гравюрой по дереву, интерпретируя изображения различных тем и сюжетов, включая собственные рисунки. Янис Креслиньш («Латышские легенды из Малиены», 1891) и Артур Бауманис (Э. Зейботс «Баллады и романсы», 1896) иллюстрировали книги с сентиментальными сценами реалистического и символического содержания. Но все же оба художника больше являлись ремесленниками [4].

Если в XIX веке латышские графики лишь изредка занимались художественным конструированием книг, то с момента своего появления в 1904 году издательство «Zalktis» («Уж») делает первую попытку привлечь художников к систематическому сотрудничеству [5]. Одобрительные отзывы прогрессивных общественных деятелей об этом начинании, обращение лучших латышских художников к искусству книжной иллюстрации, внимание издательств Я. Озолса, А. Голтса-Зелтиньша, А. Гулбиса, Л. Нойманиса, А. Эссенса к художественному уровню своей продукции – все это свидетельствует о том, что широкая общественность испытывает потребность в хороших книгах, которые отличались бы высоким уровнем художественного оформления.

Янис Озолс (1859–1906) был первым из латышских издателей, кто так последовательно пытался содействовать развитию латышской литературы. В начале XX века его типография в Цесисе была одной из лучших на территории Латвии, особое внимание он уделял выпуску изданий латышской художественной литературы, в основном поэтическим сборникам. Всего Озолсу удалось выпустить около 160 прекрасно оформленных изданий [6, стр. 3].

В начале XX века стиль модерн дает мощный импульс эволюции книжного искусства. Его основой служит субъективная трактовка предметной реальности, где стилизация подчас является самоцелью [5]. В это время в оформлении книги происходят существенные перемены. Художники отказываются от иллюзорного изображения, излюбленного в прошлом столетии. Рисунок становится орнаментально-декоративным.

До второй половины 90-х годов XIX века художественное оформление латышских книг, как и балтийских немецких книг, было связано главным образом с дизайном обложки и титульного листа. Обложки и титульные листы были украшены более или менее богатыми типографскими элементами, связанными с историзмом и характерными для него орнаментами. Поэтому содержание книги никак не отражалось на ее оформлении.

Оформленные латвийскими художниками издания выпускались и за пределами Латвии, так, в 1892 году в Лейпциге, в издательстве «Belaieff» вышло первое изда-

ние сборника латышского композитора Язепа Витолса «Шесть песен для высокого голоса под аккомпанемент фортепиано», над оформлением которого работал Рихард Зариньш.

Элементы шрифта часто включаются в тематический рисунок (рисунки к обложкам повестей А. Саулиетиса «На болоте», 1904, автор Ян Розенталь; и «Беда», 1904, автор Юлий Мадерниекс). Новые веяния распространяются и на характер рисунка букв, выполненных Мадерниексом. Эти буквы имеют толстые, плотные, изогнутые формы, дополненные элементами орнамента фантастического характера. Возрастает роль виньеток. Эти новые тенденции способствуют росту популярности единого художественного оформления книги.

В начале XX века наблюдается плодотворное сочетание различных направлений искусства. Влияние на латышскую книжную графику творчества представителя историзма Уильяма Морриса усматривается в оформлении Рихардом Зариньшем книги «Наши народные сказки» (вторая тетрадь, 1903). С этого момента получает развитие взгляд, согласно которому книга должна быть ценным произведением декоративного искусства [5].

Художник Ян Розенталь много работал в области книжной графики. И как раз он предпринял первую попытку сделать книгу единым художественным ансамблем. Ею стала оформление издания собрания сочинений Зелтматиса (том 1-3, 1904–1912). Художник выполнил для него обложки, каждую новеллу предваряла виньетка, являющаяся иллюстрацией основного сюжета и настроения произведения; в конце новеллы давалась завершающая миниатюрная декоративная виньетка.

Художник оформлял также книги для детей, причем большое место в его творчестве занимала учебная литература. Эти иллюстрации демонстрируют умение художника проникнуть в мировосприятие ребенка и создать легко воспринимаемые отображения событий и явлений. Он выполнил также обложки детских книг, в том числе и для первой латышской оригинальной пьесы-сказки «Спридитис» А. Бригадере [7, стр. 371].

В 1903 году в Риге, в издательстве Я. Бригадере, вышла первая книга поэзии Яниса Райниса «Далекие отзвуки синего вечера», обложку для которой выполнил живший в Санкт-Петербурге Эрнест Зивертс (1879–1937). Райнис вновь обратился к Зивертсу с просьбой создать еще одну обложку для нового издания его поэзии, которое должно было выйти в издательстве Яниса Озолса в Цесисе. Однако в силу своей загруженности Зивертс в марте 1904 года рекомендует поэту обратиться к художнику Эдуарду Витолсу (1877–1954). Таким образом, в 1905 году в Цесисе вышла книга Яниса Райниса «Посев

бури» с обложкой, оформленной рекомендованным Зивертсом художником.

В книжной графике Юлия Мадерниекса еще ярче, чем в орнаментальных рисунках, проявляются характерные для искусства начала XX века ритмы, экспрессивный художественный язык. Наряду с акцентированием реально-психологического содержания литературного образа (рисунок обложки к рассказу А. Саулиетиса «Soda diena» («Судный день»), 1904) в его книжной графике наблюдается намеки на несложные символические метафоры (графическое оформление обложки к рассказу А. Саулиетиса «Kalējs Indriķis» («Кузнец Индрикис», 1904), «Рассказов» Я. Порукса, 1906, и др.). Внешним оформлением книги художник старается побуждать и настраивать читателя на восприятие изображенной писателем картины жизни [8, lpp. 53].

В 1906–1907 году весьма активной в области иллюстрации становится деятельность Алберта Кроненберга. В 1906 году он выполняет рисунки для собранных А. Балиньшем и изданных А. Кукурсом «Детских заметок» – сборников стихотворений Я. Порукса и Я. Райниса и несколькими сказками. Это самое первое отдельное издание, проиллюстрированное молодым художником.

Летом 1911 года в издательстве Ф. Кундзиньша вышла первая брошюра из серии сказок «Волшебная дудочка», иллюстрации и обложку для которой создал А. Кроненберг. Надо полагать, что заказ художник получил с помощью некоего доброжелателя и, возможно, выполнил рисунки до отъезда в Петербург. В книге для молодого художника было уже больше возможностей раскрыть свои замыслы, чем в отдельных работах. Иллюстратор искал близкий себе способ выражения. В отдельных рисунках уже ощущаются простота и тихий, добрый юмор, позднее характеризующий едва ли не каждую его работу, но подлинного стилистического единства книге не хватает – каждый цветной лист имеет свой изобразительный язык. Только обложки имеют одинаковое оформление. Но тут же, возможно, даже одновременно с первой, выходит вторая брошюра серии – «Кот и парень», где иллюстрации четкостью исполнения и единством графического оформления маленькой книжки уже резко отличаются от предыдущих. Отброшены все лишние мелочи, рисунки объединяются в общий ансамбль, поля расположены с хорошим декоративным чувством [9, lpp. 20]. Можно с уверенностью сказать, что в этих работах уже ощущается благотворное влияние творчества непосредственного учителя А. Кроненберга И. Билибина.

Значительный вклад в оформление детской книги внес Янис Роберт Тилбергс. Сказка Анны Бригадере (1861–1933) «Меднобород и батрак-силач», в течение многих лет оставалась непревзойденным художествен-

ным достижением в этой области. Издание выпущено Латвийским обществом просвещения и Латвийским обществом поощрения художеств в 1913 году. В семи иллюстрациях, выполненных в технике акварели, Я. Р. Тилбергс использовал сюжеты из древней латышской истории и весьма остроумно трактовал образ черта из латышской сказки – Медноборода, художник создал также обложку с изображением героя сказки. «Это издание может смело стоять рядом с такого рода изданиями народов большой культуры», – написано об этих иллюстрациях в годовом отчете общества поощрения художеств (1913). Такое суждение не было преувеличением, поскольку Тилбергс, по мнению искусствоведа Яниса Силиньша, помог поднять латвийскую книжную графику на уровень культивированного искусства, следуя хорошим традициям [10, lpp. 342].

В книге Анны Бригадере художник изображает костюмы стилизованные под эпоху Средневековья. Автор не стремился добиться этнографически точного изображения костюмов, но по изображениям их частей можно понять, что изображенные герои – латгалы, а сюжет разворачивается по археологической периодизации в позднем железном веке, скорее всего, в X в. – об этом говорит воинский браслет на руке хозяина, а также широкие пояса у воинов (узкие пояса появляются только в начале XI века) и трапециевидные подвески на цепочках, являющиеся частью костюмов хозяина и правителя. Такие подвески могли крепиться к цепедержателю или фибуле и были частью облачения как раз латгальских воинов в этот период [11]. Схожую датировку может иметь бронзовый веночек с ниспадающими «косами» из цепочек с трапециевидными подвесками, который можно увидеть на голове женщины, изображенной спиной к зрителю.

На иллюстрации, где батрак руководит процессом вывоза золота, герой изображен стоящим на бочке с надетым у локтя браслетом, этот способ ношения украшения является фантазией автора. Так же, например, в сцене рубки деревьев, Тилбергс изобразил батрака с современным художнику широколезвийным топором с прямоугольным в сечении древком, в то время как в X веке древко топора в сечении было круглым. Такие неточности, скорее всего, возникли в силу того, что художник не углублялся в подробности достижений современной ему археологической науки, а опирался на изображения костюмов и быта, встречавшихся ему у других авторов.

В этой связи отдельного внимания заслуживают напоминающие шлемы головные уборы латгальских воинов из бронзовых спиралек. Этот головной убор в действительности является неправильно реконструированным латгальским жгутовым женским венком. Дело в том, что

археология как наука в Балтии только-только начинала складываться в XIX веке, сбором артефактов зачастую занимались непрофессиональные археологи, а найденные в различных захоронениях находки нередко смешивались и искусственно объединялись в некорректные комплексы. По-видимому, таким же путем женский головной убор перекочевал в захоронение латгальского воина, и после знакомства с одним из таких «комплексов» профессор Дерптского университета Фридрих Карл Герман Крузе (1790–1866) поместил его на изображении воина в своей работе «Necrolivonica» (1842), ставшей хрестоматийной. В результате такие «шлемы» стали неотъемлемой частью костюма латышского воина. Данный пример может служить иллюстрацией к высказыванию У. Эко о том, что у образов есть «платоническая сила», они преобразуют частные идеи в общие [12].

Янис Яунсудрабиньш (1877–1962) получил известность в латвийской книжной графике благодаря своим иллюстрациям к написанной им самим «Белой книге» (1912–1915), его легендарным детским воспоминаниям, воплощенным в рисунках тушью. Каждое событие, описанное в книге, художник сопровождает рисунком. Передавая всю свежесть восприятия, Яунсудрабиньш стремится стилизовать свои работы, как бы подражая восприятию, передаваемому детскими наивными рисунками, пытаясь воссоздать образы людей, вещей и окружение, как они отображаются в сознании ребенка. Ему удалось создать тот волшебный мир детства, остров счастья, где все видится в солнечном, беззаботном свете, не без доли юмора (например, в рисунке «Tolķis» – «Толькис»). В целом ряде работ мы видим людей и эпизоды из жизни: «Bildes» («Картины»), «Briežu māte» («Лань»), «Jāņi» («Янов день»), «Maizes seršana» («Пекут хлеб»), «Meža burvība» («Лесное волшебство») и других, мир, который погрузился в безвозвратное прошлое. Я. Домбровскис писал, что созданные автором рисунки – самое ценное, что он создал в изобразительном искусстве, такого глубокого понимания детской психики, воспроизведенного в кристаллизованной, понятной детям форме, не показывал еще ни один латышский рисовальщик [10, lpp.342]. Можно сказать, что эти легенды достигли чего-то вневременного, поднявшись над границами места и времени.

В предвоенный период Эдуард Бренценс (1885–1929) заслужил внимание благодаря своим иллюстрациям – 60 рисункам к вышедшему в 1913 году отделением Рижского Латышского общества «Derīgu grāmatu nodala» («Отдел полезных книг») 4-му изданию книги братьев Каудзите «Времена землемеров». Сам роман, как писал И. Янсон, достаточно верно характеризует известную эпоху и широко охватывает латышскую крестьянскую жизнь, некоторые типы описаны так удачно, что они сделались нарицательными в латышской литературе [13, с. 18].

Для этого классического произведения Бренценс сделал, как пишет Я. Силиньш, конгениальные иллюстрации. Историк латвийского искусства Я. Домбровскис отзывался о книге так: «В этих иллюстрациях, которые демонстрируют, что он основательно углубился в изображенную в книге эпоху, Бренценс показал себя как одаренный рисовальщик, и их можно причислить к самым ценным рисункам к нашей литературе» [10, lpp.342]. Это самое выдающееся достижение из круга работ Э. Бренценса. Он смог глубоко прочувствовать жизнь латышской прошедшего века. Вместе с К. Миесниексом он объехал Пиебалгский край, штудировав народные типы, предметы и среду. Такие рисунки – не украшение книги, а сообщение о современной ей жизни и изображенных писателем типах. Важно отметить, что после Бренценса за иллюстрирование романа не брались другие иллюстраторы. Так иллюстрации Бренценса, его восприятие типов стали как бы эталоном для отображения героев «Времен землемеров». Эти произведения, созданные для литературного текста, являются одновременно плодом наблюдений и фантазии. Помимо иллюстраций художник создал и обложку книги, где использует форму цита с изображением традиционного латышского пейзажа, с обеих сторон которого он располагает героев романа.

Из работ учеников рижской студии Юлиа Мадерниекса хотелось бы выделить обложки художника Атиса Майзитиса (1889–1920-е). После студии Мадерниекса Майзитис продолжил обучение в Императорском обществе Поощрения художеств в Петербурге. Ему принадлежит оформление таких изданий, как «Женщины» М. Прево, «Сказки жизни» П. Альтенберга (оба вышли в свет в 1911 году). Майзитис является также автором издательской марки для типографии Эдуарда Браслиса.

В 1912 году в издательстве Екаба Аугуста Ранькиса (1875–1937) в Риге вышла в свет поэма Вилиса Плудониса «Реквием», оформленная художником Эдуардом Шмидтсом (1891–1937). Художник создал единый графический ансамбль, который производит впечатление гармоничной целостности. Вся книга оформлена в черном и белом цветах.

Биографических данных об этом авторе в Латвии почти не сохранилось. Однако из воспоминаний поэта Фридриха Лача, опубликованных в 1966 году, удалось выяснить, что Э. Шмидтс (с 1921 года – Шмидтс-Биройс) родился в городе Лемзаль (Лимбажи), затем переехал в Ригу, где учился в городской школе. Увлечение поэзией привело его к знакомству В. Плудонисом, который и оказал на него влияние как на поэта [14]. Шмидтс увлекся также иллюстрированием его произведений. В этих воспоминаниях имеется упоминание, что книгу, «Реквием» Плудониса, оформленную Шмидтсом, можно купить. Так-

же автор создавал карикатуры, публиковался в журнале «Gailis» – его работу можно увидеть на обложке первого номера журнала за 1912 год.

Из довоенных работ в области книжного оформления стоит упомянуть книгу «Сказка. Сила рыбы – помощник Бога», вышедшую в 1913 году. Оформил книгу Янис Зегнерс (1884–1933), художник, не получивший высшего художественного образования, посещавший студию Я. Розенталя в Риге, а затем окончивший школу Императорского общества поощрения художеств в Санкт-Петербурге (1902–1905).

В этом издании Зегнерс пытается создать для книги единый графический ансамбль, нарисовав обложку, заставку, буквицу, полосную иллюстрацию, концовку.

Отдельного внимания заслуживает оформление книг художниками из балтийских немцев, издававшихся в Латвии в конце XIX – начале XX века. Детальное изучение этой темы на данный момент затруднено в силу того, что учета выпускаемых книг не велось ни самими балтийскими немцами, ни латышами [15]. В 1897 году в Риге было 44 типографии, которые издавали книги на немецком языке, большинство из них принадлежало балтийским немцам и евреям. К самым крупным можно отнести типографии Миллера, Э. Платеса, А. Гротуса, А. Гроссета, В.Ф. Хекера. Тиражи латвийских книг в немецких типографиях были небольшими – 2–3 тысячи экземпляров. В выпускаемой ими литературе рассматривались вопросы местной истории, природы и географии, местные экономические и бытовые вопросы, а также публиковались произведения писателей – балтийских немцев.

Во второй половине 90-х годов XIX века художественное оформление балтийских немецких книг, как уже было сказано, сводилось главным образом к дизайну обложки и титульного листа. Обе обложки и титульный лист были украшены типографскими клише, более или менее связанными с историзмом и характерными для него богатыми орнаментами. Поэтому содержание книги не отражалось на ее оформлении.

Характерно, что стилистическое единообразие в книгах этого времени не всегда соблюдается – в одной и той же книге могли присутствовать необарочные, неоготические и другие орнаменты. Художественный дизайн книги на самом деле пережил глубокий кризис в это время. Однако это было не локальное явление, а всеобъемлющее – то же самое можно было наблюдать в Германии.

Новые веяния в дизайне обложек появились уже в конце XIX века. К одному из первых балтийских немецких изданий, имеющих красочное оформление обложки, можно причислить сборник стихов Ханса Бюттнера, из-

данный Александром Гроссетом в 1897 году.

Следует также рассмотреть издание, выпущенное в типографии А. Гроссета в 1912 году. Это брошюра Л. Туган «Две повести из прошлого Лифляндии», вышедшая на русском языке и содержащая две цветные иллюстрации, выполненные при помощи типографских клише. Для латвийских издателей было важно повысить культуру книгопечатания, привлекая местных художников. Дочь издателя, художница Маргота Гроссет (1887–1937), в это время проходила обучение в Вене, и именно ее две иллюстрации и рисунок обложки были использованы в этой книге.

В работах М. Гроссет присутствуют композиционные решения организации книжного пространства, выработанные И. Я. Билибиным и В.М. Васнецовым, к которым можно отнести ярусную систему построения страницы. Иллюстрации напечатаны на бумаге более высокого качества, чем страницы содержащие текст.

Для книг, издаваемых на территории современной Латвии, начиная с конца XIX и до начала Первой мировой войны, были характерны четыре тенденции. Во-первых, оформление обложки не было связано с содержанием книги, она была универсальна и однотипна, в её оформлении использовались орнаментальные мотивы без сюжетной основы. Во-вторых, оформление обложки изображает персонажей книги или содержит ключ к пониманию её содержания, иллюстрирует название сборника поэзии. В-третьих, книга содержит отдельные листы иллюстраций, которые мало сочетаются с остальным оформлением книги, так как зачастую созданы одним автором, в то время как заставки и виньетки выполнены другим. В-четвертых, книга является единым художественным ансамблем, где наблюдается сочетание иллюстраций, заставок, концовок, буквиц и, конечно, обложки.

Латвийское национальное движение второй половины XIX века привело к значительным изменениям в книгоиздательстве Латвии, произошел быстрый переход к сосуществованию двух независимых групп немецких и латвийских книготорговцев.

В начале XX века стиль модерн дает мощный импульс эволюции книжного искусства. Новый стиль эпохи воплотился и в образе книги, так как все издатели стали стремиться повысить художественный уровень своей продукции, вследствие того, что широкая общественность стала испытывать потребность в хороших книгах, которые отличались бы высоким уровнем художественного оформления. Таким образом можно говорить, что начало XX века стало временем зарождения в Латвии культуры книги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сидоров, А.А. Искусство книги / А.А. Сидоров. – М.: Дом печати, 1922. – 104 с.
2. Жидков, В.С. Искусство в поле культуры: проблема границ/ В.С. Жидков//Теория и методология современной культурологии. – М-СПб.: Новый хронограф – Эйдос, 2009. – С. 414-445
3. Агеева, Г.М. Книжная культура Мордовии: дис. . . . канд. культурологии / Г.М. Агеева. – Саранск, 1999. – 138 с.
4. Villerušs, V. 1890–1915: Latvijas grāmatmāksla [Электронный ресурс]: Latvijas mākslas vēsture. Режим доступа: http://www.makslasvesture.lv/1890_-_1915:_Latvijas_grāmatmāksla. – Загл. с экрана. [Дата обращения: 03.03.2018]
5. Виллеруш, В. Искусство латышской книги до 1917 года / В. Виллеруш // Из истории латышской книги / сост. И. Клекере. – Р.: Лиесма, 1988. – С. 130–147.
6. Katalogs grāmatizdevēja J. Ozola iespieddarbu kolekcijai Cēsu vēstures muzejā / Sastādīja Sarma Ruska. – Cēsis: CIN, 1989. – 30. lpp.
7. Pujāte, I. Janis Rozentāls / Inta Pujāte. – Rīga, Liesma, 1991. – 400 lpp.
8. Novadniece, I. Jūlijs Madernieks / Ināra Novadniece. – Rīga: Zinātne, 1982. – 174 lpp.
9. Bēms, R. Alberts Kronenbergs / Romis Bēms. – Rīga: Latvijas valsts izdevniecība, 1961. – 184 lpp.
10. Siliņš, Jānis. Latvijas māksla. 1800–1914. II / Jānis Siliņš. – Stokholm: Daugava, 1980. – 440 lpp.
11. Apala, Z. Dižciltīga latgaļa apbedījums Ģūģeru kapulaukā / Z. Apala, A. Zariņa // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 1991. – Nr. 1 – 11.–29. lpp.
12. Эко, У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст [Электронный ресурс] / У. Эко // Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998. — Электрон. дан. и прогр. - Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php – Загл. с экрана. [Дата обращения: 03.09.2019]
13. Янсон, И. Латышское общественно-культурное развитие и латышская литература//Сборник латышской литературы/Под. ред. В.Брюсова, М. Горького. Петроград, : Парус, 1916. - 396 с.
14. Eduards Šmits-Birojs vēstules, dzeja un Fridriha Lāča atmiņās // Varavīksne. – 1969. – 242.–267. lpp.
15. Brancis, M. Jūgendstils un baltvācu grāmata Latvijā 19. gs. beigās – 20. gs. sākumā / M. Brancis // Latvijas Zinātņu akadēmijas Vēstis. A. – 1994. – № 1 (558), 20.–27. lpp.

© Фролов Дмитрий Александрович (frolov-dmitry@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



г. Салехард

РОД ВАСНЕЦОВЫХ, СВЯЩЕННИКОВ И ВОИНОВ, СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРОЕКТА «ВАСНЕЦОВСКИЕ СИМВОЛЫ ВЕЧНОСТИ»

Щербакowa Елена Николаевна

Преподаватель, Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко
sherbakova120559elena@mail.ru

ROD VASNETSOV, PRIESTS AND WARRIORS, THROUGH THE PRISM OF THE PROJECT «VASNETSOV SYMBOLS OF ETERNITY»

E. Shcherbakova

Summary: The article is devoted to the revival, preservation and development of traditions bequeathed to the descendants of the famous Vasnetsov family through the implementation of the project "Vasnetsov Symbols of Eternity" in the Igrinsky district of the Udmurt Republic. Orthodox values have historically consolidated unity and statehood, but today there is a danger of losing spiritual ideals, which causes a vital need to revive and develop traditions of mercy and pride in one's Fatherland. To help solve problems, you need a spiritual core, which is the creative legacy of the Vasnetsovs – a spiritual testament to descendants – to preserve tradition. As a rule, our knowledge of the talented Vasnetsovs is limited only to knowledge of the works of brothers-artists: Viktor Mikhailovich and Apollinar Mikhailovich. But no less remarkable are other representatives of this glorious family who have left a noticeable mark in our history.

Keywords: Vasnetsov, Vasnetsov's symbols, Vasnetsov's clan, art, priestly clan, culture.

Аннотация: Статья посвящена возрождению, сохранению и развитию традиций, завещанных потомкам знаменитым родом Васнецовых, через реализацию проекта «Васнецовские символы вечности» в Игринском районе Удмуртской республики. Православные ценности исторически скрепляли единство и государственность, однако сегодня возникает опасность утраты духовных идеалов, что вызывает жизненно важную необходимость возрождать и развивать традиции милосердия, гордости за свое Отечество. Чтобы содействовать решению проблем, необходим духовный стержень, коим и является творческое наследие Васнецовых – духовное завещание потомкам – беречь традицию. Как правило, наши знания о талантливом роде Васнецовых ограничиваются лишь знанием творчества братьев-художников: Виктора Михайловича и Аполлинария Михайловича. Но не менее замечательны и другие представители этого славного рода, которые оставили заметный след в нашей истории.

Ключевые слова: Васнецов, Васнецовские символы, род Васнецовых, искусство, священнический род, культура.

Цель данной статьи – показать, как в Игринском районе Удмуртской республики (бывшая Вятская губерния) возрождаются и берегутся традиции и духовные ценности, завещанные потомкам знаменитым священническим родом Васнецовых.

Васнецовы – древний вятский род уральского происхождения, берущий свое начало в 1374 году из Новгородских владений. Первое документальное упоминание о нем относится к 1628 году в писцовых книгах г. Хлынова (в дальнейшем Вятка, Киров). В десяти районах современной Кировской области есть места, связанные с деятельностью этого славного рода: г. Вятка, села: Кстинино, Кырчаны, Лопьял, Ошеть, Рябово, Талоключинное и др. В тридцати трех приходах Удмуртии около пятидесяти священнослужителей из династии Васнецовых служили правде, добру и красоте.

«Родовым гнездом» знаменитой фамилии является село Ошеть Нолинского уезда Вятской губернии. Туда в 1690 году был направлен первый священнослужитель династии – Дмитрий Васнецов, на голой пустоши осно-

вавший деревянную Спасскую церковь, приход которой окормляли священнослужители рода Васнецовых более трехсот лет [1].

Практически весь род был священническим, наделенным от природы художественными способностями. Были среди них архитекторы, принимавшие участие в строительстве сельских каменных храмов, подготовке «художественных чертежей».

По их эскизам сооружались каменные церковные ограды и металлические решетки к ним, торговые лавки для ярмарок и собственные дома. Художественное дарование священников Васнецовых проявилось в проведении отделочных работ, росписи стен храмов, устройстве иконостасов, написании живописных работ [1]. Были среди священников Васнецовых и те, кто со всем вятским народом защищали свое Отечество «до последней капли крови».

В год юбилея Бородинской битвы телевидение Вятки совместно с государственным архивом Кировской об-

ласти рассказывали об участии вятичей в тех грозных и судьбоносных событиях, о том, как вятские солдаты спасли в Европе уникальные произведения архитектуры и искусства и как в рядах ополчения оказались представители славного рода Васнецовых.

Судьба бывших ополченцев сложилась по-разному. Кто-то вернулся к своему обычному ремеслу и крестьянским занятиям. Некоторые были зачислены в счет рекрутов и уже никогда домой не вернулись. Некоторые, вернувшись домой, пошли на повышение по службе, например, как Алексей Васнецов [4].

Участие представителей священнического рода Васнецовых в Первой мировой войне (1914-1918гг.) также выражалось не только в поддержке словом и сборе средств и вещей для фронта, молитвенном предстоянии, но и непосредственно на полях сражений. Так, в начале Первой мировой войны сын русского живописца Виктора Васнецова, Михаил (1884-1972), был призван на службу и назначен командиром 4 й роты 46-го запасного батальона для обучения солдат перед отправкой на фронт.

В преддверии празднования 75-ой годовщины Великой Победы советского народа над фашизмом необходимо отметить, что потомки доблестного рода Васнецовых, как и их предки, с первого до последнего дня воевали вместе со всем советским народом на фронтах Великой Отечественной войны (1941-1945гг.), принимали участие в народном ополчении, работали на заводах, приближая Великую Победу, как, например, внуки священнослужителя-просветителя, оставившего славную память на Игринской земле, Николая Федоровича Васнецова: Николай, Виктор, Василий.

Николай Алексеевич Кузнецов (1922-2008), старший внук, после окончания 1-го курса исторического факультета Кировского государственного педагогического института им. В.И. Ленина был призван в Красную армию. Перед самой Великой Отечественной войной он окончил Читинскую школу младших авиаспециалистов (6.1940-5.1941) и принимал участие в боевых действиях сначала на Юго-Западном фронте в качестве авиамеханика ближнебомбардировочного авиационного полка в обороне г. Киева, в составе 451-го штурмового авиационного полка – в боях в районе городов: Осташково, Селижарово Калининской области (5.1941-7.1042). Затем, после обучения в Воздушно-десантном училище им. Красной армии в г. Москве (7.1942-5.1943), воевал на Северо-Западном, 3-ем Украинском фронтах. С 1944-1945 гг. дивизия в составе 9 Воздушно-десантной армии (ВДА) участвовал в освобождении Венгрии и Австрии. Николай Алексеевич принимал участие в качестве начальника склада горючесмазочных материалов дивизии в разгроме 11 танковой

немецкой дивизии под озером Балатон, во взятии городов Венгрии и Австрии (5.1943-8.1946). После окончания Великой Отечественной войны 9 ВДА ушла из Венгрии на территорию СССР и дислоцировалась в Московской области, на станции Фруктовая [1].

В августе 1946 года Николай Алексеевич был направлен на учебу в интендантское военно-морское училище г. Выборга (8.1946-10.1950), по окончании которого служил на Северном Флоте. Подполковник, имеет правительственные награды: два ордена «Красная Звезда», «Орден Отечественной войны 2-ой степени» и медали.

Виктор Алексеевич Кузнецов (1925-1991), средний внук, участвовал в народном ополчении.

Василий Алексеевич Кузнецов (1927-2007), младший внук, во время войны работал токарем на заводе. После войны, в 1946 году, поступил в авиационную школу г. Чирчик (Узбекистан), где готовили летчиков тяжелой авиации. По окончании училища служил в городах: Кнотопе, Нежине, Пряну, Кингисеппе, Петрозаводске, Тбилиси, поселке Урелики. Майор, имеет государственные награды – медали, грамоты.

Наш современник, правнук Николая Федоровича Васнецова, Олег Васильевич Кузнецов (1957), полковник, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, председатель Фонда сохранения культурного наследия Васнецовых, общественный деятель и ученый [1].

Таким образом, представители славного рода Васнецовых, как и все духовенство, не только героически, оставаясь на своих местах, исполняли пастырский долг – молебны о победе русского воинства – одну их важных форм деятельности Русской Православной церкви в годы войны, но и совершали свой ратный подвиг.

Воин-защитник нашего Отечества потому и побеждал во всех войнах, что имел особый духовный стержень, был крепок духом, знал свои корни и культурные ценности. Окружающие нас символы искусства, культуры учат любить историю и культуру нашей Родины, так как являются частью отеческого наследия.

Реализованный в год празднования 170-ти летия великого русского художника Васнецова Виктора Михайловича проект «Васнецовские символы вечности», получивший грант международного конкурса «Православная инициатива – 2017-2018» по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, свидетельствует об уникальности такого культурного кода, как род

Васнецовых на Игринской земле.

Данный проект выступил своеобразным катализатором духовного сплочения жителей Игринского района Удмуртской Республики, сыграл облагораживающую роль, направленную на осознание личностью своей принадлежности к великим традициям родного края [2].

Эпицентром проекта стало село Чумой, где на десятилетие обрел свою родину представитель знаменитой фамилии, священнослужитель Васнецов Николай Федорович.

Смысловой ассоциацией проекта послужило величайшее произведение Васнецова Виктора Михайловича «Богатыри».

Витязи русского духа охраняют просторы Отечества. Как завидят врага на горизонте, зажгут костры высокие, а вслед за этим сигналом на другой заставе костер свой разведут, чтобы предупредить о том, что враг наступает.

Так и сегодня, без сражений, враг рода человеческого тьму хитрых ловушек ставит. И попадают в них слабые духом люди и, как правило, молодые люди. Культура должна взрастить в человеке неразрывную власяницу, чтобы крепостью своею потом человек соблазнам жизни не уступал. И священнический род Васнецовых тому яркий пример [2].

Актуальность данного проекта – в том, что были подняты следующие проблемы:

- подмена истинных ценностей жизни населения, уход от настоящего искусства, отсутствие знаний о жизни семьи Васнецовых в Игринском районе Удмуртской Республики (бывшая Вятская губерния);
- отток молодых людей, интересующихся искусством и умеющих создавать искусство, профессиональных творческих специалистов, умеющих мотивировать и самостоятельно создавать новое искусство.

Цель проекта – популяризация наследия талантливого рода Васнецовых, представители которого служили в храмах Удмуртии, была достигнута через несколько проектных линий. Первая линия – реабилитация детей и взрослых с ограниченными возможностями здоровья средствами культуры и искусства. Вторая – развитие творческих способностей учащихся общеобразователь-

ных школ и школ искусств, их преподавателей, мастеров декоративно-прикладного искусства путём вовлечения в круг мероприятий Васнецовской тематики. Третья линия – благоустройство природных уголков в п. Игре и в с. Чумое.

Были проведены арт-терапевтические занятия для людей с ограниченными возможностями. Комплексы традиционных форм работы дополняли инновационные. Например, конференция «на колёсах» под названием «Не зарастёт тропинка к храму».

Мероприятие было организовано в форме «духовных кругов», которые прошли в сёлах, где Васнецов Николай Федорович служил псаломщиком и дьяконом в православных храмах. Были использованы и другие, инновационные формы: инклюзивная арт-терапия, театр-антреприза, создание арт-объектов, арт-зон, пленэр.

Все это стало реальным достижением реализованного проекта. Социальные изменения налицо. И это проявилось не только в качественном изменении пространства с. Чумоя и п. Игры, а, прежде всего, в сознании людей, принимавших прямое или косвенное участие в цикле мероприятий, характеризующих многогранную сущность проекта «Васнецовские символы вечности». Все участники проекта прочувствовали историческую значимость происходящего, прониклись тем, что оказались сопричастными к таким переменам. А общение с интересными людьми (представителями Фонда Васнецовых, землячкой из Австралии, поэтессой и общественным деятелем русской эмиграции в Австралии Людмилой Ларкиной) стало тем историческим свершением, к которому не всякому суждено прикоснуться. Это и есть тот мощный социальный капитал, который удалось реализовать в Игринском районе.

Главный результат проекта – воодушевление местных жителей теми вековыми ценностями, которые, оказывается, находятся рядом и в повседневности будней не всегда оценимы. Произошло духовное прозрение, просветление сознания жителей Игринского района. Это серьезный результат проекта «Васнецовские символы вечности». Такие достижения, несомненно, нужны, поскольку резонанс о проводимых мероприятиях дошёл до республиканского и даже всероссийского уровня. И это стало возможным благодаря использованию ресурсов средств массовой информации, теле- и радиовещания, изданным книгам «Васнецовы на Игринской земле», «Васнецовский альманах» [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. [Электронный ресурс]. URL: vasnetsov.foundation (дата обращения 12.03.2020).
2. Васнецовы. Предки и потомки – переплетение судеб: сб. /МБУК «Игринская ЦБС», Игринская центральная районная библиотека им. Кедр Митрея; сост. Н.В. Дубовцева; техн. ред. А.В. Хохрякова. Игра, 2017. 52 с.: фот.
3. Гордеюк В.Г., Скопкарева С.Л. Васнецовы на Игринской земле: научное издание / В.Г. Гордеюк, С.Л. Скопкарева / под ред. Т.И. Зайцевой. Ижевск, 2018. 111 с.
4. [Электронный ресурс]. URL: qtrk-vyatka.ru > проект...1812/15004-opolchenie-1812... (дата обращения 22.03.2020).
5. Иднакар: методы историко-культурной реконструкции [Текст]: научно-практ. журн. Васнецовский альманах / МБУК «Игринская ЦБС». 2018. № 2 (37). 162 с.: ил.

© Щербакова Елена Николаевна (sherbakova120559elena@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Краснодарское высшее военное училище
имени генерала армии С.М. Штеменко

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТРУКТУРЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ УРОВНЯМИ ИНТЕРНЕТ-АКТИВНОСТИ

Зекерьяев Руслан Ильвисович

Преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет»
ruslan51291@mail.ru

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF THE TERMINAL VALUES IN THE VALUE-SENSE SPHERE'S STRUCTURE OF A PERSONALITY WITH DIFFERENT LEVELS OF INTERNET ACTIVITY

R. Zekeryaev

Summary: In this article analyzed the literature on the study of the value-semantic sphere of personality; considered the psychological features of the terminal value orientation in the structure of the value-semantic sphere of the personality; presented the results of a study of the person's Internet activity level's influence on the psychological characteristics of terminal personality values.

Keywords: value-semantic sphere of personality, value orientation, terminal values, Internet activity.

Аннотация: В статье проанализирована литература, посвященная исследованиям ценностно-смысловой сферы личности; рассмотрены психологические особенности терминальных ценностей в структуре ценностно-смысловой сферы личности; представлены результаты исследования влияния уровня интернет-активности личности на психологические особенности терминальных ценностей личности.

Ключевые слова: ценностно-смысловая сфера личности, ценностная направленность, терминальные ценности, интернет-активность.

Введение

На данном этапе развития общества учеными отмечаются изменения в процессе социализации личности, связанные с возникновением информационно-компьютерных технологий и их внедрением во все сферы человеческой деятельности. Одним из таких изменений является появление сети Интернет, как нового института социализации, создающего новые формы общения и взаимодействия, а также формирующего принципиально новое социокультурное пространство. В системе гиперреальности человек может принимать участие в различных видах деятельности, которые в реальной жизни для него недостижимы. Большое количество новых возможностей, инструментов, деятельности и общения оказывает прямое влияние на ценностно-смысловую сферу личности, которое на данном этапе развития научной мысли не становилось предметом психологических исследований.

Целью статьи представление результатов исследования психологических особенностей ценностной направленности в структуре ценностно-смысловой сферы личности с различными уровнями интернет-активности.

Основное изложение материала

Ценностно-смысловая сфера – это комплексная иерархичная система ее убеждений, предпочтений личности, которая создается на основе ее целей, мотивов и мировоззренческих установок под влиянием социокультурной среды, в которой она взаимодействует с другими людьми. Ценности и смыслы при этом играют роль регулятора поведения человека, а также выступают как основа для принятия им решений.

Б.С. Алишев трактовал ценностно-смысловую сферу личности как один из структурных компонентов психики, который определяет взаимодействие в системе «субъект-объектных» отношений и отношение человека к себе и другим людям. Ученый отмечал, что данный феномен предстает в форме ориентаций и представления, а также являются значимым фактором регуляции социального взаимодействия. Б.С. Алишев так же говорил о том, что ценностно-смысловая сфера личности является комплексом ценностей, которые отражают сущность субъекта взаимодействия в его социальной среде [1]

Ряд ученых отмечал, что ценностно-смысловая сфера личности представляет собой средство, позволяющее избирательно воспринимать среди информационных

потоков то, что представляет для личности какую-либо ценность, а все прочее, что не является для ее значимым, отсеивается и игнорируется. Они также определяют данный феномен как ведущий механизм постановки целей, который помогает человеку ориентироваться среди объектов социального и природного мира, а также создает осмысленную и непротиворечивую картину мира [6, 7]

Ю.А. Шерковин, исследуя ценностно-смысловую сферу, отмечал амбивалентный характер входящих в нее ценностей. Это обусловлено тем, что природа опыта, обуславливающего возникновение ценностей, двойственна: она одновременно социальна (так как детерминирована результатом взаимодействия человека с обществом и тем, какое место в нем он занимает) и индивидуальна (так как, определяется своеобразием потребностей и интересов человека, его привычками и моделями поведения). Ю.А. Шерковин отмечал, что ценностно-смысловая сфера содержит в себе установки, которые помогают личности придерживаться каких-либо позиций и оценивать происходящее вокруг неё, становясь частью сознания. Необходимо также отметить, что по мнению исследователя ценности могут выступать как преобразованные мотивы к деятельности, так как ими определяется ориентация человека в мире и желание достигать чего-либо в своей жизни [8].

Ряд авторов в ходе исследований ценностно-смысловой сферы личности подчеркивал ее иерархичную структуру, являющуюся высшим уровнем в сознании психики. Ими отмечалось, что данный феномен формирует ориентации в понимании смысла жизни и отношении к другим людям. При этом сама ценностно-смысловая сфера, по их мнению, представляет собой смысловую вертикаль смыслов от прагматичных (возникающих в различных быденных ситуациях) до экзистенциальных (закрывающихся в поиске смысла бытия и человеческого существования) [2, 9].

Д.А. Леонтьев в процессе исследования ценностно-смысловой сферы сформулировал теорию трех форм ее существования, связанных между собой. По мнению ученого первая форма включает в себя ценности социума, которые были созданы общественным сознанием, а также общие представления об идеалах в различных сферах жизни человека. Вторая форма заключается в предметном воплощении идеалов первой формы в произведениях искусства и поведении отдельных людей. Третья форма представляет собой мотивационные структуры личности, которые побуждают ее к реализации в деятельности социально-одобряемых идеалов. Д.А. Леонтьев отмечал, ступенчатость данных форм: личность усваивает социальные нормы и идеалы, далее воплощает их предметно, а результаты ее деятельности конструируют новые общественные идеалы [4].

Ш. Шварц, изучая ценностно-смысловую сферу личности, отмечал амбивалентность ее сущности, которая заключается в наличии в содержании ценностей познавательного и мотивационного элементов. По мнению исследователя, ценности могут выступать в роли осознаваемых целей и быть сфокусированными на удовлетворении биологических и социальных потребностей. Ш. Шварц также сформулировал теорию, заключающуюся в том, что структура личностных или групповых ценностей базируется на соотношении их совместимости или противоречий. Ученый отмечал, что отношения, в которых находятся ценности, конструируют набор паттернов поведения личности и определяют её деятельность [3]

Необходимо так же отметить, что один из основных факторов, конструирующих ценностно-смысловую сферу личности, является ее интернет-активность, потому что интерактивная система гиперреальности на данном этапе развития общества является чуть ли не ведущим институтом социализации. Таким образом особенности интернет-активности личности прямо влияют на ее ценностно-смысловую сферу.

А.И. Лучинкина в своих исследованиях выделила 4 типа пользователей Интернета по критерию количества времени, проводимого ими в различных ресурсах Сети Интернет:

1. Пассивные пользователи, которые в интернет-пространстве находятся в среднем менее одного часа за сеанс не более двух раз в неделю. Для таких людей характерно малое количество взаимодействия с другими пользователями в виртуальных сообществах, а также низкая активность в процессе поиска новой информации. Реальный мир для пассивных пользователей является более предпочтительным, а мотивов использования сети Интернет у них практически не наблюдается.
2. Ситуативные пользователи, входящие в виртуальное пространство ежедневно и проводящие в нем 1-2 часа. Виртуальную коммуникацию они осуществляют только при условии наличия свободного времени, а интернет-активность проявляют исключительно по надобности, но при этом сама виртуальная деятельность может отличаться широтой разнообразия.
3. Активные пользователи, которые ежедневно присутствуют в виртуальном пространстве от 3 до 7 часов, занимаясь разнообразной деятельностью, в том числе поисковой. Для них характерна единовременная работа в нескольких вкладках браузера, а также фоновое присутствие в сетях социального взаимодействия.
4. Чрезмерно-активные пользователи, проводящие ежедневно в виртуальном пространстве более 7 часов в день, а также осуществляющие частую виртуальную коммуникацию с другими людьми,

посещающие ресурсы по поиску информации и одновременно выполняющими несколько видов деятельности. Для них характерно восприятие виртуального пространства предпочтительным реальному миру [5]

В ходе проведенного исследования было задействовано 80 человек, среди которых 40 мужчин и 40 женщин; в возрасте от 18 до 48 лет. Участники привлекались благодаря рассылке приглашений к участию в исследовании.

В ходе исследования использовался ряд методик:

1. Опросник «Личность в интернет-пространстве» А.И. Лучинкиной
2. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича.

В ходе обработки полученных результатов было выявлено, что в выборке оказались респонденты из каждой группы по критерию интернет-активности (рис. 1).

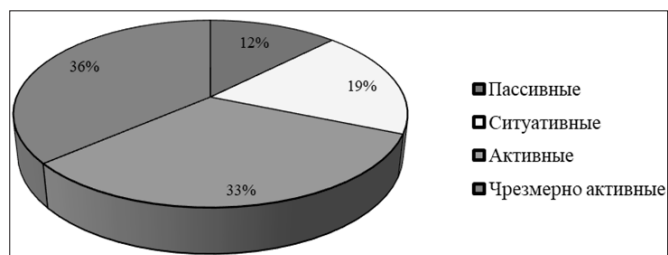


Рис. 1. Распределение респондентов по уровню интернет-активности

Далее в ходе исследования был осуществлен анализ предпочитаемости каждой из ценностей по М. Рокичу в группах респондентов с разным уровнем интернет-активности.

В группе терминальных ценностей принято выделять убеждения в том, что цель деятельности достойна стремления к ней и является самоценной:

- активная деятельная жизнь, которая проявляется в стремлении жить полной жизнью, насыщенной позитивными аффективными переживаниями;
- жизненная мудрость, которая заключается в характерной рассудительности и зрелости взглядов, руководство здравым смыслом, приобретенным в ходе жизненного опыта;
- здоровье, которое выражается в перманентном полноценном протекании физических и психических процессов;
- интересная работа, проявляющаяся в наличии в жизни человека рода деятельности и занятий, которые им позитивно оцениваются и наделяются значимым смыслом;
- красота природы и искусства, заключающаяся в эстетических аффективных переживаниях, возникающих при просмотре результатов творчества,

- объектов искусства или красоты природы;
- любовь, которая выражается в стремлении личности к физической и духовной близости с любимым человеком;
- материально обеспеченная жизнь, которая проявляется в наличии достаточного количества материальных благ, ресурсов и ценностей для полноценной жизнедеятельности;
- наличие хороших и верных друзей, которое заключается в процессе социального взаимодействия с окружающими людьми, которые наделяются высоким уровнем субъективной значимости;
- общественное призвание, выражающееся как аффективные переживания, связанные с ощущением уважения со стороны других людей, формирующих социальную среду как в семье, профессиональной деятельности и т.д.;
- познание, заключающееся в потенциальной способности личности расширять свое образование и профессионализм, мировоззрение и кругозор, уровень культуры и интеллектуальных возможностей;
- продуктивная жизнь, проявляющаяся в виде полноценного задействования своего потенциала, способностей и сил в процессе профессиональной деятельности и межличностного взаимодействия;
- развитие, которое выражается как постоянная работа, нацеленная на самосовершенствование в духовном, нравственном и физическом направлениях;
- развлечения, которые заключаются в свободной, необременительной деятельности, предполагающей отсутствие каких-либо обязанностей и сопровождающейся позитивными аффективными переживаниями;
- свобода, которая проявляется как способность к самостоятельной деятельности с сохранением независимости в совершаемых поступках, рассуждениях и мнении;
- счастливая семейная жизнь, проявляющаяся как наполненность позитивными эмоциями межличностных отношениях с супругом или супругой;
- счастье других, заключающееся в готовности личности принимать участие в процессе совершенствования других людей, развития в целом больших социальных групп, начиная от народа и заканчивая всем человечеством;
- творчество, выражающееся в готовности и способности личности беспрепятственно заниматься ценной для нее креативной деятельностью, с производством чего-то нового, наполненного субъективной смысловой значимостью;
- уверенность в себе, проявляющаяся как сформированное понимание личностью себя, приводящее к поддержанию внутренней гармонии, а

также как независимость от сомнений и внутриличностных противоречий).

В ходе исследования было определено, что с ростом уровня интернет-активности личности также увеличивается значимость ряда таких терминальных ценностей, как: интересная работа, красота природы и искусства, познание, развлечение, творчество. Исходя из этого можно отметить прямую зависимость данных компонентов ценностно-смысловой сферы личности от уровня ее интернет-активности (рис. 2).

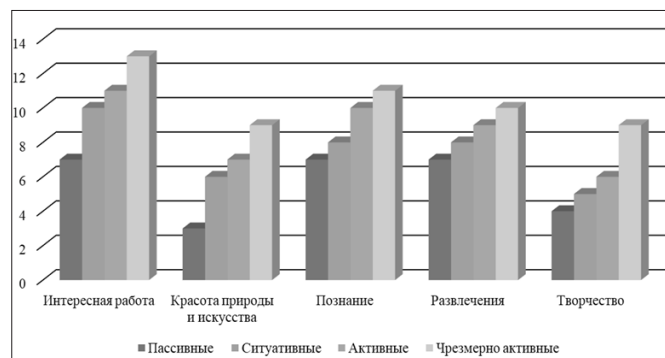


Рис. 2. Терминальные ценности с растущей значимостью при росте уровня интернет-активности личности

Также было выявлено, что с ростом уровня интернет-активности личности снижается значимость ряда таких терминальных ценностей, как: активная деятельная жизнь, здоровье, любовь, развитие, счастливая семейная жизнь. Исходя из этого можно отметить обратную зависимость данных компонентов ценностно-смысловой сферы личности от уровня ее интернет-активности (рис. 3).

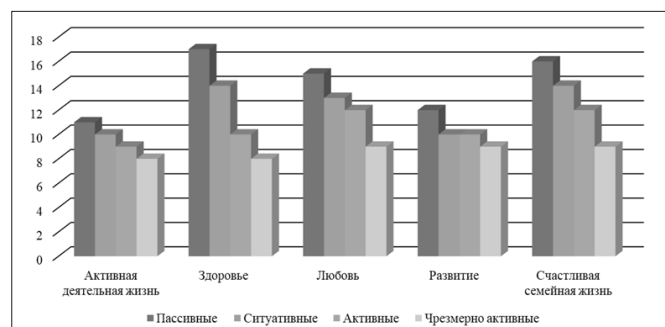


Рис. 3. Терминальные ценности с убывающей значимостью при росте уровня интернет-активности личности

Также было определено, что с ростом уровня интернет-активности личности остается неизменной значимость ряда таких терминальных ценностей, как: жизненная мудрость, материально обеспеченная жизнь, наличие верных и хороших друзей, общественное призвание, продуктивная жизнь, свобода, счастье других, уверенность в себе. Исходя из этого можно отметить отсутствие зависимости данных компонентов ценностно-

смысловой сферы личности от уровня ее интернет-активности (рис. 4-5).

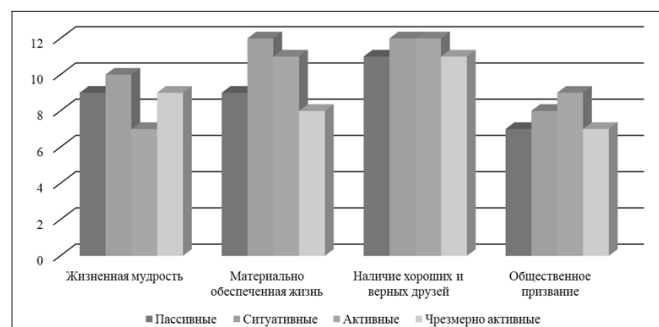


Рис. 4. Терминальные ценности с неизменной значимостью при росте уровня интернет-активности личности

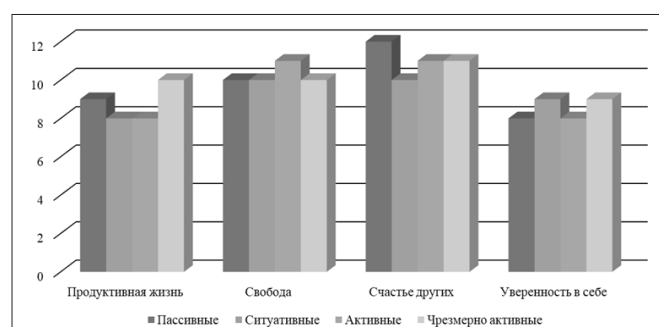


Рис. 5. Терминальные ценности с неизменной значимостью при росте уровня интернет-активности личности

Выводы

1. Ценностно-смысловая сфера личности представляет собой посреднический элемент между внутренним миром человека и социальной средой, которая его окружает.
2. Ценностные и смысловые ориентации оказывают прямое влияние на развитие личности и выбор ею способов активности и деятельности.
3. С ростом уровня интернет-активности личности увеличивается значимость таких инструментальных ценностей, как: интересная работа, красота природы и искусства, познание, развлечение, творчество.
4. С ростом уровня интернет-активности снижается значимость ряда таких инструментальных ценностей, как: активная деятельная жизнь, здоровье, любовь, развитие, счастливая семейная жизнь.
5. С ростом уровня интернет-активности личности остается неизменной значимость ряда таких инструментальных ценностей, как: жизненная мудрость, материально обеспеченная жизнь, наличие верных и хороших друзей, общественное призвание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишев Б.С. Структура ценностного мира личности: фундаментальные ценности / Б.С. Алишев // Профессиональное образование. Казанский педагогический журнал. – 2000. – № 1. – С.28-35.
2. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1997. – №5. – С. 3-19.
3. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – СПб : Речь, 2004. – 72 с.
4. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (методическое руководство) / Д. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1999. – 38 с.
5. Лучинкина А.И. Специфика интернета как института социализации / А.И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2019. – №1. – С. 59-69.
6. Наумова Н.Г. Система ценностей человека как объект лингвистического исследования / Н.Г. Наумова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 1. – С. 237-244.
7. Ольшанский В.Б. Личность и социальные ценности / В. Б. Ольшанский. – Москва : Просвещение, 1965. – 530 с.
8. Шерковин Ю.А. Проблема ценностных ориентаций и массовые информационные процессы / Ю.А. Шерковин // Психологический журнал. – 1982. – Т.3. – №5. – С. 235—145.
9. Яницкий М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М.С. Яницкий. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2000. – 204с.

© Зекерьяев Руслан Ильвисович (ruslan51291@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗИТИВНОГО САМООТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ ПОСРЕДСТВОМ ТРЕНИНГА РАЗВИТИЯ ФЛЕКСИБИЛЬНОСТИ

FORMATION OF POSITIVE SELF-RELATIONSHIP OF PSYCHOLOGICAL STUDENTS BY TRAINING OF FLEXIBILITY DEVELOPMENT

**S. Kolkova
Yu. Gerlinskaya
J. Zhivaeva
E. Stoyanova**

Summary: The article describes the results of an empirical study of the possibility of forming a positive self-attitude of psychology students through training on the development of flexibility. The fundamental factor of personal and professional self-development of a person is the internal environment of a person, its activity, the measure of interaction of a person with the world, and also the need for self-realization.

Keywords: continuum of rigidity-flexibility, self-reliance of a person, professional development, training.

Колкова Светлана Михайловна

К.псих.н., практический психолог, доцент, ФГБОУ ВО
«Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск)
kolkova67@mail.ru

Герлинская Юлия Викторовна

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»;
педагог-психолог, СШ №150 имени Героя Советского Союза
В.С. Молокова

Живаева Юлия Валерьяновна

К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «КрасГМУ
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
(г. Красноярск)
yul-zhivaeva@yandex.ru

Стоянова Екатерина Иннокентьевна

К.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «КрасГМУ
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
(г. Красноярск)
katya-chernova@yandex.ru

Аннотация: В статье представлено описание результатов эмпирического исследования возможности формирования позитивного самоотношения студентов-психологов посредством тренинга развития гибкости. Основоположающим фактором личностного и профессионального саморазвития человека, является внутренняя среда личности, ее активность, мера взаимодействия человека с окружающим миром, а также потребность в самореализации.

Ключевые слова: континуум ригидности–гибкости, самоотношение человека, профессиональное становление, тренинг.

В современном обществе происходят перемены во всех сферах жизнедеятельности. Эти перемены характеризуются обострением противоречий между потребностью утвердить себя в окружающем мире, реализовать себя в обществе и необходимостью адаптации к складывающимся жизненным реалиям. Проблемы профессиональной подготовки будущих специалистов приобретают особую значимость.

По мнению Клочко В.Е. «...основополагающим фактором личностного и профессионального саморазвития человека, является внутренняя среда личности, ее активность, мера взаимодействия человека с окружающим миром, а также потребность в самореализации. Неготовность, затрудненность в изменении намеченной субъектом программы деятельности в условиях, требующих ее перестройки согласно новым ситуационным требованиям обозначается понятием ригидность (лат. rigidus – жесткий, твердый). Чем выше ригидность, тем

сильнее блокируются каналы выхода во внешнюю среду, тем сильнее игнорируются возможности самореализации, которые открываются во взаимодействии человека со средой, тем вероятнее появление поведенческих и других стереотипов в неадекватных для них условиях. Противоположное ригидности свойство обозначается термином «гибкость». Гибкость – это способность индивидуума изменить свою психическую установку или легко приспособиться к изменившейся ситуации. Под личностной гибкостью понимается носящая положительную окраску способность индивида легко отказываться от несоответствующих ситуации или задаче средств деятельности, приемов мышления, способов поведения и вырабатывать или принимать новые, оригинальные подходы к разрешению проблемной ситуации при неизменных целях и идейно-нравственных основаниях деятельности»[4].

По определению Г.В. Залевского «...ригидность явля-

ется тем общесистемным свойством, которое может не только блокировать выход человека за пределы устоявшихся поведенческих схем, но и за пределы жизненных обстоятельств, деятельность в которых предполагает трансформацию фиксированных форм поведения. Она тем самым может блокировать и сам вывод в сознание определенных жизненных обстоятельств, которые связаны с неудачами реализации в них стереотипов, сложившихся в других обстоятельствах. Ригидность также способна блокировать в сознании и те обстоятельства, которые связаны с открывающимися возможностями выхода за пределы требований ситуации – туда, где наиболее явно заявляет о себе мотивация достижения» [2].

Актуальность исследования проблемы континуума ригидности – флексибельности вытекает из все чаще встречающихся в литературе указаний на то, что внутренняя среда личности, а в нашем случае это особенности показателей самоотношения человека, делает систему либо открытой, либо частично закрытой, изолированной, остающуюся как бы застывшей. (Галажинский Э.В., 1996; Залевский Г.В., 1992; Клочко Ю.В., 2002, Логинова И.О., 2010, Лукьянов О.В., 1999.)

В диссертационном исследовании Ю.Е. Клочко [3] рассматривалась проблема ригидности как компонента в структуре готовности человека к изменению внутренней среды личности – самоотношения. Ригидность понималась как «...один из факторов, определяющих то, насколько система готова к самоизменениям, т.е. какова способность человека, понимаемого в качестве открытой системы, изменять свой образ жизни и свой образ мира в процессе жизни. При этом и сама выступает как непрерывный процесс разрешения постоянно воспроизводимого противоречия между образом жизни и образом мира человека». В диссертационном исследовании представлены результаты математической статистики подтверждающие взаимосвязь характеристик самоотношения и показателей ригидности личности.

По мнению С.М. Колковой «...в юности активно идет процесс социализации, и молодой человек осваивает новые социальные роли. Если в детстве роли для ребенка определяли взрослые, то с наступлением юности возникает задача самостоятельного выбора и интерпретации ролевого поведения. Формирование самоотношения как аффективного компонента самосознания осуществляется на двух уровнях самопознания. На первом уровне эмоционально-ценностное самоотношение возникает как результат соотнесения человеком себя с другими людьми. В этом случае при познании себя человек преимущественно опирается на внешние моменты. Ведущими формами самопознания в рамках сравнения «Я-другой» являются самовосприятие и самонаблюдение. На втором, более зрелом уровне самопознания, формирование самоотношения осуществляется в рам-

ках сравнения «Я-Я» посредством внутреннего диалога. Ведущими формами такого самопознания являются самоанализ и самоосмысление» [5].

Одной из наиболее известных и цитируемых концепций, посвященных самоотношению личности, является теория С.Р. Пантелеева. В ней самоотношение определяется через соотнесение с иерархической системой мотивов, предложенной С.Р. Пантелеев предполагает, что ядром самоотношения в раннем юношеском возрасте является аутосимпатия, которая по мере пополнения социального опыта замещается на самоуважение.

Фундаментальным условием профессионального развития специалистов, работающих с людьми, а в нашем исследовании выборка представлена студентами, обучающимися по специальности «Клиническая психология» является осознание этими специалистами необходимости изменения, преобразования своего внутреннего мира и поиска новых возможностей самосознания в профессиональном труде, то есть повышение уровня профессионального самосознания. На основании описанного выше мы организовали и реализовали эмпирическое исследование на тему: «Формирование позитивного самоотношения студентов-психологов посредством тренинга развития флексибельности».

Выборка исследования представлена студентами, обучающимися по специальности «Клиническая психология» ФГБОУ ВО КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России в количестве 20 человек и студентами обучающимися по специальности «Психология» ФГБОУ ВО «Сибирский федеральный университет» в количестве 20 человек. Средний возраст исследуемых 19-20 лет

В качестве диагностического инструментария нами были использованы: Опросник самоотношения направлен на выявление уровня самоотношения испытуемого к самому себе. Разработан В.В. Столиным и С.Р. Пантелевым в 1985 году. С целью исследования ригидности, в качестве диагностического инструментария мы использовали тестовую методику - Томский опросник ригидности (ТОР) Г.В. Залевского.

При сопоставлении результатов исследования по обеим методикам, нами было выявлено следующее соотношение: испытуемым, у которых был выявлен высокий и очень высокий уровень ригидности, характерно негативное самоотношение, в то время как испытуемым с низким и умеренным уровнем ригидности (проявление флексибельности) в большей характерно позитивное самоотношение.

Данные исследования свидетельствуют о примерной равноценности состава групп. Для выявления равноценности состава групп мы использовали t-критерий

Стьюдента (для несвязанных выборок). По методике TOP полученное значение $t_{\text{эмп.}}$ (от 1,55-до 1,87) по всем шкалам находится в зоне не значимости ($t_{\text{кр.}}=1,97$; $p < 0,05$), что говорит о статистической не существенности различий между выборками. По методике «Опросник самоотношения» так же полученное значение $t_{\text{эмп.}}$ (от 1,68 до 1,88) по всем шкалам находится в зоне не значимости ($t_{\text{кр.}}=1,97$; $p < 0,05$), что подтверждает статистическую не существенность различий между выборками.

Исходя из показателей первичной диагностики, для определения эффективности программы тренинга экспериментальной группой была определена 1-я группа (специальность «Клиническая психология»), тогда как 2-я (специальность «Психология») была определена как контрольная группа.

Основываясь на работы Э.В. Галажинского «Ригидность как общесистемное свойство человека и самореализация личности», Г.В. Залевского «Теория фиксированных форм поведения», Ю.В. Ключко «Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни» и О.В. Лукьянова «Проблема идентичности и психическая ригидность в психологической и образовательной практике», мы разработали программу тренинга направленного на формирование позитивного самоотношения студентов-психологов посредством тренинга развития гибкости:

Цель программы: коррекция программы поведения в целом или отдельных ее элементов в соответствии с требованиями изменяющейся ситуации.

Достижение цели возможно в процессе реализации следующих задач: 1. Дать возможность самораскрытия и открытия необходимости изменения самого себя – самооценки, уровня притязаний, привычек; 2. Сформировать способность при объективной необходимости изменять мнение, отношение, установку, модус переживания; 3. Развить умение не испытывать трудности в ситуациях, требующих каких-либо перемен, нового подхода, решения. 4. Корректировать склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения. 5. Обучить навыкам более эффективного взаимодействия с окружающими;

Данная программа рассчитана на 12 занятий. Частота встреч 2 раза в неделю во второй половине дня. Приблизительная продолжительность каждого занятия 1,5 часа.

Анализируя результаты первичной и повторной диагностики экспериментальной группы по методике «Опросник самоотношения», мы имеем возможность констатировать следующее: наиболее значимые изменения по шкале «Закрытость» зафиксированы средних и высоких значениях по шкале, по шкале «Самоуверенность» наблюдаются значимые изменения высоких и

низких значениях по шкале, шкала «Саморуководство» изменения произошли высоких и низких значениях. Средние значения раскрывают особенности отношения к своему «Я» в зависимости от степени адаптированности в ситуации. В привычных для себя условиях существования, в которых все возможные изменения знакомы и хорошо прогнозируемы, человек может проявлять выраженную способность к личному контролю. По Шкале «Отраженное самоотношение» наблюдаются изменения в высоких и средних значениях. Низкие значения указывают на то, что человек относится к себе как к неспособному вызвать уважение у окружающих, как к вызывающему у других людей осуждение и порицание, по шкале «Самоценность» наблюдаются изменения в высоких и низких значениях. Средние значения отражают избирательное отношение к себе. Человек склонен высоко оценивать ряд своих качеств, признавать их уникальность. По Шкале «Самопринятие» изменения в высоких и низких значениях. Средние значения отражают избирательность отношения к себе, по шкале «Самопривязанность» изменения зафиксированы в высоких и средних и низких значениях шкалы. По Шкале «Внутренняя конфликтность» зафиксированы изменения в высоких и средних значениях, по шкале «Самообвинение» наблюдаются изменения в высоких и средних значениях по шкале. Низкие значения обнаруживают тенденцию к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях. Защита собственного «Я» осуществляется путем обвинения преимущественно других, перенесением ответственности на окружающих за устранение барьеров на пути к достижению цели.

Повторная диагностика по методике TOP выявила следующие показатели: У исследуемых студентов экспериментальной группы по шкале сенситивной ригидности (СР), которая отражает эмоциональную реакцию человека на новые ситуации, умеренный уровень составляет 57,14 %, высокий уровень – 7,14 % и низкий уровни -35,74 %, очень высокий уровень по данной шкале не выявлен. Другими словами, более 90 % исследуемых данной группы не испытывают страха перед новым, готовы к изменениям.

По шкале установочной ригидности (УР), которая отражает личностный уровень проявления ПР, выраженный в позиции, отношении или установке на принятие-непринятие нового, необходимости изменения самого себя - самооценки, уровня притязаний, системы ценностей 57,14 % исследуемых экспериментальной группы имеют умеренную степень ПР, 28,58 % - низкую степень проявления ПР, 14,26 % - высокую степень ПР, очень высокий уровень ПР у студентов данной подгруппы не выявлено. Следовательно, более 80 % исследуемых данной подгруппы готовы к принятию нового, к изменению себя – самооценки, уровня притязаний, системы ценностей и т.п.

Ригидность как состояние (PCO) отражает, что в состоянии страха, стрессе, плохого настроения, утомления или болезни человек в высокой степени склонен к ригидному поведению, которое он может и не проявлять в обычных условиях. По данной шкале 64,28 % исследуемых студентов экспериментальной группы имеют умеренную степень ПР. Тогда как, высокий уровень проявления ПР по данной шкале выявлен у 7,14 %, а низкий уровень у 28,58 %. Эти данные могут свидетельствовать о том, что более 80 % исследуемых данной подгруппы в состоянии стресса, утомления не склонны к ригидному поведению.

Симптомокомплекс ригидности (СКР) отражающий склонность к широкому спектру фиксированных форм поведения выявлен в следующем соотношении показателей: не выявлен очень высокий уровень проявления ПР. Низкая степень ПР характерна для 35,66% исследуемых студентов экспериментальной группы, 42,88 % исследуемых имеют умеренную степень ПР, следовательно для 21,46 % респондентов характерна высокая степень проявления ПР. Следовательно, более 70% склонны отходить от сложившихся стереотипов, фиксированных форм поведения.

Актуальная ригидность (АР), отражает неспособность при объективной необходимости изменить мнение, отношение, установку, мотивы, модус переживания выявлена в следующем соотношении: у 57,14 % исследуемых экспериментальной группы наблюдается умеренная степень ПР, низкую степень ПР имеют 28,6 % исследуемых, высокая степень выявлена у 14,26 % исследуемых и очень высокая степень ПР по данной шкале не выявлены. Таким образом, для 80% исследуемых представителей данной подгруппы не составляет трудности изменить мнение при объективной необходимости, мотивы и т.п.

Преморбидная ригидность (ПР) отражает то, что исследуемый уже испытывал трудности в ситуациях, требующих каких-либо перемен, нового подхода, решения. По шкале ПМР у 42,88 % исследуемых студентов экспериментальной группы выявлена умеренная степень ПР, у 35,74 % исследуемых - низкая степень ПР, у 21,38 % исследуемых - высокая степень ПР, исследуемые с очень высокой степенью ПР по данной шкале не выявлены.

Для определения эффективности проведения тренинга, мы использовали t-критерий Стьюдента (для связанных выборок). Анализ результатов статистической обработки данных по методике «Опросник самоотношения» В.В. Столина, С. Р. Панталева мы имеем возможность отметить следующее: полученное значение $t_{эмп.}=2,5$ по шкале «Закрытость» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между пока-

зателями первичной и повторной диагностик; по шкале «Самоуверенность» значение так же находится в зоне значимости $t_{эмп.}=2,6$ ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что так же свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; полученное значение $t_{эмп.}=2,3$ по шкале «Саморуководство» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик. Полученное значение $t_{эмп.}=2,2$ по шкале «Отраженное самоотношение» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; по шкале «Самоценность» значение так же находится в зоне значимости $t_{эмп.}=2,6$ ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), значение $t_{эмп.}=2,5$ по шкале «Самопринятие» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик. Полученное значение $t_{эмп.}=2,4$ по шкале «Самопривязанность» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), по шкале «Внутренняя конфликтность» значение так же находится в зоне значимости $t_{эмп.}=2,5$ ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), полученное значение $t_{эмп.}=2,3$ по шкале «Самообвинение» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; полученное значение $t_{эмп.}=2,4$ по шкале «Феминность-мужскость» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик.

Анализ результатов статистической обработки данных по методике Томский опросник ригидности (ТОР) Г.В. Залевского мы имеем возможность отметить следующее: полученное значение $t_{эмп.}=2,2$ по шкале «СР» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; по шкале «УР» значение так же находится в зоне значимости $t_{эмп.}=2,4$ ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что так же свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; полученное значение $t_{эмп.}=2,5$ по шкале «PCO» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик. Полученное значение $t_{эмп.}=2,2$ по шкале «СКР» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик; по шкале «АР» значение так же находится в зоне значимости $t_{эмп.}=2,6$ ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), значение $t_{эмп.}=2,5$ по шкале «ПР» находится в зоне значимости ($t_{кр.}=1,97$; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностик.

кр.=1,97; $p < 0,05$), что свидетельствует о статистической существенности различий между показателями первичной и повторной диагностики.

На основании данных статистической обработки, можно сделать вывод о том, что сравниваемые значения первичной и повторной диагностики статистически достоверно различаются с вероятностью допустимой ошибки меньше 0,05 у исследуемых экспериментальной группы по всем шкалам методики TOP и «Опросник самооотношения». При этом статистических различий между результатами первичной и повторной диагностики в контрольной группе не выявлено.

Данные статистической обработки результатов исследования свидетельствуют о том, что реализуемая программа тренинга, направленного на формирование позитивного самооотношения студентов-психологов эффективна.

Таки образом, психологии представлено огромное количество исследований, в которых установлена тесная связь между отношением личности к себе как к субъекту жизненных отношений и ее поведением. Отмечается, что высокое самоуважение личности выступает условием ее максимальной активности, продуктивности в деятельности, реализации творческого потенциала, влияет на свободу выражения чувства, уровень самораскрытия в общении. Позитивное устойчивое самоот-

ношение лежит в основании веры человека в свои возможности, самостоятельность, энергичность, связано с его готовностью к риску, обуславливает оптимизм в отношении ожидания успешности своих действий в ситуации неопределенности.

Негативное самоотношение является источником различных трудностей в общении, поскольку человек с таким отношением к себе заранее уверен в том, что окружающие плохо к нему относятся. Проблема достоинства, ценности своего «Я» почти полностью поглощает его внимание, в связи с чем уровень активности человека излишне повышается, затрудняя тем самым выбор адекватного способа взаимодействия, его поведение становится ригидным. Отрицательное, конфликтное отношение личности к себе обуславливает множество проблем, которые человек зачастую не в силах разрешить самостоятельно. Отношение личности к себе оказывает влияние на проявление социальной активности личности, обуславливает ее адекватность и дифференцированность. Оно выступает мотивом саморегуляции поведения и актуализируется на всех этапах осуществления поведенческого акта, начиная с его мотивирующих компонентов и заканчивая собственной оценкой достигнутого эффекта поведения, участвует в механизмах регуляции поведения от уровня конкретной ситуации деятельности до уровня длительной реализации идейных замыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галажинский, Э.В. Психическая ригидность как фактор дезадаптации учащихся младших классов: Дисс. канд. психол. наук. / Э.В. Галажинский. - Томск, 1996. - 323 с.
2. Залевский, Г.В. Психическая ригидность в норме и патологии: Учеб. для вузов / Г.В. Залевский. - Томск: Изд-во Том. унив. - 1993. - 272 с.
3. Клочко, Ю.В. Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни: автореф. дис. канд. психол. наук / Ю.В. Клочко. - Барнаул, 2002.
4. Клочко, В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. - 1994. - № 7. - С.38 - 196 с.
5. Колкова, С.М. Безусловное самопринятие как фактор развития гуманистических качеств личности будущих психологов. диссертация... кандидата психологических наук : 19.00.13 / С.М. Колкова. - Красноярск, 2006.
6. Логинова, И.О. Жизненное самоосуществление: системно-антропологический контекст: автореф. дис. д-ра психол. наук. Спец.: 19.00.01-общая психология, история психологии, психология личности / И.О. Логинова. - Томск, 2010.
7. Лукьянов, О.В. Проблема идентичности и психической ригидности в психологической образовательной практике: Диссертация. исслед. / О.В. Лукьянов. - Томск, 1999.
8. Пантеев С.Р. Методика исследования самооотношения. - М.: «СМЫСЛ», 1993. - 32 с.
9. Сарджвеладзе, Н.И. Структура самооотношения личности и социогенные потребности / В кн.: Проблемы формирования социогенных потребностей. - Тбилиси, Мецниереба, 1974. - С. 103-107.
10. Столин, В.В., Пантеев С.Р. Опросник самооотношения / В кн.: Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы. Под ред. Бодалева А.А., Карлинской И.М., Столина В.В., Пантеева С.Р. - М., 1988. - С. 123-130.

© Колкова Светлана Михайловна (kolkova67@mail.ru), Герлинская Юлия Викторовна, Живаева Юлия Валерьяновна (yul-zhivaeva@yandex.ru), Стоянова Екатерина Иннокентьевна (katya-chernova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ ФЕНОМЕНА «УХОДА В СВОИ МЫСЛИ»

Матвеева Евгения Юрьевна

Аспирант, Новосибирский государственный университет
экономики и управления
epoteruha@mail.ru

THE POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS OF THE PHENOMENON OF «MIND-WANDERING»

E. Matveeva

Summary: The concept of «mind-wandering» is a special state of consciousness, which is associated with a decrease in attention from the perception of external information and its concentration on the processes occurring inside. This phenomenon is characterized by spontaneity and involuntariness in terms of filling. In this state, thoughts are generated in the human mind that focus on important tasks for a person, but, on the other hand, are negatively related to the processing of external information, as a result of which errors may occur in current activities. Such a personality trait as dreaminess is inextricably linked with the concept of «mind-wandering».

The motivational significance of «mind-wandering» lies not only in the personal significance of the content of thoughts. «mind-wandering» is directly related to other mental concepts:

- reflection
- metacognition (metacognition),
- mindfulness».

Today, researchers agree that «mind-wandering» in daily activities is a widespread condition. When performing current activities, it can be the reason for making mistakes due to carelessness. But on the other hand, it is precisely “withdrawal into one’s thoughts” that acts as a useful tool in the long run, starts evaluating experience from the past, planning new activities and incubating creative solutions.

This article presents an approach that allows you to distinguish between the above concepts and consider the distinctive features of «mind-wandering» on the basis of negative and positive impact on current activities. Of particular note is the study of cognitive control in initiating and stopping episodes of «mind-wandering».

Keywords: consciousness, attention, «mind-wandering», daydreaming, reflection, metacognition, meta-consciousness, mindfulness.

Аннотация: Понятие «ухода в свои мысли» (англ. термин «mind-wandering») — представляет собой особое состояние сознания, которое сопряжено со снижением внимания от восприятия внешней информации и его концентрация на процессах, происходящих внутри. Этому феномену свойственна спонтанность и непроизвольность в части наполнения. В этом состоянии в сознании человека рождаются мысли, которые сосредотачиваются вокруг важных для человека задач, но, с другой стороны, негативно относятся с обработкой внешней информации, в результате чего возможно возникновение ошибок в текущей деятельности. Такая черта личности как мечтательность неразрывно связана с понятием «ухода в свои мысли».

Мотивационная значимость «ухода в свои мысли» заключается не только в личностной значимости содержания мыслей. «Уход в свои мысли» напрямую связан с другими психическими понятиями:

- рефлексия,
- метапознание (метасознание),
- mindfulness».

Сегодня исследователи сходятся во мнении, что «уход в свои мысли» в ежедневной деятельности — широко распространенное состояние. При выполнении текущей деятельности оно может быть причиной допущения ошибок из-за невнимательности. Но, с другой стороны, именно «уход в свои мысли» выступает в роли полезного инструмента в долгосрочной перспективе, запускает оценку опыта из прошлого, планирование новой деятельности и инкубацию творческих решений.

В данной статье представлен подход, который позволяет разграничить вышеупомянутые понятия и рассмотреть отличительные черты «ухода в свои мысли» по признаку негативного и позитивного влияния на текущую деятельность. Особое внимание заслуживает изучение когнитивного контроля в инициации и остановке эпизодов «ухода в свои мысли».

Ключевые слова: сознание, внимание, «уход в свои мысли», мечтательность, рефлексия, метапознание, метасознание, полнота осознания.

Феномен «ухода в свои мысли» был определен ведущими исследователями как режим работы нашего мозга по умолчанию, и это было связано с дезадаптивными последствиями для здоровья. Несмотря на повсеместное распространение данного понятия, мало что известно о его функциональности. Исследователями было выдвинуто предположение, что уход в свои мысли играет жизненно важную роль в здоровом познании, и недавние работы авторов предлагают адаптивные функции, которые выполняет этот феномен. Например, «уход в свои мысли» объединяет прошлый и настоящий

опыт для целей будущего планирования и моделирования. Согласно этой гипотезе, опыт ухода в свои мысли часто ориентирован на будущее и на разрешение личных целей. Вдохновение — это еще одна функция, которая может быть интуитивно связана с данным термином, особенно с учетом хорошо известных преимуществ «инкубационного периода» для творческих мыслей. «Уход в себя» способствует творческому решению проблем. Растущее число исследований указывает на то, что способность мысленно избегать ограничений настоящего времени позволяет управлять личными целями. В со-

ответствии с этой точкой зрения, изучаемое понятие позволяет познанию быть посвященным рассмотрению личных целей, которые выходят за рамки текущего момента, становясь актуальными для принятия решений, выгодных в долгосрочной перспективе. Среди других функций «уход в свои мысли» может служить механизмом обучения и обобщения, расширяя ассоциативные способности мозга, подобно тому, что происходит, когда человек спит.

С другой стороны, «уход в свои мысли», как это ни парадоксально, связан с неконструктивными последствиями с точки зрения снижения внимания и результативности при выполнении задач, требующих значительной контролируемой обработки. Ряд исследований связывал изучаемый феномен с плохой работой в задачах с постоянным вниманием, таких как задачи по бдительности или чтением. Во время чтения «уход в себя» приводит к замедлению процесса, средней продолжительности фиксации, что негативно влияет на понимание сложных текстов. Если посмотреть на последствия шире, то «уход в свои мысли» может привести к дорожно-транспортным происшествиям и медицинской халатности. Если последнее покажется нелогичным, то следует учитывать, что рассматриваемое понятие влияет на более высокие процессы, такие как принятие решений. Что касается воздействия на здоровье и благополучие, то мнения исследователей разделились: одни убеждены только в негативных последствиях «ухода в свои мысли», в то время как другие исследования поддерживают противоположную точку зрения. Кроме того, «уход в себя» связывают с возникновением психопатологических расстройств, таких как дисфория и синдром дефицита внимания с гиперактивностью. Что касается психофизиологической реактивности, исследователи обнаружили ускорение сердечного ритма (ЧСС) в периоды «ухода в свои мысли» при выполнении задачи постоянного внимания. Кроме того, прослеживается положительная корреляция между физиологическим возбуждением (ЧСС) и частотой эпизодов «ухода в свои мысли» во время задачи семантического кодирования.

В основе понятия «ухода в свои мысли» стоит способность мозга вырабатывать и поддерживать в сознании внутренний поток информации, не имеющий взаимосвязи со стимулом извне. Исследование этого феномена несет огромную значимость для понимания состояний сознания, где когнитивные процессы не связаны с восприятием действительности в настоящий момент.

Внимание – ключевая составляющая ежедневной деятельности людей. Согласно П.Я. Гальперину (1998), данное понятие означает самостоятельный активный психический процесс, целенаправленную деятельность контроля, которая подвержена действию внешних и внутренних факторов (помех). Один из главных факторов,

встраивающихся в механизм внимания и негативно влияющих на его продуктивность в деятельности человека выступает «уход в свои мысли». Уже на протяжении длительного времени исследователи различных областей психологии занимаются изучением спонтанного процесса мышления, в котором находят отражение характеристики личности, в частности:

- представление о себе и о других,
- установки,
- скрытые мотивы поведения;

Такая черта как мечтательность тесно взаимосвязана с «уходом в свои мысли». Мечты, фантазии, галлюцинационные образы появляются при сенсорной депривации, клинической патологии и состоянии сниженного бодрствования. Но важно отметить, что мечтательность не характеризуется только лишь данными состояниями. Предрасположенность к мечтательности у здорового человека отражается в частоте случаев «ухода в свои мысли». Данное состояние сознания возникает во время различных видов активностей в течение всего суточного этапа бодрствования. Возникновение случаев «ухода в свои мысли» обусловлено влиянием следующих факторов:

- монотонность и степень автоматизации действий
- психофизиологическое состояние (например, тревога перед предстоящей встречей увеличивает количество случаев «ухода в свои мысли»).

Эксперименты по изучению феноменов мечтательности и «ухода в свои мысли» проводятся с середины XX в. Дж.Л. Сингером и Дж.С. Антробусом. Сегодня для исследования данных понятий используется комплексный подход с акцентом на поведенческие показатели при решении задач, где необходимо сосредоточение внимания к стимулам извне (например, задача «устойчивого внимания к ответу» Дж. Смолвуда и Дж.У. Скулера). Взаимосвязь «ухода в свои мысли» с такими понятиями как *mindfulness* и рефлексия еще недостаточно исследована на сегодняшний день.

Под понятием «уход в свои мысли» имеется в виду состояние сознания, занимающее около 50% длительности этапа бодрствования. Оно связано с отстранением внимания от восприятия информации из внешнего мира. Данному состоянию свойственна спонтанность, а также произвольность. Уровень рациональности мышления случае «ухода в свои мысли» невелик, но тем не менее выше, чем в момент пребывания в состоянии сна. Несмотря на то, что «уход в свои мысли» происходит в основном произвольно, в отдельных случаях он возникает по инициативе человека, в частности при утрате интереса к происходящему вокруг событиям.

Если обобщить ранее изученные характеристики понятия «уход в свои мысли», то они выглядят следующим

образом:

- отсоединение внимания (decoupling) от внешней деятельности, концентрация на волне внутренней информации;
- отсутствие контроля над содержанием сознания;
- получение информации из эпизодической памяти;
- мыслительный процесс сосредотачивается на личных целях.

Руминации и инкубация творческих решений являются двумя яркими примерами проявления феномена «ухода в свои мысли».

Руминации (навязчивые повторяющиеся мысли) зачастую связаны депрессией или высоким уровнем тревожности. Л.Л. Мартин и А. Тессер описывали повторяющиеся мысли как составляющую сознания. Идея теории стиля реагирования Е.Р. Уоткинса заключается в том, что так называемая умственная «жвачка» возникает в ответ на депрессивное настроение и является постоянной характеристикой человека. В состоянии стресса руминации могут являться причиной застойности данного состояния и требуют психотерапевтического вмешательства. Если взглянуть на это понятие под другим углом, феномен «ухода в свои мысли» может создавать и поддерживать инкубацию креативных решений (например, «творческая рассеянность»).

Основной негативной стороной «ухода в свои мысли» является то, что человек в этом состоянии имеет склонность к невнимательности при выполнении задач, кроме того, снижается способность понимания прочитанного текста. Дж.С. МакВэй и М.Дж. Кейн реализовали ряд экспериментов:

- измерения при «уходе в свои мысли» при выполнении заданий, требующих концентрации и внимания,
- измерение результативности выполнения таких задач,
- прогнозирование способности осмысления прочитанного текста через внимание.

По итогу проведения исследований авторы зафиксировали, что участники с более низкими оценками понимания прочитанного были более склонны к «уходу в свои мысли», и наоборот.

Исследователь П.Ф. Делани сосредотачивает внимание на других экспериментах, которые соприкасаются с изучением характеристик памяти в состоянии «ухода в свои мысли»:

- в одном эксперименте участникам необходимо было запомнить предложенные слова, далее представить/помечтать о своем или родительском доме. После этого испытуемым представили

еще один список слов для запоминания,

- во втором исследовании участникам также изначально необходимо было запомнить первый перечень слов, после чего пометчать об отпуске или каникулах, проведенных в других странах и дома. Далее были также предложены слова из второго списка для запоминания.

И в первом, и во втором экспериментах участники, которые представляли далеких места (родители и отпуск в других странах) зафиксировали в своей памяти меньше слов из первоначального перечня, чем после размышлений о текущей ситуации (дом и отдых дома). При этом две группы не продемонстрировали различия в запоминании слов из списка №2. Учитывая результаты экспериментов, П.Ф. Делани пришел к выводу, что мечтание о далеких временах или местах добавляет еще один негативный эффект - забывание событий, произошедших как раз перед «уходом в свои мысли».

Мэтью А. Киллингсворс и Дэниел Т. Гилберт выдвинули еще одну идею негативном влиянии «ухода в свои мысли». Исследование заключалось в том, что случайные пользователи фиксировали ответы на вопросы относительно настроения, чувств, ощущений во время данного феномена в новом приложении на iPhone. Указанный эксперимент был очень масштабным: 5000 участников из 83 стран, возрастная группа от 18 до 88 лет. Авторы отметили, что состояние «ухода в свои мысли» явление очень частое. Участники эксперимента поделились наблюдением, что они менее счастливы, находясь в этом состоянии, а также, указанное состояние у многих выступало предвестником несчастий. В итоге, исследователи и группа испытуемых сделали вывод, что феномен «ухода в свои мысли» зачастую является причиной несчастья потому, что само пребывание в этом состоянии - несчастно». Данные выводы продемонстрировали, что «уход в свои мысли» — это достаточно негативное явление, которое сводит к нулю любые положительные решения проблем. Киллингсворс и Гилберт, совместно с Бэйрдом, полагали, что творческие люди, например, художники, более несчастны.

Исследования Бенджамина Бэйрда, напротив, демонстрируют позитивную сторону изучаемого понятия, в частности о творческом методе решения проблем. Автор высказал мнение, что «уход в свои мысли» не является следствием решения трудных задач. Выводы Бэрда говорят о том, «уход в себя» оказывает ключевое влияние на творческий процесс, творчество существует только в такой среде, где человек не размышляет о непосредственной проблеме.

Исследователи также выделяют и другие плюсы рассматриваемого феномена. «Уход в свои мысли» говорит о емкости рабочей памяти, то есть способность думать

одновременно о двух и более событиях, это подтверждается рядом экспериментов. Участники, которые «уходили в себя» чаще, демонстрировали самый большой объем рабочей памяти. Дж. Смоллвуд пояснил, что люди зачастую в повседневных делах поддерживают эти процессы рабочей памятью. При этом их мозг старается выделять ресурсы на решение наиболее актуальных проблем.

«Уход в свои мысли» также помогает нам формировать воспоминания. Нейробиолог Ариэль Тамбини провела исследование, которое заключалось в следующем. Людям необходимо было смотреть на пары изображений, а в перерывах они размышляли/мечтали, о чем угодно. С помощью МРТ исследователи наблюдали за деятельностью в области коры. Установлено, что мозг работает на человека, когда он отдыхает, так что отдых очень необходим для памяти и когнитивных функций.

Учитывая вышеизложенное, состояние «ухода в свои мысли» несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты. Ряд исследований это наглядно доказывают. Для творческих личностей, действительно, «уход в свои мысли» чрезвычайно важен. Данный феномен также важен для отдыха мозга: в этот момент информация структурируется, фиксируется в памяти на длительную перспективу. Разумеется, во время пребывания в мечтах люди теряют внимательность, поэтому при решении сложных задач, где требуется максимум сосредоточенности эпизоды «ухода в свои мысли» необходимо исключить.

Заключение

На сегодняшний день уделяется недостаточно внимания изучению процесса перехода от восприятия внешней информации к внутренним процессам. Самоосознание личности строится на консолидации:

- знаний о себе в настоящем
- воспоминаний себя в прошлом
- прогнозов событий, которые произойдут в будущем

Таким образом, запускается механизм сравнения опыта, который происходит «здесь и сейчас», с мотивами и ожиданиями личности. Понятие «ухода в свои мысли» противоречиво, имеет неоднозначные трактовки. Данный феномен в противовес рефлексии и метапознанию является своего рода нарушением саморегуляции, отвлечением от выполнения задачи. Главная сложность, возникающая во время исследования «ухода в свои мысли», состоит в том, что возможно фиксировать предмет наличия этого состояния, но не момент его возникновения, а также его длительность. Такие способы исследования как самоотчеты испытуемых, поведенческие данные и информация по нейровизуализации позволяют изучить феномен «ухода в свои мысли» более детально. В этой связи особый интерес представляет исследование работы «дефолтной» сети мозга.

Отношение к мечтательности, которая является частью психической жизни, различное, в зависимости от культуры и времени. З. Фрейд, например, называл мечтателей инфантильными невротиками. Восточные практики направлены на полную концентрацию человека.

На сегодняшний день исследования сходятся во мнении, что «уход в свои мысли» в ежедневной деятельности – широко распространенное состояние. При выполнении текущей деятельности оно может быть причиной допущения ошибок из-за невнимательности, поэтому и несет угрозу во многих видах профессиональной деятельности. Но, с другой стороны, именно «уход в свои мысли» выступает в роли полезного инструмента в долгосрочной перспективе, запускает оценку опыта из прошлого, планирование новой деятельности и инкубацию творческих решений. Объединяет различные взгляды на понятие «ухода в свои мысли» высокий уровень личностной значимости, которая задействует механизмы перераспределения когнитивных ресурсов. Значение когнитивного контроля в инициации и остановке эпизодов «ухода в свои мысли» требует дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин, П.Я. К проблеме внимания. - М.: Институт практической психологии, 1982.- 169 с.
2. Зинченко, В.П. Опыт думания о думании. К восьмидесятилетию В.В. Давыдова (1930–1998)//Вопросы философии, 2010, 75–91с.
3. Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2014, 110–135 с.
4. Шадриков, В.Д.. Ментальное развитие человека. – М.: Аспект Пресс, 2004 – 29 с.
5. Шадриков, В.Д. Мысль и познание. - М.: Логос, 2014, 53 с.
6. Baird, B., Smallwood, J., Mrazek, M.D., Kam, J.W.Y., Franklin, M.S., & Schooler, J.W. Inspired by distraction: mind wandering facilitates creative incubation.// Psychological Science, 2014, 1117–1122p.
7. Killingsworth, M.A., & Gilbert, D.T. (2010) A wandering mind is an unhappy mind. Science, 330,932. doi.org/10.1126/science.1192439
8. Knyazev, G.G., Savostyanov, A.N., Volf, N.V., Liou, M., & Bocharov, A. V. (2012). EEG correlates of spontaneous self-referential thoughts: A cross-cultural study.

- International Journal of Psychophysiology, 86, 173–181. doi:org/10.1016/j.ijpsycho.2012.09.002
9. McMillan, R.L., Kaufman, S.B., & Singer, J.L. (2013). Ode to positive constructive daydreaming. *Frontiers in Psychology*, 4, 626. doi:org/10.3389/fpsyg.2013.00626
10. McVay, J.C., & Kane, M.J. (2010). Does mind wandering reflect executive function or executive failure? Comment on Smallwood and Schooler (2006) and Watkins (2008). *Psychological Bulletin*, 136, 188–197. doi:org/10.1037/a0018298

© Матвеева Евгения Юрьевна (epoteruha@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



ВЛИЯНИЕ ПСИХОТРАВМЫ РАЗВОДА НА ИЗМЕНЕНИЕ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ

Махов Виталий Андреевич

ФГБОУ «Тольяттинский государственный университет»

dr.mahov@yandex.ru

INFLUENCE OF PSYCHOTRAIN IN A SCAN OF CHANGE ON CHANGING THE PERSONALITY OF A PERSONALITY

V. Makhov

Summary: The article is devoted to the analysis of the results of the study of the influence of divorce trauma on the change in the temporal perspective of a person. The features of changing the time perspective under the influence of divorce and the role of the emotional sphere in the distortion of the time perspective are revealed. Attention is focused on the possibility of diagnosing latent mental trauma in psychotherapeutic practice based on client assessments of their time perspective.

Keywords: psychological trauma, divorce, time perspective, positive affect, negative affect, negative past, hedonistic present, fatalistic present.

Аннотация: Статья посвящена анализу результатов исследования влияния психотравмы развода на изменение временной перспективы личности. Выявлены особенности изменения временной перспективы под влиянием развода и роль эмоциональной сферы в искажении временной перспективы. Акцентируется внимание на возможности диагностики латентной психической травмы в психотерапевтической практике на основе оценок клиентом своей временной перспективы.

Ключевые слова: психотравма, развод, временная перспектива, позитивный аффект, негативный аффект, негативное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее.

Введение

Современная жизнь характеризуется условиями постоянного стресса и наличием психотравмирующих ситуаций. Ускорение технического прогресса, постоянная погоня за материальными благами, увеличение разрыва между богатыми и бедными слоями населения, которая приводит к несоответствию желаемого и действительного – все эти факторы влекут за собой возникновение психотравм самой различной природы. Психотравму, таким образом, можно определить, как жизненное событие или ситуацию, которая не только оказывает влияние на самые значимые стороны существования человека, но и приводит его к глубокому и длительному переживанию.

Среди различных психотравмирующих ситуаций следует выделить особый тип психотравмы – «психотравму развода», связанную с распадом брачно-семейных отношений. В отличие от многих психотравмирующих ситуаций, например, таких как стихийные бедствия, насильственные преступления и т.п., психотравма развода, как правило, не наступает неожиданно. Обычно ей предшествует длительный процесс «охлаждения» отношений между супругами, ссоры и конфликты.

Переживания развода во многом схожи с переживанием непоправимой потери, которая проходит следующие стадии:

1. Стадия шока. Она может протекать по-разному: слезы, ступор, растерянность, любые негативные эмоциональные реакции. Может длиться до не-

скольких дней.

2. Стадия гнева. Это период взаимных обвинений, скандалов, желания вернуть утраченное. Продолжается от нескольких недель до нескольких месяцев.
3. Стадия самообвинения. Снижается самооценка, проявляется аутоагрессия. Это период возникновения соматических заболеваний: обострение язвы, гипертонии, вегето-сосудистой дистонии, неврологических расстройств. Велика вероятность развития депрессии, поведенческих нарушений. Этот период, когда субъект может впасть в крайности: от гнева к депрессии, от обвинений во всем окружающих до самобичевания. Такое состояние может длиться до нескольких месяцев.
4. Реорганизация жизни. Возникновение новых интересов и целей. адаптация к новой социальной роли.

Возникновение психической травмы развода рассматривается как следствие незавершенности инстинктивной реакции организма на травматическое событие. Внутреннюю психологическую травму можно сравнить, например, с физической раной руки, к которой человек уже давно привык и не обращает на нее никакого внимания. Однако человек переживает очень сильную боль, когда кто-то прикасается к больной руке. Отличительной особенностью психологической травмы от физической травмы является то, что ее последствия также носят психологический характер. Наиболее сильной реакцией на психотравму, как известно является суицид и другие виды аутоагрессивного поведения. Известно, что

сильное психотравмирующее событие может привести к ощущению, что «жизнь закончилась», «все потеряно», «дальше дороги нет» и т.д. Таким образом, психотравма неизбежно влияет не только на оценку текущих событий, но и на восприятие жизненных перспектив личности, оценку как личного прошлого, так и будущего.

Цель статьи – установить особенности влияния психотравмы развода на восприятие временной перспективы. Согласно гипотезе исследования - психологическая травма развода приводит к изменению временной перспективы личности, которое заключается в ее негативной переоценке.

Методика исследования. В исследовании применялись следующие методики: 1) методика PANAS для оценки позитивного и негативного аффекта, что подтверждает наличие психотравмы; 2) Опросник временной перспективы ZPTI Зимбардо – для оценки временной перспективы личности. В исследовании приняли участие 80 человек, среди которых было 40 мужчин и 40 женщин в возрасте от 26 до 48 лет. Испытуемые были разделены на две группы: 40 чел. – переживших развод (основная группа) и 40 чел. – контрольная группа (состоящие в браке). Продолжительность времени после развода в основной группе составила от 6 месяцев до 5 лет (в среднем 2,4 года). Каждая группа была сбалансирована по полу (одинаковое количество мужчин и женщин), что позволило нивелировать влияние гендерного фактора на оценку временных перспектив личности. Для статистической обработки данных были использованы U-критерий Манна-Уитни и коэффициент корреляции р-Спирмена.

Результаты исследования. В ходе исследования подтвердилось то, что развод является психотравмирующим событием. Эмоциональная сфера респондентов основной группы характеризуется пониженными показателями позитивного аффекта ($p \leq 0,01$) и повышенными показателями отрицательного аффекта по сравнению с контрольной группой ($p \leq 0,05$).

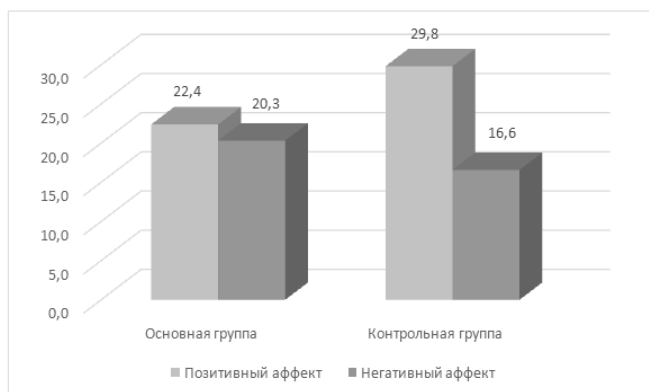


Рис 1. Средние значения шкал методики PANAS в основной и контрольной группах

В отношении временной перспективы по методике Зимбардо было обнаружено, что респонденты основной группы оценивают свое прошлое как более негативное по сравнению с контрольной группой ($p \leq 0,05$), что подтверждает наличие психологической травмы в прошлом. Также респонденты, пережившие развод склонны к меньшей оценке гедонистического и позитивного настоящего ($p \leq 0,05$) и переоценивают свое фаталистическое настоящее ($p \leq 0,05$). Однако оценка временной перспективы будущего в основной группе оказалась незначительно выше, чем в контрольной группе, что может быть обусловлено действием психологических защитных механизмов и переносом на будущее планов по созданию семьи, восприятием будущего как более счастливого по сравнению с настоящим.

Разделение группы по половому признаку не позволило установить гендерных различий в отношении оценок временной перспективы, что говорит о том, что развод является психотравмой как для женщин, так и мужчин, хотя его переживание и носит различный характер.

Предположение о том, что психотравма развода оказывает влияние на восприятие временной перспективы была проверена при помощи коэффициента корреляции р-Спирмена.

Таблица 1
Коэффициенты корреляции между шкалами методики PANAS и шкалами методики ZPTI Зимбардо

	Позитивный аффект	Негативный аффект
Негативное прошлое	0,366*	0,097
Гедонистическое настоящее	-0,069	-0,038
Позитивное прошлое	-0,194	0,122
Фаталистическое настоящее	0,194	-0,277
Будущее	-0,014	-0,015

* - статистически значимая взаимосвязь на уровне $p \leq 0,05$

Оценка своего прошлого как негативного (по методике ZPTI Зимбардо) положительно связана с позитивным эффектом, измеряемым по методике PANAS, т.е. чем более отрицательное отношение к своему прошлому, тем более выражен позитивный аффект. Такая взаимосвязь может быть интерпретирована как эффект избавления от негативных или даже токсичных супружеских отношений.

В ряде случаев, именно развод между супругами является окончанием длительной психотравмирующей ситуации, однако, это не говорит о том, что психотравма исчезла, особенно, если развод касается не только супругов, но и детей. Дополнительным психотравмирующим фактором расторжение брачно-семейных отно-

шений является не только не сложившая личная жизнь супругов, но и психологическая травма, которую развод супругов несет другим участникам семейных отношений – детям, родителям супругов и другим родственникам. Члены семьи и друзья также становятся теми, кто переживает травматическое событие, и часто испытывают посттравматические последствия. Таким образом можно говорить о том, что развод несет как прямую, так и косвенную психотравму. С некоторой вероятностью можно утверждать, что психологическая травма оказывает на изменение жизненных перспектив не сразу, а через некоторое время, и влияние психотравмы также сильнее проявляется в будущем. Это может связано с тем, что последствия психотравмы осознаются не сразу, а лишь со временем. В первую очередь негативный аффект развода оказывает сильное влияние на оценку перспектив в семейной сфере снижая стремление к повторному браку. Сильная психологическая травма оказывает влияние на изменение жизненных перспектив изменяя как ценности человека, так и его планы на будущее.

Если рассматривать психотравму с точки зрения психологии здоровья, то можно обнаружить, что она имеет двойную природу: сначала проявляется ее разрушительная сила, она лишает человека способности радоваться жизни. С другой стороны, парадокс психотравмы заключается в том, что она способна трансформировать человека, делать его сильнее и психологически устойчивее по отношению к таким же трудностям. Психика человека имеет свои защитные механизмы, которые позволяют ей сохранить свою целостность и выжить.

Существуют различные взгляды на психотравму и работу с ней. Особого внимания заслуживают два направления работы - это танцевально-двигательная и соматическая психотерапии. Питер Левин, американский ученый и психотерапевт, разработал метод, который назвал «Соматическое переживание». Эта техника применяется для работы как с шоковыми травматическими переживаниями, так и для терапии эмоциональных травм, к которым можно отнести психотравму развода. По мнению П. Левина, данный метод направлен на активацию, осознание и дезактивацию телесного переживания травматического опыта. Ключ к исцелению травмы лежит в осознании и переживании того, что телесно ощущается. Суть работы психотерапевта заключается в том, что в ходе телесных ощущений происходит пробуждение тех естественных исцеляющих процессов, которые позволяют излечиться от травмы. Телесное ощущение актуализирует у человека, переживающего травму, незавершенные травматические реакции и помогает им завершиться. Это завершение происходит благодаря специфическим психологическим и физиологическим исцеляющим процессам, которые возникают в процессе телесного переживания и позволяют трансформировать травматические симптомы [4].

Выводы

На основании результатов проведенного эмпирического исследования можно сделать следующие выводы.

1. В современной психологии психотравма определяется как жизненное событие или ситуация, которая, затрагивая значимые стороны существования человека, приводит его к глубокому и длительному переживанию негативных эмоциональных состояний. Среди психотравмирующих ситуаций необходимо определить особый тип психотравмы – «психотравму развода», связанную с распадом брачно-семейных отношений. Психотравма развода в отличие от психотравм, которые были обусловлены стихийными бедствиями или внезапными событиями, характеризуется длительной чередой предшествующих конфликтов, что усугубляет ее переживание.
2. Согласно рассмотренным нами научным источникам и полученным в ходе эмпирического исследования результатам, развод может и должен рассматриваться как психотравмирующее событие. Подтверждением этому является снижение позитивного и повышение негативного аффекта в эмоциональной сфере человека. Несмотря на то, что в основной группе в среднем все же преобладает позитивный аффект, сравнение с контрольной группой свидетельствует об эмоциональном неблагополучии лиц, переживших развод. В крайних своих проявлениях психотравма развода может соответствовать психотравме, связанной с утратой близкого человека.
3. Жизненная перспектива людей, переживших психологическую травму развода отличается от жизненной перспективы людей, живущих в браке. В среднем, группа респондентов, переживших развод оценивает свое прошлое как гораздо более негативное, чем контрольная группа. В оценке различных аспектов настоящего (гедонистическое и фаталистическое настоящее) у них также наблюдается сдвиг в сторону негативных оценок гедонистического настоящего с повышением роли фаталистического настоящего. Но в оценке будущего, напротив, в основной группе респондентов больше доминируют положительные оценки, что предположительно связано с психологической защитой и стремлением избавиться от психотравмы.
4. Среди различных направлений временной перспективы (прошлое, настоящее и будущее) наиболее уязвимым для влияния психотравмы оказывается прошлое, поскольку именно прошлое респонденты оценивают, как более негативное и оценки прошлого сильнее всего связаны с изменением аффективной сферы. Переживание негативного прошлого выражается в сожалении об

утраченных возможностях, потерянном времени, переживании неудачной судьбы и т.д. и т.п. В то же время, оценки настоящего и будущего у респондентов сравнительно слабо связаны с соотношением позитивного и негативного аффекта.

5. В психотерапевтической практике искажения временной перспективы у клиента могут являться симптомами психологической травмы, даже если клиент отрицает ее наличие у себя. Восприятие своего прошлого как череды неудач, а не возможности получения жизненного опыта, восприятие настоящего как фатального и не приносящего ни-

каких радостей с одновременной верой в то, что в будущем все разрешится само собой, может свидетельствовать о явном или скрытом психологическом неблагополучии личности.

6. Исследования искажения временной перспективы под влиянием психотравмы – сравнительно новое направление в прикладных психологических исследованиях. По этой причине многие аспекты данной проблемы еще слабо изучены и могут выступать предметом самостоятельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головаха, Е.И. Жизненные перспективы и ценностные ориентации личности [Текст] / Е.И. Головаха // Психология личности в трудах отечественных психологов. - СПб., 2001. – 356 с
2. Деревянко, Ю.П. Особенности переживания времени в студенческом возрасте [Текст]: автореф. ... дис. канд. психол. наук / Ю.П. Деревянко. – Белгород, 2013. – 24 с.
3. Муздыбаев, К. Переживание времени в период кризисов [Текст] / К. Муздыбаев // Психологический журнал. – 2014. – Т. 1. – № 4. – С. 5-21
4. Levin P.A. Waking the Tiger-Healing Trauma. The Innate Capacity to Transform Overwhelming Experiences / Peter A. Levin with Ann Frederick. Berkeley, California: North Atlantic Books, 1997, 247 p.

© Махов Виталий Андреевич (dr.mahov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



СУЩНОСТЬ И РАЗВИТИЕ ОСОЗНАННОСТИ: НАУЧНЫЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ¹

Непомнящий Анатолий Владимирович

Д.п.н., профессор, Южный федеральный университет,
Таганрог
pibgtsu@mail.ru

Хайбулина Эльвира Ильясовна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский
институт культуры
msgosh12@yandex.ru

ESSENCE AND DEVELOPMENT OF AWARENESS: SCIENTIFIC AND RELIGIOUS REPRESENTATIONS

**A. Nepomnyashchy
E. Haybulina**

Summary: The purpose of this article – to give the overview of approaches to a question of awareness in religious practice, psychological consultation and modern science. In the text it is shown that the quality of awareness is a subject of practice of Buddhists from the moment of origin of this religion that is reflected in the level of everyday life practicing and directly in meditation. The awareness plays an important role in spiritual life of Christians, being realized in a trezvlениye concept, and in sufis spiritual life which have a special practice of concentration on the spiritual purposes. The purpose of this practice is the condition of the fana or self-destruction in God. J. Krishnamurti and K. Wilbur emphasize that the awareness can stop process of an attribution and bring to detection of true quality of understanding. The awareness plays an important role in psycho-therapeutic practice, allowing to be more free from determinism. Approaches in studying of awareness from the point of view of artificial intelligence are described. Approaches to a question of gradation of awareness are shown. The description of the approach to a question of awareness offered by V.M. Allakhverdov according to whom the awareness is necessary to eliminate the contradictions arising during decision making is given. In the article questions of that why understanding when the decision is made for some time before his understanding as the awareness in meditation when no decisions are made that happens to awareness in a condition of a conscious dream of the practicing Buddhist is possible is necessary are raised. Possible answers on these questions from the positions of integral vision received on the basis of the application of models of the person and his consciousness developed in religions of pure experience are offered.

Keywords: person, awareness, consciousness, models, religion, representations, subjective experience, witness, triad structures.

Аннотация: Цель настоящей статьи – дать обзор подходов к вопросу осознанности в религиозной практике, психологическом консультировании и современной науке. В тексте показано, что качество осознанности является предметом практики буддистов с момента возникновения данного течения, что отражено на уровне повседневной жизни практикующих и непосредственно в медитации. Важную роль осознанность играет в духовной жизни христиан, воплощаясь в концепте трезвления, и в духовной жизни суфиев, у которых существует специальная практика сосредоточения на духовных целях. Целью этой практики является состояние фана или самоуничтожение в Боге. Дж. Кришнамурти и К. Уилбер подчеркивают, что осознанность может остановить процесс атрибутирования и привести к обнаружения чистого качества осознания. Осознанность играет важную роль в психотерапевтической практике, позволяя быть более свободным от детерминизма. Описаны подходы в изучении осознанности с точки зрения искусственного интеллекта. Показаны подходы к вопросу о градации осознанности. Дано описание подхода к вопросу осознанности, предложенного В.М. Аллахвердовым, согласно которому осознанность необходима для того, чтобы устранять возникающие в ходе принятия решений противоречия. В статье ставятся вопросы о том, зачем нужно осознание, когда решение принимается за некоторое время до его осознания, как возможна осознанность в медитации, когда никакие решения не принимаются, что происходит с осознанностью в состоянии осознанного сновидения практикующего буддиста. Предложены варианты ответов на эти вопросы с позиции интегрального видения, полученные на основе применения моделей человека и его сознания, разработанных в религиях чистого опыта.

Ключевые слова: человек, осознанность, сознание, модели, религия, представления, субъективный опыт, наблюдатель, тринитарные структуры.

Понятие «осознанность» бытия личности и индивида, как носителя в себе индивидуальности, относится к фундаментальным аспектам человековедения, касающимся сущности человека, его жизнедеятельности и развития. Дефиниции этого понятия не однозначны, что закономерно, поскольку отобража-

ют неоднозначность дефиниции понятия более высокого уровня – «человек», которому, собственно, и присуща эта характеристика его активности как субъекта своей жизнедеятельности.

Феномен осознанности известен людям с древности

¹ Статья публикуется при финансовой поддержке Научно-образовательного благотворительного фонда «Инновационное интегральное образование» www.integraledu.ru

и используется в различных религиозных практиках в качестве инструмента для постижения самим человеком своей духовной природы и постижения истины. Из этих практик известно, что, хотя осознанность присутствует всегда, она проявляет себя в разной мере. Для сохранения осознанности требуются усилия, но ее качество можно развивать. В то же время, в повседневной жизни обычного человека, не относящегося к адептам религиозного опыта или к практикующим психологам высокой квалификации, она не всегда явно присутствует и, порой, даже считается им не всегда полезной. Но во всех школах самосовершенствования вопрос о развитии осознанности звучит совсем в другом ключе: без развития качества осознанности интегральное, целостное развитие личности, индивида и человека вообще, как субъекта (управителя) своего жизненного пути, – невозможно. Все это и определяет актуальность исследования этого человеческого качества, в связи с чем в науке и существует проблема такой дефиниции этого понятия, которая соответствовала бы задаче развития личности и существующему в науке стремлению к однозначности.

Последнее – самое трудное в исполнении, поскольку наука существует в пространстве объективного [20], а осознанность в сути своей относится именно к субъективным качествам личности, исследованием которых и занимается религия, в системе которой проблем с определением, что такое осознанность – нет, поскольку это определение передается не объективными средствами того, или иного текста, а средствами субъект-субъектного взаимодействия в системе учитель-ученик, в процессе которого искомая дефиниция передается в виде интегрального образа сути, а не её явлений, как это происходит в науке.

Разработке этой научной проблемы посвящено достаточно много работ, в части которых осознанность в опыте повседневной жизни, в психологической практике и в религиозном опыте на своем базовом уровне видится имманентно присущей мировосприятию, миропониманию и ощущению течения жизни [2], представляясь первичной и неоспоримой данностью, навыком, свойственным почти любому человеку, что делает возможным её функционирование и в процессах психотерапии, где она понимается как качество присутствия внимания в моменте времени «здесь и сейчас» и выступает ключевым ресурсом для процесса исцеления и души, и тела [27].

Многие исследователи фиксируют именно этот факт, что осознанность свойственна личности, сосредоточенной на проживании ситуации «здесь и сейчас» и переживающей полностью текущего опыта. Осознанность не является следствием интеллектуального знания человека о себе и о внешнем мире, но связана с полноценным проживанием именно текущего момента, не сводимого

исключительно к рациональному мировосприятию или стимул-реактивным поведенческим схемам. Именно поэтому возникает «свобода, несмотря на детерминизм» [1].

Считается, что осознанность связывается с состоянием фиксации присутствия чего-либо в сознании в большей мере, чем с природой самих объектов восприятия. K.W. Brown и R.M. Ryan определяют осознанность как фоновый радар сознания, фиксирующий события внутренней и внешней среды [28]. Эта метафора представляется весьма удачной, что будет показано ниже, хотя она и не избавляет от необходимости определения смысла, вкладываемого автором в понятие «фоновый радар». Но этой метафорой исследователи подчеркивают, что осознанность обнаруживается в любой деятельности человека и проживается в повседневном опыте как чистое знание о том, что актуально происходит вокруг и внутри нас в настоящий момент восприятия [28]. Благодаря этому качеству возможно погружение сознания человека в состояние «здесь и сейчас», где производится сознательный выбор, позволяющий регулировать возникающие при этом психические явления [16].

Однозначному научному определению осознанности, на наш взгляд, мешают, прежде всего, методологические погрешности: не соответствующая задаче парадигма, на которую, порой неосознанно, опираются многие исследователи, и отсутствие интегрального видения проблемы. Так, например, есть мнение, что в научном дискурсе есть только три основных подхода к изучению осознанности [16]. К ним автор этого представления относит следующие.

1. Осознанность как результат работы биологической системы. Ее можно смоделировать как любую физическую систему. Этот подход на самом деле есть не более чем попытка пролонгировать жизнь идеи о том, что тело – есть субстрат (производитель) психики, а сознание является функцией мозга. В этом подходе и соответствующих представлениях осуществляется опора на парадигму времен И. Ньютона, когда в науке считалось, что масса вселенной постоянна, что возможно только в том случае, если во вселенной кроме вещества, из которого, в частности, состоит биологическое тело человека, никаких субстанций (энергии, информации, времени и пр.) – нет. Таким образом, упоминание этого подхода в качестве имеющего право на жизнь с позиции современной науки – некорректно.
2. Хотя осознанность является результатом работы биологической системы, моделирование может только создать эффект осознанности в поведении, но это не будет идентично внутреннему содержанию – не будет означать наличие осознанности. Здесь видим ту же самую ошибку – опору на па-

радигму времен младенческого материализма. Следовательно, и эту исследовательскую позицию, как и первую, нельзя даже рассматривать в качестве возможного подхода к исследованию осознанности.

3. Осознание не может быть смоделировано вовсе и не подлежит научному изучению и концептуализации.

Эта позиция также не может предлагаться в качестве отправной точки какого-либо исследования, поскольку любой фрагмент действительности может быть смоделирован. Вопрос заключается в другом: «Можно ли создать текстовую или символическую, проблемно ориентированную модель осознанности, пригодную для решения рассматриваемой проблемы?». Что касается научного изучения, то его также никто не может запретить. Прямое изучение субъективного пространства наукой действительно невозможно в силу отсутствия измерительных средств, но косвенное изучение сути по её отражениям и отображениям никто отменить не может, поскольку тогда пришлось бы отменить и психологию. Концептуализацию также никто отменить не может, поскольку человеку свойственно передавать информацию не только в образах, но и в тексте, и в символах. Именно последние средства отображения знания всегда и строятся на основе той или иной идеи, т.е. концепции.

Итак, мы видим, что, помимо неадекватной научной парадигмы, причиной существования приведенных подходов к исследованию осознанности является еще и отсутствие интегрального, четырехсекторного видения [20], из-за чего изучение субъективного пространства мира объявляется невозможным вообще, поскольку считается, что познание мира возможно только объективными средствами, что лишает права на жизнь не только психологию, но и все науки, на неё опирающиеся. И все это потому, что для классической науки источник осознания, так и не стал предметом исследования (в силу его отрицания ею), и в этом смысле не может быть направлен сам на себя [19, 24].

В качестве выхода из этой ситуации осознанность понимается также, как осведомленность – осознание чего-либо, чувствительность к моментальным содержаниям сознания [24]. В компьютерной метафоре человека она может рассматриваться как результат выполнения вычислительных операций, и в этой трактовке способность осуществлять вычисления приравнивается к осознанию [16]. Осознанность положительно коррелирует с ясностью сознания, состоянием осведомленности, поиском нового, но не имеет в ряде представлений корреляций с рефлексией, которая понимается как процесс, позволяющий субъекту направлять внимание на происходящее в

собственном внутреннем мире или в мире вокруг, таким образом, чтобы осмысливать и регулировать поведение. Как отмечают K.W. Brown и R.M. Ryan, отличительным свойством осознанности является то, что операции производятся «на», а не «посредством» содержания сознания [28]. Такое утверждение можно предложить, только опираясь на все ту же идею о том, что сознание не является в человеке иерархически высшей управляющей системой. Здесь немедленно возникают два вопроса: «Кто производит эти операции «на» сознании, игнорируя его содержание?»; «А разве механизм осознанности дан человеку не для того, чтобы осмысливать и регулировать свое поведение на качественно ином, более высоком уровне взаимодействия с миром?» Эти вопросы авторы, по-видимому, оставляют без ответа, что также указывает на несоответствие поставленной задаче парадигмы и методологии, которые ими используются для решения проблемы осознанности.

Если смотреть на функционирование осознанности, обнаруживается, что более ярко осознанность проявляется при высвечивании ранее неосознаваемых процессов сознания, т.е. их переноса в сферу осознаваемого, что вовсе не означает прекращение протекания последних, поскольку информационный объем неосознаваемого несоизмеримо больше объема того, что осознается личностью. По мнению В.М. Аллахвердова, использующего для иллюстрации осознанности компьютерную метафору, в то время как основные вычислительные процессы осуществляются в сфере неосознаваемого, механизм осознанности необходим для устранения противоречий, которые не могут быть решены без участия личности как субъекта, что возможно благодаря тому, что все неосознаваемые процессы некогда были в поле осознания и имеют имманентную тенденцию – становится таковыми вновь [24]. Однако осознанность здесь ставится под вопрос, при условии, что основания принимаемого решения подготавливаются в неосознаваемом и выдаются как уже готовый результат [1]. В то же время возникает вопрос, как возможно осознанное наблюдение, не включающее явного решения задач, в условиях медитации, когда остается только процесс чистого созерцания [4]? Как обрабатывается информация в таком особом режиме работы сознания? Еще один пример неординарного проявления осознанности – осознаваемые сновидения, в процессе которых, при активной работе неосознаваемых сил, возникает очаг осознанности, который может не только поддерживать чувство Я, но может быть усилен до медитативного состояния, когда без пробуждения практикующий сохраняет яркую осознанность [18].

Эти, и подобные им умозаключения и представления, возникшие в системе науки, имеют характер фиксации факта, явления, но не вносят желаемого вклада в разъяснение сущности данного качества личности и человека,

в связи с чем и возникает множество открытых вопросов. Отсюда естественно вытекает необходимость обращения к истокам психологических знаний, поступающих в науку от истинной религии как носителя методологии восстановления связи с Богом, в которой осознанности придается огромное практическое и теоретическое значение.

Здесь под истинной религией не имеются ввиду профессиональные социальные институты догматического плана, цель которых не исследование и разъяснение, а убеждение прихожан в необходимости примкнуть к той или иной системе представлений, консолидирующих приверженцев какой-либо догматики. Нам целесообразно знакомство с теми представлениями об осознанности, которые сформировались в религиях «чистого опыта», поскольку в них отображены не столько результаты стороннего наблюдения, сколько результаты собственного практического самоисследования, многократно подтвержденные ранее и постоянно подтверждающиеся ныне адептами многих школ в буддизме, даосизме, суфизме, конфуцианстве, мистическом христианстве и в других религиях чистого опыта. Под чистым опытом в данной классификационной характеристике указанных религий понимается отсутствие ментальных и интеллектуальных спекуляций о чем-либо, касающемся предмета рассмотрения и исследования. Примат теории над практикой, часто существующий в системе гуманитарных наук, в них отсутствует, что никоим образом не означает отсутствие теоретических оснований религиозного опыта вообще. Речь идет о балансе знания и бытия, без которого возникновение понимания невозможно [23]. Об этом, в частности, говорит нам и теория Абхидхаммы (ранний буддизм) [9], в которой были разработаны проблемно ориентированные модели сознания, сохраняющие и поныне свою актуальность, в том числе, и для решения поставленной здесь задачи.

Буддисты всегда видели необходимость осознать события внутреннего и внешнего мира с целью достижения предельного состояния осознанности (нирвана), выступающего в качестве главного механизма на пути к избавлению от страданий. Благодаря данному качеству практикующий в настоящее время, как и сотни лет назад, может реализовать «сати» или «сампаджанну» – памятование через осознанность, предполагающее удержание внимания на всех происходящих внешних и внутренних событиях в текущий момент времени. Объектами, с которыми при этом работает осознанность, являются любые содержания сознания, связанные с восприятием, мышлением, воображением, обнаруживаемые в практиках сосредоточения, самадхи и безмятежного наблюдения [12]. В сутте «О всех влечениях» осознание выступает в качестве основы для развития усердия, восторга, успокоения, сосредоточения, безмятежного наблюдения, которые являются необходимым элементом практик [11].

В другом тексте в отношении использования качества осознанности в монашеской жизни указывается следующее: «сохраняй памятование и осознание. Когдаходишь и когда отходишь, действуй осознанно. Когда смотришь прямо и смотришь в сторону, действуй осознанно» [11].

В качестве аналога осознанности в христианстве можно рассмотреть понятие трезвения, что в контексте данной философии имеет значение рассудительности, свободы от обмана, иллюзий [7]. В труде Иоанна Лествичника указано следующее: «Внимай себе трезвенно после молитвы, и увидишь, что толпы бесов, побежденных нами, стараются после молитвы осквернить нас нечистыми мечтаниями. Итак, сядь и наблюдай, и ты увидишь обыкших похищать начатки душевного делания.» Это может быть расценено как обращение к особому рода внимательности к своему состоянию, характеризующейся полнотой осознания. Там же указано: «Хотя во всем нужно нам иметь великое трезвение, но прежде прочего должно в этом отношении наиболее быть разумно внимательными»; «Все бесы покушаются сначала помрачить наш ум, а потом уже внушают то, что хотят; ибо если ум не смежит очей своих, то сокровище наше не будет похищено» [10, с. 28].

Осознанность играет значимую роль в аскетических практиках, т.к. предполагает своевременное отслеживание процессов, происходящих в сознании, позволяя добиться успехов в борьбе с пороками. Отсутствие осознанности, как можно предположить, связывается с помрачением ума, что влечет за собой исчезновение «трезвения внимания», рассуждения, сознания и появление нерассуждения и слепоты ума [10]. Трезвение подразумевает «не частную добродетель, а трезвение во всем, когда человек хранит себя от всякого дела, слова и помышления, неугодного Богу» [10, с. 98]. Это качество пронизывает все добродетели. Осознанность здесь проявляется в чистоте души и тела, в сохранении её как во сне, так и наяву, в нейтральном отношении к объектам мира. Из приведенного видно, что практика осознанности в христианстве, так же, как и в буддизме, предполагает внимательность по отношению не столько к формам, сколько к их содержаниям.

В суфизме существует отдельно обозначаемая система техник, называемая «муракаба», составляющая основу «учения о трезвости» багдадской школы мистицизма [25], предполагающая, что практикующий будет сохранять неугасающую сосредоточенность на религиозных заповедях и духовных целях. При полном отрешении от восприятия внешнего мира осознанность позволяет достичь постоянного видения Бога «оком» разума в состоянии, называемом «фана», предполагающем уничтожение иллюзии самости в Боге. Здесь также встречается понятие трезвого взгляда, позволяющего отказаться от

мирских привязанностей [14].

Дж. Кришнамурти отмечает, что осознанность предполагает остановку процесса атрибутирования: «есть дерево, есть слово, реакция на дерево, которая представляет собой цензора, «я», приходящее из прошлого; и затем существует вопрос: могу ли я спастись от всей этой суматохи, от всех мучений? Если данный вопрос задает само «я», оно благодаря ему увековечивает самого себя. И вот, осознав это, оно не задает вопроса! Когда налицо осознание, понимание того, что подразумевает данный вопрос, задать его нельзя» [8].

Осознание предшествует размышлениям и предполагает чистое созерцание процессов, оно присутствует всегда. К. Уилбер описывает это так: «мне не нужно пытаться вызвать к жизни осознание. Мне не нужно стараться войти в это состояние. Для этого не требуется ровным счетом никаких усилий. Я просто замечаю, что оно уже существует» [19, с.215]. Но здесь опять возникает старый вопрос: «А “Я”, это кто?». Ответить на него в тексте, не прибегая к методу моделирования, невозможно, в связи с чем, для показа варианта решения поставленной проблемы и предложения ответов на приведенные выше вопросы, к этому методу и обратимся, применяя методологию постнеклассической науки, использующей все виды знания (обыденное, объективно-научное, философское и эзотерическое), наиболее ярко выраженную в методологии интегрального видения, предложенной К. Уилбером [20]. При этом, исходные предпосылки к решению проблемы заключаются в следующем.

1. Необходимо учитывать существование мировых универсалий, в частности, – закона третьей силы, который следует из нелокальности квантовых эффектов и говорит о том, что нет никакой возможности организовать взаимодействие любых двух цельностей мироздания без участия в этом взаимодействии третьей силы [17]. Тринитарные структуры пронизывают все наше существование [3]. Даже сам Творец этого мира проявляется тринитарно как сила созидания, сила сохранения созданного и сила растворения созданного [5]. Следовательно, предположение о том, что человек проявляется дуально, как взаимодействие таких его ипостасей, как думающий и делающий [22], неверно уже в силу того, что любой процесс управления также тринитарен по своей структуре и представляет собой организацию, регуляцию и контроль. Таким образом в человеке есть и третья ипостась – человек наблюдающий, контролирующий происходящее, а забывают о нем потому, что его действие в человеке непрерывно и столь естественно, что не требует от личности никаких усилий. Именно поэтому К. Уилбер и пишет, что для вхождения в состояние осознания «... не требуется ровным счетом никаких усилий. Я просто

замечаю, что оно уже существует» [19].

2. Ответ на другой вопрос о том, кто или что в человеке является этим наблюдателем, осознающим все происходящее, будем искать, учитывая другую мировую универсалию – принцип иерархии мироустройства, игнорировать который без риска «заблудиться в трех соснах» невозможно. Из него следует, что человек, в целом, и его сознание, как и все в мире, имеет иерархическую структуру. Именно поэтому нельзя утверждать, что в состоянии осознания «... операции производятся «на», а не «посредством» содержания сознания [28]. Операции «на» осуществляется только внешним наблюдателем (третьей силой) – сознанием более высокого уровня, нежели человеческой. И этот феномен безусловно существует, поскольку «Субъективное Я» (сознание) отдельного индивида всегда входит в «Субъективное Мы» (коллективное сознание) того иерархического уровня, в который он входит как составляющий элемент [20]. В самом же индивиде нет другого наблюдателя кроме его сознания, о котором буддисты говорят, что это то, из чего все происходит. Вопрос заключается в том, с какого иерархического уровня сознания в конкретном случае ведется осознанное наблюдение. Значит, в соответствии с этой универсалией должны выбираться многоуровневые проблемно-ориентированные модели человека и его сознания, обладающие достаточным объяснительным потенциалом. Здесь нам будет достаточно использовать наиболее общие, не детализированные модели, своего рода «карты» (в терминологии К. Уилбера) большого масштаба, сродни тем, что применялись не столь давно в авиации для ориентировки с большой высоты. Эти модели апробированы многовековой практикой и разработаны в религиях чистого опыта.

В качестве модели иерархической структуры человека целесообразно использовать семиуровневую модель, предложенную более века назад братом-мирянином мистического ордена Розенкрейцеров М. Генделем в его фундаментальном труде «Космоконцепция Розенкрейцеров [6]. В несколько упрощенном, проблемно ориентированном виде, она может быть представлена в виде иерархической семиуровневой структуры, в которой три верхних уровня представляют собой Троица Дух (Божественный Дух, человеческий дух и жизненный дух) и являет собой, согласно сведениям, лежащим в основе всех религий и опирающейся на их основу «вечной» философии, «То», неизрекаемое в слове, с чем во многих религиях Востока и отождествляется сам человек и что в христианстве называется «Святой Троицей» (Бог отец, Бог сын, Бог Дух святой) или искрой Божьей внутри каждого из нас. Эта Искра Бога внутри каждого из нас и есть своего рода ядро человеческой

индивидуальности, обретающей свою исключительность вследствие уникальности своего опыта в процессе бесконечных изменений (смен) своих форм проявления. Именно это движение – от простых форм ко всё более сложным, называемое эволюцией, и является по сути нелинейным процессом бесконечного развития каждой индивидуальности. И в познании себя посредством проявленного и непроявленного бытия человек не может «пропустить» какую-либо ступень лестницы восхождения к Богу в себе. Не достигнув совершенства в малом, невозможно быть совершенным в большем.

4-7 уровни проявления Духа в модели М. Генделя (тело мысли, тело желаний, жизненное тело и биологическое тело) являются по своему изначальному назначению проводниками его воли. И, если человек находится в состоянии «счастья» – соединения всех частей (уровней) в единую систему, объединенную общей целью, эта функция проводников выполняется безукоризненно, как безукоризненно части, входящие в устройство телевизора, осуществляют одна за другой усиление и преобразование входного сигнала до максимальной проявленности в форме звука и изображения на экране. Но, фундаментальное отличие живого существа от технического средства заключается в том, что «живые» проводники в системе «человек» обладают невыясненной до сих пор степенью сложности, собственным сознанием соответствующего уровня и способностью к самоорганизации, самоконтролю и саморегуляции, т.е. к самоуправлению. Объединившись в ещё более сложную подсистему человека по имени «личность», они тяготеют к реализации этих своих функций и возможностей, зачастую не очень обращая внимание на сигналы индивидуальности и сигналы друг друга. В таком состоянии (отсутствия «счастья» и осознания происходящего) человек и совершает множество проб и ошибок, забыв о Боге в себе, позволив своему эго вытеснить Бога в «тень» вместе с другими своими «хорошими» и «плохими» составляющими и свойствами, с которыми эго на данный момент не готово встретиться, поговорить и включить в себя [24]. Именно поэтому на Востоке великие Учителя всегда призывали каждого индивида отказаться от иллюзии личности как главного управленца в системе «человек» и направить все усилия на установление устойчивого контакта с Богом в себе.

Само понятие «иеро архия» в качестве своего основного смыслового значения имеет «управление сверху». Это означает, что соблюдение этого принципа в структуре человека, находящегося в состоянии счастья, автоматически означает, что личность принимает свой Божественный Дух в качестве главного, высшего по уровню иерархии сознания, контролирующего наблюдателя и главного управленца. При этом достигается состояние полной осознанности бытия, поскольку Дух, будучи Искрой Бога, можно сказать, используя физическую

метафору, является его голографической копией, обладающей всеми присущими Богу бесконечными возможностями, почему и говорится, что Бог создал человека по образу и подобию своему.

Такое состояние весьма трудно достижимо, поскольку множество людей, находясь в процессе своего эволюционного развития на уровне «разума страдания» не допускают и мысли, что они являются манифестациями Бога и могут пребывать всегда и всюду в состоянии «разума праздника», к чему призывают все религии чистого опыта. Главной причиной этого является отсутствие правильного самоотождествления.

Научная парадигма в виде закона сохранения массы, осознанно или нет, но еще присутствует в сознании многих жителей Земли, которые вследствие этого отождествляют свое «Я» со своим инструментом – биологическим телом. И это отождествление присуще не только обывателям, но и представителям разных уровней науки (вплоть до академиков), находящихся под магией этой формулировки закона сохранения, сформулированного не один век назад в рамках классической науки. При таком отождествлении самости, существование других, иерархически высших структур в человеке вытесняется личностью в «тень», в неосознаваемое ею, куда вслед за Богом отправляется и процесс осознания. Это не означает, что само «наблюдение» исчезает. Бог в каждом из нас по-прежнему осуществляет свои функции, но их результат не видим для личности, поскольку она отрицает само его существование.

Таким образом, совершенствование процесса отождествления самости у личности отображается и в совершенствовании её осознанности. По мере развития своего мировосприятия личность начинает «доставать из тени» на свет своего осознаваемого восприятия и знания последовательно уровень за уровнем. Признание существования жизненного тела и его исследование приводит к тому, что личность становится способной осознанно регулировать свое энергетическое состояние и, как следствие, состояние здоровья своего биологического тела. Теперь она может осознанно наблюдать процессы, происходящие в этих телах. Принятие идеи о существовании «тела желаний» и исследование его функций приводит к дальнейшему расширению осознаваемого в сознании личности, которая высветила из тени теперь уже три уровня из своей телесной иерархии и, говоря: «Я хочу», демонстрирует окружающим свое отождествление с телом желаний и т.д. И так, поднимаясь в своем самоотождествлении с одного уровня внутренней иерархии на другой, личность, в конце концов, доходит до своей границы. Дальше только Дух, и, пересекая эту границу, личность (как управленец в системе «индивид») «растворяется» в Духе, передавая ему властные полномочия. Бог в человеке выходит из тени. Это состояние

личности называется в ряде религиозных школ «вибхути» (пепел) [26] и считается очень высоким достижением в развитии человека, поскольку иллюзия личности, этого инструмента индивидуальности, больше не закрывает собой истину. В культуре наших предков это состояние называлось «вера» – ведание Ра – пребывание в Боге.

Для иллюстрации ключевых этапов в развитии осознанности можно использовать и иерархическую модель собственно человеческого сознания в целом, в которой феномен сознания рассматривается в плане актуализации активности составляющих его внутренней структуры, классифицируемой по признаку доступности той или иной области (зоны) сознания для осознания и волевых актов [9].

Указанное подразделение на зоны сделано на основе признака дифференциации сознания и положения о том, что сознание колеблется между двумя предельными состояниями – «дифференциации» (одна особь на этом уровне принципиально отличается от другой) и «однородности» (нет никаких существенных различий между двумя особями). В этом плане периферическое сознание наиболее дифференцировано, что и позволило выдвинуть идею существования эго и соответствующих этой идее концепций. Под дифференциацией здесь подразумевается возможность наблюдения множества различий (от особи к особи), т.е. индивидуальных характеристик, проявляющихся в процессе существования личности. Именно применительно к этому уровню структуры сознания возможно введение и использование таких понятий, как личность и эго, а также рефлексия соответствующих качеств и характеристик, в том числе эмоциональных, чувственных, и волевых. Активность этой зоны сознания проявляется в бодрствующем состоянии человека, в способности совершать осознаваемые волевые акты. Внешняя информация, содержащаяся в периферической зоне сознания, поступает к человеку преимущественно через посредничество сенсорных систем, доступна для волевого вспоминания. Ограниченность информационного объема этой зоны, что и обуславливает её дифференциацию от периферических сознаний других особей, обусловлена ограниченностью полосы пропускания сигналов сенсорными системами человека. Функции осознаваемого наблюдателя в этой зоне реализуются с помощью ума, как проводника сигналов Духа и фокусирующего внимания. В процессе осознания задействованы также такие структурные составляющие тела ума, как физический разум (фрагментатор мира) и интеллект, обеспечивающий мышление и логические операции в системе языка.

Субпериферическая зона располагается за порогом способности обычного человека к волевому вспоминанию, ее активность у среднестатистического человека проявляется в виде «ночного» сознания – сознания спя-

щего человека или находящегося под гипнотическим воздействием. Активность сенсорных систем в этой области сознания минимальна, поскольку они не в состоянии пропустить через свои каналы столь большой объём информации. Степень дифференциации сознания (от субъекта к субъекту) в этой зоне значительно меньше в силу того, что наше, дифференцированное от других Эго, занимает в этой зоне сознания ничтожно малую часть и, кроме того, ряд факторов (движущих сил) сознания, в частности волевых, здесь не активны. Это огромное информационное вместилище, с одной стороны, питающее периферическую зону, с другой – поглощающее из нее все то, что прошло апперцепцию и относится к опыту, сформированному на периферии – в сфере осознаваемых отношений с Миром. Вот почему многие исследователи сознания искали пути волевого смещения фокуса внимания и осознанной рефлексии из периферической зоны в субпериферическую для осознаваемого исследования и использования грандиозных возможностей сознания человека как управляющей системы. Такая техника на востоке была известна с незапамятных времен и относилась к одной из техник медитации – осознаваемого входа в континуальные потоки самосознания (определение В.В. Налимова) [13]. В ряде традиций эта техника называется осознаваемым сновидением или работой со сновидческим телом [18]. Трудности освоения этих техник заключаются в том, что наблюдатель, функции которого выполняет «тело мысли» (ментальный план человека), должен присутствовать в процессе этих сновидений, лишаясь возможности внетелесного опыта, восстанавливающего и развивающего его состояние [6]. Насильственное, неестественное освоение этих техник, например, с помощью средств электронной техники или психоделических препаратов, чревато весьма тяжелыми последствиями для всех уровней структуры личности.

Сублиминальная зона – зона максимальной однородности. Здесь индивидуальные различия не могут быть проявлены в силу бесконечной информационной ёмкости этой части сознания – одна бесконечность не может отличаться от другой. Это означает, что перемещение фокуса внимания и осознанности в эту зону дает возможность исследователю на практике осознать единство с Богом, с миром и весь мир в себе: поскольку индивидуальные различия отсутствуют, концепция эго теряет свою основу и эго исчезает как таковое (состояние вибхути). Осознаваемые вход в эту зону и выход из нее обратным путем на периферию позволяет получить осмысленное знание всего обо всем, поэтому человек, достигший этих возможностей изменения состояния своего сознания и называется на востоке Буддой – Познавшим. На сегодняшний день известен только один безопасный путь к достижению такого уровня подготовки – нирваны, который и относится к главным открытиям Будды Гаутамы – восьмеричный путь, в основе которого лежит три фундаментальных принципа: Мудрость (Правильное Воз-

зрение и Правильная Решимость), Нравственность (Правильная речь, Правильное Поведение и Правильный Образ Жизни) и Сосредоточение (Правильное Усилие, Правильная Собранность Разума и Правильное Сосредоточение). Все другие пути в область сублиминального сознания, ведущие «в обход» решения задачи этического, нравственного и интеллектуального самовоспитания, связаны, как правило, с процессом смерти индивида в прямом и переносном смысле, поэтому Анагарика Говинда [9] называет сублиминальное сознание сознанием «мертвого» человека, т.е. либо сознанием человека, простившегося со своим конкретным биологическим телом навсегда, либо сознанием человека, пребывающего в состоянии нирваны, т.е. временно оставившего своё тело, предварительно «выключив» его, но держа его под контролем. Для внешнего наблюдателя, не имеющего специальной подготовки в сфере субъективного опыта, отличие этих состояний неуловимо, поэтому известный русский писатель был заживо похоронен родственниками, принявшими его нирвану за кончину.

Изменение состояния сознания, при котором активная, произвольная компонента его внимания (ментальный наблюдатель) пересекает границу между субпериферической и сублиминальной зонами сознания вызывает эффект, который в художественной литературе часто описывается фразой «вся жизнь промелькнула у него перед глазами». Эту фразу нужно понимать буквально, что было доказано множественными экспериментальными результатами, полученными в пограничных состояниях человека (между жизнью и смертью) с неопределённым заранее исходом. Дальнейшее погружение в сублиминальную зону без потери осознанности происходящего даёт возможность «промелькнуть перед глазами» и другим – прошлым жизням, как это было, например, описано в повести Г. Гессе «Сиддхартха» и в целом ряде научных исследований (Р. Монро, М. Ньютон и мн. др.).

Анализ рассмотренных моделей человека и его сознания, разработанных в сфере субъективного опыта, приводит к следующим выводам.

Главная цель человека – познание истины, что необходимо для результативного управления любым видом деятельности. Если под истиной понимать видение и понимание актуального состояния мира, которое изменяется каждое мгновение, поскольку и Бог и весь мир находятся в постоянном творчестве, то она для обычного человека, а тем более для его личности, – непознаваема. Это маяк, стоящий на скале. Все корабли к нему стремятся, но ни один не достигает, зато те, которые следуют его сигналам, приходят в порт назначения. Так и личность, стремящаяся к истине, неизбежно достигает своих жизненных целей, поскольку человек является манифестацией Бога, а стало быть, несёт эту истину в себе, но не

видит этого, не имея осознанного контакта с главным Наблюдателем, со своей Божественной сущностью, часто с позиции своей личности даже отказываясь верить в само её существование.

Собственно, именно отсюда и возникает, с одной стороны, задача постоянного самообразования и самосовершенствования, поскольку достижение состояния осознания хотя бы той конкретной ситуации, которой человек хочет управлять, возможно только при достижении достаточного знания и опыта, относящихся к этой ситуации (принцип Эшби). С другой стороны, это достигается только в состоянии осознанности самих процессов обретения нового опыта и восприятия новых знаний, т.е. мы имеем издревле известный вариант «змеи кусающей себя за хвост», который отображался в философской проблеме взаимоотношения бытия и сознания. Принимая гипотезу о том, что «бытие определяет сознание» (речь идет о периферийном сознании), мы движемся к расширению последнего через совершенствование бытия. Принимая обратное, мы концентрируемся на задаче расширения сознания через интенсификацию внутренней работы, что приводит к совершенствованию и нашего бытия. У кольцевых структур нет ни начала, ни конца. Все тотально взаимозависимо.

Уйти от задачи повышения осознанности путем расширения периферийного сознания мы никуда не можем, если хотим стать субъектом (управителем) своего жизненного пути, на котором судьба и карма выстраивает нам для проживания (обучения) персональный событийный ряд, собирая в нем для ускорения развития и других, подобных нам существ.

Главная стратегия развития осознанности – стараться целиком присутствовать своим сознанием в текущем моменте текущей ситуации, соблюдая при этом этику общения с другими и этику общения с самим собой. Это известный принцип «быть здесь и сейчас», практике которого учили все Великие издревле. В современности ничего не изменилось: других, более эффективных стратегий, – нет. Тактических путей было открыто достаточно много. Эти пути можно сгруппировать в два направления (подхода): дифференцированные практики и интегральные практики. Под первыми мы понимаем практики, ориентированные на развитие определенного качества в человеке или отдельной части его структуры, например: развитие умственных способностей; развитие отдельных телесных качеств (скоростных, силовых, выносливости) и т.п. Применение вторых практик предусматривает интегральное развитие человека как цельности, без допущения своего рода перекосов, возникающих, например, при отставании развития левого или правого полушарий мозга. Нарушение в человеке принципа равновеликости всегда затормаживает процесс расширения периферийного сознания. Так сама

наша Природа заботится о том, чтобы негармонично развитый человек не смог нанести себе много вреда, получив преждевременно большие возможности.

Если изучать направления йоги, известные со времен Патанджали, мы увидим во всех них именно интегральный характер, что следует уже из самого названия системы – «йога», т.е. «единение», стирание границ, которое и начинается с постижения состояний «яма» (этика общения с другими) и «нияма» (этика общения с самим собой). В то же время для западного исследователя эти направления могут восприниматься принципиально отличными друг от друга и относиться больше к дифференциальным практикам, что связано с самим характером логического (научного, рационального) мышления западного человека.

Не отрицая ни одного из этих подходов, можно извлечь из них много преимуществ. По такому пути пошли многие, в частности авторы работы «Практика интегральной жизни» [21], где, для вхождения в проблему и ускорения понимания, вся практика дифференцируется на четыре модуля: работа с телом, душой, духом и «тенью». Со временем, по мере расширения своего сознания, практикующий начинает понимать, что в работе с каждым конкретным модулем неизбежно задействуется вся структура «человек», и все её структурные составляющие постоянно подают практикующему знаки для обеспечения требуемой обратной связи. И вот тут-то и растёт осознанность по мере того, сколько из этих знаков попадает в поле внимания практикующего и насколько адекватно они им интерпретируются. В этом и заключается основная суть метода использования интегральных практик для роста осознанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. [Текст] / В.М. Аллахвердов. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. – 368.
2. Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. [Текст] / В.М. Аллахвердов. СПб.: Изд-во «Печатный двор», 1993. – 325 с.
3. Баранцев Р.Г. Понятия – Образы – Символы. Источник: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0019/d01/00190005.htm>
4. Бахтияров О.Г. Технологии свободы [Текст] / О.Г. Бахтияров. М.: РИПОЛ классик, 2015. – 304 с.
5. Бхагаван Шри Сатья Саи Баба. Истина в афоризмах / Бхагаван Шри Сатья Саи Баба; сост. Е. Богатых. – 4-е изд. – М.: Амрита, 2012 – 112 с.
6. Гендель М. Космоконцепция розенкрейцеров или мистическое христианство. – М.: Литан. 2004. – 560 с.
7. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Текст] / Т.Ф. Ефремова. – М.: Изд-во Дрофа, Русский язык, 2000. – 1233 с.
8. Кришнамурти Дж. Немедленно измениться [Электронный ресурс]. Кришнамурти Дж. Немедленно измениться. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/nemedlenno-izmenitsya-read-146111-1.html>.
9. Лама Анагарика Говинда. Психология раннего буддизма. Санкт–Петербург: Изд-во «Андреев и сыновья», 1993, – с1–129.
10. Лествичник И. Лестница или Скрижали Духовные. [Электронный ресурс]. Электронная библиотека RoyalLib.com. – Режим доступа: http://royallib.com/read/lestvichnik_ioann/lestvitsa_ili_skrigali_duhovnie.html#0.
11. Мадджима Никая. Ганакамогалана сутта. [Электронный ресурс]. Указатель сутт. – Режим доступа: <http://dhamma.ru/canon/mn/mn107.htm>.
12. Махасатипаттана сутта: большая сутта об основах памятования. [Электронный ресурс] Дигха Никая. – Режим доступа: <http://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/dn22-mahasatipatthansa-sutta-01-ivahnenko.htm>.
13. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука 1979. – 270 с.
14. Насыров И.Р. Духовная практика в исламском мистицизме (суфизме): альтернатива откровению или имитация [Текст] / И.Р. Насыров // Философский журнал. – 2009. – № 2. – С. 49-63.
15. Пенман Д., Уильямс М. Осознанность. Как обрести гармонию в нашем безумном мире [Текст] / Д. Пенман, М. Уильямс. – М.: Манн, Иванов, Фербер, 2014. – 46 с.
16. Пенроуз Р. Тени разума: в поисках науки о сознании. [Текст] / Пенроуз Р. – Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005. – 688 с.
17. Священная книга Тота. Великие арканы Таро. Абсолютные Начала Синтетической Философии Эзотеризма. Опыт комментария Владимира Шамакова. – Киев: «София», 1993. – 510 с.
18. Тендзин Вангьял Ринпоче Тибетская йога сна и сновидений [Текст] Тибетская йога сна и сновидений. – Режим доступа: <http://www.theosophy.ru/lib/tw-yoga.htm>.
19. Уилбер К. Интегральная духовность. Новая роль религии в современном и постсовременном мире [Текст] / К. Уилбер. – М.: Ориенталия, 2013. – 520 с.
20. Уилбер К. Око духа: Интегральное видение для слегка свихнувшегося мира/ К. Уилбер /Пер с англ. В. Самойлова под ред. А. Киселева. – М.: ООО «Издательство АСТ» и др., 2002.- 476. [4] с. – (Тексты трансперсональной психологии).
21. Уилбер К., Паттен Т., Леонард А., Морелли М. Практика интегральной жизни. Модель физического здоровья, эмоционального баланса, умственной ясности и духовного пробуждения для двадцать первого века. Электронное издание. Электронный ресурс www.ipraktik.ru 2014.
22. Уилсон Роберт Антон. Психология эволюции/пер. с англ. – М.: ООО Издательство «София», 2008. – 304 с.
23. Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека; Космология возможной эволюции человека Пер. с англ. – СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2001. – 192 с., ил.
24. Хант Г. О природе сознания [Текст] / Г. Хант. – М.: Изд-во: Институт трансперсональной психологии, 2004. – 560 с.

25. Хисматулин А.А. Суфизм [Текст] / А.А. Хисматулин. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 1999. – 272 с.
26. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т.1. Биография. Глоссарий Пер. с англ. – СПб.: Издательство «Адити», 1998. – 571 с.
27. Bray S., Phillipson P. Gestalt and Awareness [Текст] / S. Bray, P. Phillipson // Psychotherapy. – 2003. – № 3. – С. 56-67.
28. Brown K.W., Ryan R.M. The Benefits of Being Present: Mindfulness and Its Role in Psychological Well-Being [Текст] / K.W. Brown, R.M. Ryan // Journal of Personality and Social Psychology Copyright. – 2003. – №4. P. 822–848.

© Непомнящий Анатолий Владимирович (pibgtstu@mail.ru), Хайбулина Эльвира Ильясовна (msgosh12@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Южный федеральный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ И НЕГАТИВНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ УСТАНОВОК УЧИТЕЛЕЙ

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STUDY OF PSYCHOLOGICAL SECURITY OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND NEGATIVE COMMUNICATIVE ATTITUDES OF TEACHERS

A. Pestov
T. Bostanjieva

Summary: The article presents a study of the relationship between the psychological security of the educational environment and negative communicative attitudes. As a result of the study, we tracked the dynamics in the direction from the initial levels of manifestation of psychological security of the educational environment of the subjects and negative communicative attitudes of teachers. The analysis of empirical manifestations of the dynamics of the study participants is carried out. The results of the study allow us to identify areas for the development and implementation of a developmental program to eliminate negative communicative attitudes among teachers of secondary schools, providing a psychologically safe educational environment.

Keywords: educational environment, psychological security, communicative situation, negative communicative attitude.

Пестов Александр Валерьевич

Аспирант, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

alexq8@mail.ru

Бостанджиева Татьяна Михайловна

К.псих.н., доцент, БУ «Сургутский государственный педагогический университет»

bost.vi@mail.ru

Аннотация: В статье представлено исследование взаимосвязи психологической безопасности образовательной среды и негативных коммуникативных установок. В результате исследования отслеживалась динамика в направлении от исходных уровней проявления психологической безопасности образовательной среды испытуемых и негативных коммуникативных установок педагогов. Осуществлён анализ эмпирических проявлений динамики участников исследования. Результаты исследования позволяют выделить направления разработки и реализации развивающей программы по устранению негативных коммуникативных установок у учителей общеобразовательной школы, обеспечивая психологически безопасную образовательную среду.

Ключевые слова: образовательная среда, психологическая безопасность, коммуникативная ситуация, негативная коммуникативная установка.

Реальная педагогическая практика показывает, что довольно четко прослеживается факт потери интереса к собственной профессии, к ученику как к личности, неприятие его таким, какой он есть, упрощение эмоциональной стороны профессионального общения. Тем самым возникает риск развития у учителей негативных коммуникативных установок. Многие педагоги замечают у себя наличие психических состояний, дестабилизирующих профессиональную деятельность, такие как: уныние, тревожность, подавленность, разочарование, хроническая усталость и др., но не придают этому большого значения [5, с. 113].

В связи с нестандартностью психолого-педагогических ситуаций, сложности и ответственности профессионального труда, у многих учителей увеличивается риск развития различных негативных коммуникативных установок, которая влияет на психологическую безопасность образовательной среды.

Под образовательной средой, по мнению В.И. Панова понимается определенная система условий, реализую-

щая в своём начале практические технологии и миссии данного образовательного учреждения [7, с. 97].

По мнению И.А. Бaeвой психологическая безопасность в школьной среде представляет собой обусловленную жизненную успешность и гарантию благополучия ребенка, в котором учителя и родители делают, есть акцент на формирование положительной и успешной личности в образовательной среде [1, с. 104].

Понятие коммуникативной удачи и неудачи применяется ко всей коммуникативной ситуации, тем самым изменение коммуникативной удачи и неудачи в образовательной среде ведет к модификации коммуникативной ситуации и тем самым к варьированию средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом [4, с. 113].

Необходимо отметить, что обращение к школьной коммуникации, и в частности к такому аспекту, как ответ на вопрос учителя, показывает, несоответствие ожидаемых результатов одного из участников коммуникации,

например, учителя, оборачивается для другого, т.е. ученика коммуникативной неудачей, который имеет соответствующее оценочное выражение [3, с. 6].

Таким образом, важнейшей психолого-педагогической задачей образования является создание такой образовательной среды, которая отвечала бы всем требованиям для создания комфортной и безопасной среды для обучающихся, родителей и преподавателей в аспекте сохранения и преумножения физического и психического здоровья [2, с. 67].

Для проведения исследования мы использовали методику «Психологическая диагностика образовательной среды» по И.А. Баевой [6, с. 118], методику «Диагностика коммуникативной установки» по В.В. Бойко [8]. Эмпирическое исследование проводилось на базе средней общеобразовательной школы г. Сургута Тюменской области. В исследовании приняли участие – 88 учителей средней общеобразовательной школы.

Представим результаты исследования по методике «Психологическая диагностика образовательной среды» И.А. Баевой. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1
Выраженность компонентов отношения учителей к образовательной среде школы

Компоненты отношения к образовательной среде	Учителя начальных классов (%)	Учителя среднего звена (%)
Эмоциональный	40,3	40,5
Когнитивный	87,7	87,8
Поведенческий	50,2	53,1
Когнитивно-эмоциональный	66,5	71,7
Эмоционально-поведенческий	35,7	38,5
Все три компонента	56,0	58,3

Анализ полученных данных показал, что в большей степени в образовательной среде преобладает когнитивный компонент у учителей начальных классов (87,7) и учителей среднего звена (87,8). Данный результат свидетельствует о том, что когнитивный или рациональный компонент в образовательной среде подразумевает наличием у педагогов осведомленности об образовательной среде, знаний и её роли в обществе. Самые низкие показатели отношения к образовательной среде выявлены в эмоционально-поведенческом компоненте, у учителей начальных классов (35,7), у учителей средних классов (38,5). Данный результат связан с тем, у учителей данной категории слабо развито умение управлять своим поведением и других участников образовательного процесса, также слабо развиты эмоционально-волевые качества, которые имеют место в проявлении отрица-

тельных эмоций по отношению к учебному процессу и образовательной среде в целом.

Представим результаты исследования по методике «Диагностика коммуникативной установки» В.В. Бойко. Общий уровень не должен превышать 33 процентов, иначе можно говорить о наличии выраженной негативной коммуникативной установки у учителей. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2
Выраженность компонентов негативной коммуникативной установки учителей

Компоненты негативной коммуникативной установки	Учителя начальных классов (%)	Учителя среднего звена (%)
Завуалированная жестокость	49,7	54,9
Открытая жестокость	57,5	31,6
Обоснованный негативизм	49,3	32,4
Брюзжание	32,2	45,1
Негативный опыт общения	32,4	39,0
Общий уровень негативной коммуникативной установки	44,2	40,6

Анализ полученных данных показал, что в общий уровень негативной коммуникативной установки у всех учителей проявился на среднем уровне. Результат свидетельствует о том, что негативная коммуникативная установка учителей может повлиять на неблагоприятное самочувствие учеников, на проявление открытой жесткости со стороны учеников так и со стороны учителей, не толерантность в коммуникативной сфере и завуалированная жесткость со стороны учителей.

Подводя итог, можем отметить, что насыщение образовательной среды мероприятиями, которые могут вызывать у учащихся подлинные положительные эмоции – задача администрации учебных заведений, а доведение до нее этой задачи – является частью работы психологической службы.

Анализ взаимосвязи компонентов негативной коммуникативной установки и психологических характеристик школьной образовательной среды учителей начальных классов показал следующие связи: показатель «открытая жестокость» имеет одну обратную взаимосвязь с показателем «эмоционально-поведенческий компонент отношения к образовательной среде» ($r = -0,22319$; $p < 0,05$). Данный показатель свидетельствует о том, что чем сильнее учителя начальных классов проявляют открытую жесткость по отношению к окружающим, не скрывая свои негативные оценки, тем слабее у них развито умение управлять своим поведением и других участников образовательного процесса, также слабо развиты эмоционально-волевые качества, которые име-

ют место в проявлении отрицательных эмоций в отношении школы, учебного процесса и образовательной среды в целом.

Анализ взаимосвязи компонентов негативной коммуникативной установки и психологических характеристик школьной образовательной среды учителей средних классов показал следующие связи: показатель «негативный опыт общения» имеет одну обратную взаимосвязь с показателем «когнитивный компонент отношения к образовательной среде» ($r=-0,21989$; $p<0,05$). Данный показатель свидетельствует о том, что чем сильнее учителя средних классов проявляют недоверие по отношению к профессиональному и коммуникативному опыту своих коллег, близкого круга общения при взаимодействии в профессиональном плане, тем хуже учителя данной категории осведомлены об образовательной среде, знаниях и её роли в обществе.

Таким образом, анализ взаимосвязи компонентов негативной коммуникативной установки и психологических характеристик школьной образовательной среды показал, что большинство учителей всех категорий в коллективе испытывают психологический дискомфорт в образовательном процессе; утрату доверия к себе и к коллективу; неудовлетворенность образовательной средой, связанный с эмоциональным и физическим напряжением; недостаточное взаимопонимание, доверие

и доброжелательное отношение. Также негативные показатели связаны с тем, что у учителей не всегда имеется возможность обратиться за помощью, что предполагает недостаточное уважительное отношение к образовательной среде.

Обобщая результаты исследования, необходимо отметить, что важнейшей задачей для педагогической системы является, с одной стороны, насыщение образовательной среды мероприятиями, которые обеспечивают для учащихся переживание подлинных положительных эмоций, а с другой стороны, проведение тренингов, и мероприятий психолого-педагогической коррекции, которые приведут к снижению доли отрицательных эмоций.

Таким образом, при реализации программы психологического сопровождения учителей по профилактике негативных коммуникативных установок и улучшению компонентов отношения к образовательной среде будет способствовать снижению таких показателей, как: «когнитивно-эмоциональный» компонент отношения к образовательной среде, «завуалированная жестокость», «открытая жестокость». Намеченные направления работы могут лечь в основу специальных практико-ориентированных курсов, которые дадут возможность учителям развить профессионально значимые качества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баева И.А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении / И.А. Баева. – СПб. : Речь, Серия: Современный учебник, 2006. – С. 104.
2. Березина Т.Н. Формирование эмоциональной безопасности образовательной среды (психолого-педагогические аспекты) // Современное образование. – 2015. – № 1. – С. 67.
3. Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Наука, 1989. Вып. 24. — С. 6.
4. Гусева Е.Н. Коммуникативные неудачи в системе «учитель-ученик» // Вестник РМАТ. — 2013. — № 4. — С. 113.
5. Михайлова В.П. Проблема эмоционального «выгорания» и свойства личности / В.П. Михайлова, Т.И. Кувшинова, Н.И. Корытченкова // Проблемы исследования синдрома «выгорания» и пути его коррекции у специалистов «помогающих» профессий: Сб. науч. ст. – Курск : КГУ, 2007. – С. 113.
6. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении / Под ред. И.А. Баевой. – СПб.: Речь, 2006. – 288 с. – С. 118.
7. Панов В.И. Психодидактика образовательных систем: теория и практика / В.И. Панов. – СПб. : Питер, 2007. – С. 97.
8. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие. – Самара: Бахрат, 1998. – 672 с.

© Пестов Александр Валерьевич (alexq8@mail.ru), Бостанджиева Татьяна Михайловна (bost.vi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОЕ СТРЕССОВОЕ РАССТРОЙСТВО: СИМПТОМЫ, ПРИЧИНЫ, ПРЕДИКТЫ УЯЗВИМОСТИ

Судилова Ирина Анатольевна

*аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва
7720632@mail.ru*

POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER: SYMPTOMS, CAUSES, VULNERABILITY PREDICT

I. Sudilovskaya

Summary: Despite the relatively prevalence of post-traumatic stress disorder, diagnostic criteria are still the subject of scientific discussion and disputes are intensively studied and clarified. This article is dedicated to some problems of diagnosis post-traumatic stress disorder contains a description of the symptoms, risk factors and individual predicts of vulnerability: gender, age, profession, and it affects some aspects that aggravate the course of post-traumatic stress disorder.

The problems of people diagnosed with post-traumatic stress disorder, are considered, and compared with people who simply have experienced psychological trauma but do not have signs of post-traumatic stress disorder, they are in a worse position in terms of quality of life and, therefore, this disorder is not only medical. There is an urgent need for a whole range of measures to support and restore the functional, professional and social adaptation of such people.

Keywords: traumatic event, psychological trauma, post-traumatic stress disorder, vulnerability predicts, adaptation, age features, stress, lifestyle.

Аннотация: Несмотря на довольно широкую распространенность посттравматического стрессового расстройства, диагностические критерии все еще остаются предметом научных дискуссий и споров, интенсивно изучаются и уточняются. Статья посвящается некоторым проблемам диагностики посттравматического расстройства, содержит описание симптомов и отдельных предиктов уязвимости: пол, возраст профессия, а также затрагивает некоторые аспекты, отягощающие течение ПТСР. Рассмотрены проблемы людей с диагнозом ПТСР, которые в сравнении с людьми, пережившими психологическую травму, но не имеющие признаки ПТСР, находятся в худшем положении по качеству жизни, что выводит это расстройство из области исключительно медицинского подхода. Есть острая необходимость в целом комплексе мер по поддержке и восстановлению функциональной, профессиональной и социальной адаптации таких людей.

Ключевые слова: травматическое событие, психологическая травма, посттравматическое стрессовое расстройство, предикты уязвимости, адаптация, возрастные особенности, стресс, образ жизни.

Первый исторический этап изучения ПТСР, давший науке основной массив материала по специфике и содержанию посттравматического стрессового расстройства (далее ПТСР) связан с изучением последствий войн и боевых действий. ПТСР возникает в результате воздействия на человека травматических событий, связанных с переживанием чувства страха и беспомощности. В DSM-III (Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders) дано определение ПТСР и принят классификационный стандарт. А в соответствии со стандартом DSM-V можно применить обновленные критерии ПТСР в диагностическом процессе анализа случая. DSM-V - второй международный справочник, наряду с МКБ (ICD) (международный справочник болезней), принятый в Европе, по классификационным стандартам которого, в наше время, диагностируются все психические болезни.

ПТСР - термин малой психиатрии, но у этого расстройства существует доклиническая форма, и в классификации есть четкие указания на то, что заболевание ПТСР приводит к серьезным нарушениям социального функционирования, и, как следствие этого, к значительному снижению показателей качества жизни. Это объясняет интерес к этому расстройству не только психиатров, но

и психологов. Интенсивность стрессогенных событий в жизни современного человека подразумевает рост количества причин, которые могут вызвать стресс. И, как следствие, все больше людей в обществе с деструктивными последствиями травматического опыта могут обращаться в первую очередь к психологу по поводу снижения различных показателей личного благополучия.

Факторы риска, называемые предиктами (предшественниками) и влияющими на предрасположенность человека к развитию ПТСР, можно классифицировать следующим образом:

- личностные;
- психологические;
- социальные;
- биологические;
- гендерные;
- возрастные факторы;
- наличие психической травмы в опыте;
- условия воздействия травмы;
- характеристики первичной реакции на психогенное событие.

Стоит особо выделить несколько наиболее значимых

предиктов.

К ним, в первую очередь, относятся: характер стрессора, его содержание, длительность, тяжесть, внезапность травматического события. Сами психические реакции, возникающие в ответ на тяжелый стрессор до сегодняшнего дня, не получили должного внимания, что сильно обусловлено отсутствием единой теории стресса. Добавление травматического события, в качестве ведущего критерия при ПТСР, расширяет спектр психологических травм, из-за воздействия которых может начаться данное заболевание.

К настоящему времени, уже бесспорно доказано наличие психогенного воздействия не только в условиях прямой угрозы жизни человека, но и в связи с ожиданием предполагаемой травмы, а также от лично значимых последствий «невидимых стрессоров», в которых угрожающее событие исходит не из внешней среды, а вызвано чисто психическими причинами [3].

Сегодня любое из нижеперечисленных событий «обыденной жизни», но выходящее за рамки обычного опыта: смерть близкого, утрата значимых отношений, заболевания с витальной угрозой жизни, физические повреждения с потерей трудоспособности, ДТП, физическое и сексуальное насилие, хроническое нервное перенапряжение, связанное со страхом, униженностью, переживанием чувства сильной беспомощности, сопереживанием при наблюдении страдания близких или окружающих людей и т.д., и вызывающие крайнее перенапряжение всей эмоциональной и волевой сферы, может стать причиной развития ПТСР.

Наиболее изучены причинные факторы развития ПТСР у участников боевых действий, широко известные в литературе, как феномен «военный невроз», «вьетнамский» или «афганский синдром», в которых проблематика адаптации к мирной жизни достаточно раскрыта. А наиболее частой причиной развития ПТСР в мирное время (31% населения), в силу своей распространенности признаны события, связанные с переживаниями смерти, что составляет порядка 60 % от общего числа событий [1]. Воздействие этого стрессора проявляется спустя месяцы и годы в виде пролонгированной, болезненной реакции горя, с потерей трудоспособности и изменением привычного образа жизни при этом осложняясь симптомами переживания утраты.

Наиболее травмирующими психику являются события, связанные со смертью близких, тяжелые заболевания близких, сексуальное насилие во взрослом возрасте. Для событий, связанных с природными катастрофами, пожарами, транспортными авариями последствия определяются тяжестью и величиной личного ущерба. При этом наблюдается «синдром выживших», вызывающим,

часто надуманное, чувство вины в гибели близких или посторонних людей. Большое значение здесь имеет степень вовлеченности человека в ситуацию, либо в качестве свидетеля, активного участника или пострадавшего.

Фактор наличия предшествующей травмы - еще один существенный предикт возможного развития ПТСР. Так, в ряде работ особенно выделяют присутствие в истории человека похожей травмы или наличие ранних травм. Во многих случаях посттравматическая реакция может быть вызвана единичным тяжелым стрессором, но чаще отмечается сочетание воздействия хронического или одновременное действие разных стрессоров, соединяющих череду нескольких неблагоприятных для личности событий в течении периода жизни. Ситуация может быть усложнена тем, что само событие, идентифицируемое при ПТСР, может иметь косвенной причиной более раннюю травму, которая субъектом не идентифицируется, как травматическое событие. Так, например, можно предположить более острую форму дезадаптации и последующую возможность развития ПТСР при различных стихийных и социальных бедствиях у людей, имеющих след травмы раннего детства [9].

Во многих источниках есть указание на уровень острого стрессового расстройства (ОСР), как значимого предикта ПТСР. В настоящее время ОСР также выделено в отдельную группу расстройств, вызванных влиянием стрессора. В период от 2 недель до месяца после травмы, симптомы ОСР и ПТСР: непроизвольное повторное проживание травмы, избегающее поведение, повышенная возбудимость и нарушение обычного функционирования будут ничем не отличаться, кроме наличия диссоциативных симптомов. По разным источникам, количество развития ПТСР в отдаленном периоде у военных, перенесших ОСР составляет 47% [7]. Важно отметить, что устойчивость наличия 3 или более симптомов в течении 3 недель и ОСР является наиболее значимым предиктом развития ПТСР спустя 6 месяцев после травмы [9].

Диссоциация - существенный фактор, определяющий возможности посттравматической адаптации. Известно, что в ситуациях тяжелых травм, с неоднократно повторяющимися эпизодами физического насилия, пыток, могут появиться диссоциативные симптомы. Отмечается, что перитравматическая диссоциация является лучшим предиктом ПТСР через 6 месяцев после травмы и объясняет 30% симптомов ПТСР [9]. К основным характеристикам диссоциативных состояний относятся изменение мышления, с преобладанием архаичных форм, изменение восприятия времени, реакции типа флеш-бэка, феномены «негативного прошлого» и «фаталистического настоящего», утрата контроля над поведением, изменения в эмоциональной регуляции, регресс, нарушения связности протекания психических процессов, деструктивные изменения сознания, идентичности.

Индивидуально-личностные особенности человека: убеждения, характер, устойчивые паттерны поведения, акцентуации так же значительно определяют ход дальнейшей адаптации человека. Предрасположенность к самим психическим расстройствам зависит от типа личности. Так есть данные о том, что наиболее благоприятные реакции на стресс демонстрируют неустойчивые конформные, гипертимные личности, но в отдаленном периоде именно у них чаще всего развивалось ПТСР [4]. У мирных жителей, проживающих в зоне военных конфликтов были отмечены эмотивная дистимная, возбудимая и застревающая акцентуация [1]. А Субъективные критерии оценки психического состояния в отличие от экспертных оказались более информативными для прогнозирования отдаленных последствий боевой психической травмы [4]. Предикторами затяжной формы ПТСР часто выделяют: высокую личностную тревожность, депрессивные тенденции, вытеснение факторов, вызывающих тревогу.

В пятом пересмотре DSM, ПТСР было отнесено к расстройствам, непосредственно относящимся к влиянию травмы, были учтены генетические предпосылки ПТСР, опосредованное влияние вследствие травмы родных и близких, а также профессиональная деятельность, потенциально связанная со стрессом. Добавлены еще 3 критерия к существующим 17, 8 из них были существенно изменены, а кластер уклоняющегося поведения разделен на 2 отдельных: избегание и негативные изменения когнитивных функций и настроения. Так суммируя, не перечисленные ранее симптомы ПТСР, можно выделить следующее: спустя три недели и более после события, расстройство проявляется в виде навязчивости 3 или более симптомов и затрагивают когнитивные функции и изменения настроения, области поведения, эмоциональную, телесную саморегуляцию. В ситуациях, напоминающих эпизоды травмирующего события, могут присутствовать физиологические реакции интенсивного и пролонгированного дистресса, повторяющиеся сны тревожного характера, непроизвольные навязчивые воспоминания о событии. Повышенная возбудимость, безрассудное поведение, настороженность, расстройства сна и памяти также входят в симптоматику заболевания. Важным показателем является также наличие характерного, постоянного и преувеличенного отрицательного убеждения по отношению к себе и другим, например, «чувство утраты перспективы в будущем» (склонность не рассчитывать на карьеру, брак, возможность иметь детей или нормальную продолжительность жизни) было изменено на «постоянные и преувеличенные негативные убеждения или ожидания от себя, других или окружающего мира (например, «я плохой», «никому нельзя доверять», «мир полностью опасный», «вся моя нервная система полностью разрушена»); наличие устойчивого негативного состояния страха, ужаса, гнева, вины или стыда. Классический симптом эмоционального онемения

– «ограниченный диапазон доступных для переживания эмоций» (например, невозможность испытывать чувство влюбленности, любви) был изменен на «стойкая неспособность испытывать положительные эмоции» (например, неспособность испытывать счастье, удовольствие или любящие чувства).[10]. Были добавлены такие симптомы, как приписывание вины (себе или другим). Симптомы ПТСР могут проявляться в форме многих нарушений самой психической активности, таких как паранойдные идеи, слуховые псевдогаллюцинации и другие расстройства психической саморегуляции. Среди телесных симптомов часто присутствуют соматические нарушения. Многие авторы находят, что типичная картина ПТСР крайне редко встречается при хроническом течении расстройства. По этой причине хронический ПТСР часто не диагностируется, поскольку невылеченный острый посттравматический синдром развивается со временем и может проявляться совсем другими патологическими признаками, дающие возможность ставить различные диагнозы.

ПТСР вызывает нарушение в социальной и профессиональной сфере, при этом людям свойственно отсутствие какой-либо стратегии совладания, есть сложности в планировании жизни. Затруднения в поддержании межличностных связей и нарушения в сфере привязанностей сильно осложняет социальную адаптацию.

Категории некоторых профессий, представители которых вынужденные в силу характера деятельности каждый день сталкиваться с различными стрессогенными ситуациями, оказываются в особой группе риска: медицинские работники, пожарники, спасатели, военные, работники правоохранительных органов. В качестве примера, можно привести данные статистики одного из исследований: на 100 исследуемых работников полиции у 54% был выявлен средний, у 45% повышенный и у 1% процента высокий уровень показателей ПТСР. У сотрудников ОВД длительная (15 и более лет) профессиональная деятельность в мирное время вызывает психические изменения сходные с теми что которые происходят под влиянием кратковременной (4-5) месяцев боевой деятельности при этом кратковременное влияние боевых стресс-факторов носит менее негативный характер, чем продолжительная деятельность в мирное время [5]. Часто и при наличии феномена профессионального выгорания и ПТСР симптоматика похожа: появление тревоги, нарушение сна, вегетативные реакции, неудовлетворенность собой, чувство безысходности, что требует дополнительного дифференцирования состояний [3]. Таким образом профессиональные стрессоры, с одной стороны, являются пусковым условием адаптации специалистов к экстремальным условиям деятельности, а с другой - ситуационно-психогенные и личностные факторы являются предиктами психической дезадаптации, в том числе развития ПТСР. Личностные особенности

существенно влияют на когнитивную оценку ситуации, как привычно профессиональную, стрессовую или психотравмирующую, во многом определяют тип эмоционально поведенческого стрессового реагирования и результативность адаптационных процессов, как в период ЧС, так и в разные различные сроки реадaptации к обычной жизни. Последствия экстремальной деятельности экстремального профиля не ограничиваются развитием ОСР или ПТСР, они гораздо шире, включая большое число разнообразных адаптационных (донозологических) форм и требуют дальнейших комплексных и междисциплинарных мер [5].

В последнее время все больше исследований посвящено травмам, связанным с домашним насилием. Полученные данные отчетливо показали, что максимально чувствительными к развитию ПТСР являются старики, женщины и дети. А возраст является одним из наиболее значимых личных предикторов уязвимости для ПТСР. Попадание в травматическую ситуацию ведёт к разрушению внутренних убеждений ребёнка о доброжелательности, справедливости окружающего мира и о ценности и значимости собственного «я», что переживается ребёнком значительно тяжелее, чем взрослым [7].

При обзоре работ по ПТСР можно найти множество данных, указывающих на разницу и в гендерной предрасположенности. ПТСР чаще развивается у мужчин в ответ на боевую травму, несчастные случаи, драки, физическое насилие, угрозу жизни, связанную с применением оружия, пожаров, других природных катаклизмов, плохого обращения в детстве, у женщин чаще встречаются исследования, где описывают развитие расстройства, связанного с сексуальным и физическим насилием. Согласно выводам многих исследований устойчивости мужчин к воздействию стрессоров в отдаленном периоде выше, но с проявлением тенденции к более тяжелым его проявлениям. У женщин риск развития ПТСР выше, но менее выражена интенсивность клинических и психологических проявлений расстройства, с преобладанием признаков соматизации при выходе из фрустрации [6].

Нельзя не упомянуть и социальные факторы в период отдалённых последствий травмы. Наличие и качество ближайшего окружения непосредственно после травмы, присутствие профессиональной помощи и поддержки также оказывает существенное влияние на протекание адаптационного периода. Также, процесс переживания последствий травмы может сопровождаться исключением индивида из привычных социальных групп. Значительное сужение социальных и, как следствие этого, большей вероятности развития такого негативного социального феномена, как потеря социальной и индивидуальной идентичности вносит дополнительные сложности.

Итак, обзор исследований людей с диагнозом ПТСР, в сравнении с людьми, пережившими травму, но без признаков ПТСР, свидетельствует об значительном ухудшении качества жизни людей в целом и выводит данное расстройство из области исключительно медицинского подхода, определяя необходимость в целом комплекс мер помощи по восстановлению функциональной, профессиональной и социальной адаптации, поддержании интереса к дальнейшему изучению отношения между ПТСР и общим функционированием и качеством жизни (К.Ж.) пациентов.

В последнее время появилось много работ, в которых была предпринята попытка систематизировать и дифференцировать клинические признаки хронического ПТСР. В тоже время, ряд аспектов остаются пока дискуссионными. В настоящее время врачи и исследователи, работающие с ПТСР, сталкиваются с проблемами перехода от DSM-IV-TR к DSM-5, так как отсутствует систематизированное сравнение последних опубликованных критериев ПТСР с предыдущим определением; также рекомендованные новые версии скрининговых шкал (PLC-5, CAPS-5 – Clinical-administered PTSD Scale) прошли исключительно предварительную валидизацию, остается до конца неизвестным, как повлияет их применение на изменение уровня распространенности ПТСР среди населения. Неизвестно, улучшит ли использование новых критериев клиническую эффективность, и сколько людей, которые отвечали критериям ПТСР, в соответствии с предыдущим определением будут отвечать новым критериям. [10] Многовариативность сочетаний из 17 симптомов ПТСР, неспецифичность многих единичных проявлений, сложности разграничения на нормальной и аномальную реакции на стресс и часто зависимость реакции от культуральных особенностей человека, значительно затрудняют выявление ПТСР на ранних этапах и размывает картину заболевания при хронической форме.

Сегодня, с появлением исследований, в которых прослеживается связь ПТСР с расстройством пищевого поведения, трудностями социализации, наркотической и алкогольной зависимостями, указывает на значительное отягощение протекания ПТСР. На отдаленных этапах воздействия травмы адаптация человека может также быть сильно осложнена возрастом, полом, жизненным опытом, психическими расстройствами в прошлом, соматическими нарушениями, наличием позитивных и негативных поведенческих комплексов, качеством работы самого человека по согласованию различных эмоций, представлений, информации, интеграции опыта, тем самым существенно определяя качество и содержание форм и агентов психологической помощи. Дальнейшее изучение факторов риска могут служить базой для разработки программы раннего вмешательства и предотвращения развития или обострения проблем, напри-

мер, связанных с приемом алкоголя или психоактивных веществ, поскольку психические расстройства, связанные с их употреблением, приводят к возникновению аутодеструктивного поведения и повышают суицидальный риск. Современные исследования показывают, что пациенты с ПТСР имеют более низкий уровень образования и больше сопутствующих психических расстройств, демонстрируют значительно более высокий уровень снижения К.Ж. в целом, а также отдельно по пунктам: общее состояние здоровья, физическое, психологическое благополучие, социальные отношения. [10]

Анализ научной литературы и эмпирических данных, полученных в результате исследований ПТСР, также позволяет предположить, что люди, которые входят в категорию максимального риска развития ПРСТ в отдаленном периоде травмы - те, кто испытывал некоторые симптомы ПТСР после травматического события, но они оказались недостаточными для постановки диагноза ПТСР. И с большей вероятностью свидетельствует об осложнении или ухудшении существующих симптомов, или их повторении, возможно, принявшим хроническую форму течения. Последствия нераспознанного ПТСР, тяжесть и деструктивность этого отдаленного последствия травмы на самого человека и его окружение являются

одним из важнейших факторов в определении качества жизни и требуют современных, дифференцированных подходов. Страдания, связанные с данным расстройством выходят за рамки признаков и симптомов психиатрических заболеваний, затрагивая обширные области функциональной, профессиональной и социальной адаптации индивида.

Целенаправленное изучение ПТСР, выявление его клинических особенностей, закономерностей и динамики психологической, социальной феноменологии, позволит получить более полное представление о ПТСР, что значительно продвинет возможность оказания более комплексного и качественного объема психологической помощи людям, страдающим данной психической патологией. Проблема дополнения ранее созданных и разработка новой программы помощи, включающую не только клиническую форму лечения, но и целый комплекс научно обоснованных и взаимообусловленных психологических мер, направленных на социально – психологическую, личностную адаптацию пострадавшего человека, сохраняет до сегодняшнего дня высокую социально-экономическую значимость, актуальность и большую востребованность среди специалистов помогающих профессий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедова Х.Б. Мирные жители в условиях военных действий: личностные черты и расстройства адаптации. // Психол. ж. 2003. Т. 24, № 3. С. 37-44.
2. Волошин В.М. Типология посттравматического стрессового расстройства // Журн. невропатол. и психиатр. 2001. № 1. С. 17-23.
3. Глушенко О.П., Петрова Н.В. Эмоциональное выгорание, как детерминанта посттравматического стрессового расстройства. Вестник Краснодарского университета МВД России, №3. 2016. С.33.
4. Епутаев Е.Ю., Иконникова М.Е. Взаимосвязь формально-динамических свойств индивидуальности с выраженностью признаков посттравматического стрессового расстройства // Психология: современные направления междисциплинарных исследований. Материалы конференции / Под ред. А. Журавлева и Н. Тарабриной. М.: ИП РАН, 2003. С. 220-236.
5. Ичитовкина Е.Г. Психическое здоровье комбатантов Министерства внутренних дел в экстремальных условиях оперативно-служебной деятельности : автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Архангельск, 2016. 41
6. Курицина А.А., Бундало Н.Л. Гендерные особенности проявлений агрессивности и враждебности при посттравматическом стрессовом расстройстве// Сиб. Медицин. обозр, 2007. №1. С.33.
7. Обознов А.А. Психологические механизмы формирования профессиональной пригодности и надежности человека в социотехнических системах // Психол. журн. Т. 28, № 5. С. 15-21.
8. Посттравматическое стрессовое расстройство/под ред. Солдаткина. А.В. -Ростов н/Д: Изд-во Рост РГМ, 2015. С.39-41.
9. Эффективная терапия посттравматического стрессового расстройства / Под ред. Фoa Э. и др. М.: Когито-Центр, 2005. 467 с. 9.
10. Франкова И.А. Современные тенденции диагностики и лечения посттравматического расстройства. Психиатрия и фармакология. 2016. № 1.

© Судилова Ирина Анатольевна (7720632@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ К ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ КАРЬЕРНОГО ТИПА

FEATURES OF PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF STUDENTS TO THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A CAREER TYPE

N. Tkachenko

Summary: The data presented in the article expands theoretical ideas about the features of adaptation of students to the career environment of higher professional education, clarify ideas about the academic and socio-psychological resources of adaptation to the educational environment. The article shows that the adaptation of students to the educational environment of a higher educational institution includes a whole range of self-changes and the development of new personal qualities. It was revealed that adaptation to the career environment of dependent activity is not productive for the further development of the professional, determining the development of dependence and infantilism. In the process of an individual's adaptation to this educational environment, a transformation occurs both in the cognitive and socio-psychological sphere of the personality. The peculiarity of students' adaptation to the career environment of active dependence is its higher and harmonious nature, but at the same time the educational environment itself is outdated and not able to sufficiently satisfy the needs of students.

Keywords: educational environment, career environment, activity, passivity, freedom, dependence, academic and socio-psychological adaptation.

Обучение в системе высшего профессионального образования это период личностных приобретений, осознание собственной идентичности, формирования ценностных и мировоззренческих ориентаций. В это время личность достигает высоких результатов как в профессиональном плане, так и в плане психологическом. Подготовка высококвалифицированного специалиста с одной стороны способствует выстраиванию перспективных линий саморазвития, а с другой сталкивает личность с целым рядом препятствий и трудностей (медико-социальных (увеличенная нагрузка), социальных (адаптация в студенческом коллективе), восприятие информации и т.п.). В глобальных масштабах хочется также отметить, что в современных условиях России, новые ориентации и парадигмы высшего профессионального образования, предъявляют к выпускникам повышенные требования к умению работать в быстро и резко изменяющихся условиях. Все вышесказанное выдвигает на первый план вопросы развития у обучающихся способ-

Ткаченко Наталия Николаевна
заместитель директора колледжа физической культуры,
Воронежский государственный
институт физической культуры
natali.tkachenko.1968@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются результаты исследования социально-психологической адаптации к особенностям карьерной образовательной среды. Представлен теоретический анализ представлений об особенностях адаптации студентов к карьерной среде высшего профессионального образования, уточняют представления об академическом и социально-психологическом ресурсе адаптации к образовательной среде. В статье показано, что адаптация студентов к образовательной среде высшего учебного заведения включает в себя целый спектр личностных самоизменений обучающихся и выработку у них новых личностных качеств. Выявлено, что адаптация к карьерной среде зависимой активности не является продуктивной для дальнейшего развития профессионала, детерминируя развитие зависимости и инфантилизма. В процессе адаптации личности к данной образовательной среде происходит трансформация как когнитивной, так и социально-психологической сферы личности. Особенностью адаптации студентов к карьерной среде активной зависимости является ее более высокий и гармоничный характер, а также неспособность в достаточной степени удовлетворить потребности студентов. Результаты представленные в статье носят практико-ориентированный характер, так как могут использоваться в работе педагогов, кураторов и служб психолого-педагогического сопровождения студентов для решения и предупреждения проблем адаптации студентов в разных типах образовательных сред.

Ключевые слова: образовательная среда, карьерная среда, активность, пассивность, свобода, зависимость, академическая и социально-психологическая адаптация.

ности к адаптации, как одного из ведущих качеств личности. Как показал проведенный нами теоретический анализ психолого-педагогической литературы, по сей день наблюдается отсутствие единой теории которая бы раскрыла сущность адаптационного процесса в общем, и адаптации к образовательной среде высшего учебного заведения, в частности. Очевидно одно, успешная, эффективная, оптимальная адаптация студентов к образовательной среде выступает гарантом дальнейшего развития каждого обучающегося как человека, гражданина, будущего специалиста.

Адаптация к образовательной среде высшего учебного заведения рассматривается нами как многоуровневый социально-психофизиологический процесс, заключающийся в формировании и приспособлении определенных свойств личности (включая профессионально важные качества) к комплексной системе педагогических, психологических и организационных условий и воздей-

ствий, обеспечивающих когнитивное, эмоциональное, коммуникативное и, в целом, субъектно-личностное развитие студентов на основе их природных и возрастных особенностей с учетом целей общества и характера развития многоэтапной и многокомпонентной системы высшего образования.

Актуальность изучения проблемы адаптации студентов к разным типам образовательных сред продиктована противоречиями:

- между востребованностью в современном российском обществе высококвалифицированных специалистов с высоким уровнем готовности к дальнейшей профессиональной деятельности, и отсутствием научных данных об особенностях адаптации студентов к разнообразным образовательным средам осуществляющим профессиональную подготовку будущих специалистов;
- между необходимостью в адаптации студентов к образовательному учреждению и недостаточной теоретической и методической разработанностью в педагогической практике данной проблемы в области высшего профессионального образования.

Цель данного исследования - выявить особенности адаптации студентов к карьерной образовательной среде разного типа.

Для решения поставленных задач и проверки выдвинутых гипотез были использованы следующие методы исследования: теоретико-методологический анализ литературных источников по теме, психодиагностические

методы: моделирование, экспертиза [1], опрос, психологические тесты-опросники, корреляционный анализ.

В исследовании принимали участие студенты, обучающиеся в классическом и техническом высшем учебном заведении. Общее количество опрошенных составило 283 студента.

Результаты моделирования и экспертизы исследуемых образовательных сред ранее подробно нами описаны [2], в данной работе считаем возможным сразу перейти к рассмотрению особенностей психологической адаптации студентов к карьерной образовательной среде. Начнем с карьерной среды зависимой активности (табл.1).

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что студенты недостаточно используют социально-психологические и академические резервы в целях адаптации к образовательной среде. Более развитой является система адаптации студентов к деятельности направленной на изменение образовательной среды. Учитывая, что в данной группе нами обнаружен самый невысокий уровень эмоционального отношения к образовательному учреждению можно предположить, что студенты с помощью личностных качеств (стремления к лидерству, локус-контроля, организованности) стремятся внести изменения и усовершенствовать образовательный процесс. Скорее всего, это свидетельствует не столько об активности студентов, сколько о дискомфортных условиях созданных в образовательной среде и стремлении их разрушить [1].

Таблица №1

Адаптация студентов к карьерной среде зависимой активности

Показатели	Отношение к образовательной среде					Сис.коор.	
	Эмоц.	Позн.	Практ.	Поступ.	Инт.отн.	Своб.-зав.	Акт.- пас.
Потребностно-мотивационная сфера	0,07	0,21	0,15	-0,06	0,16	-0,23	0,12
Эмоциональная сфера	0,14	0,04	0,15	0,18	0,22	0,10	-0,03
Когнитивная сфера	-0,18	0,21	0,27	0,11	0,23	-0,11	0,13
Социально-психологическая сфера	0,08	0,05	0,03	0,06	0,08	0,01	0,16
Организационные составляющие	0,25	-0,02	-0,03	-0,01	0,05	0,11	0,02
Адаптация	-0,14	0,09	0,18	0,00	0,09	-0,20	0,18
Самопринятие	0,00	-0,06	0,09	-0,05	0,01	-0,26	0,16
Принятие других	0,03	0,06	0,09	0,02	0,09	-0,13	0,17
Экстернальность	-0,16	0,09	0,18	0,08	0,13	-0,30	0,11
Интернальность	-0,17	0,24	0,27	0,11	0,24	-0,12	0,17
Стремление доминировать	-0,20	0,02	0,21	-0,01	0,06	-0,06	-0,02
Любознательность	-0,04	0,01	0,02	-0,14	-0,06	-0,13	-0,01
Организованность	-0,27	0,14	0,30	0,01	0,15	0,05	0,01
Активность	0,07	0,16	0,06	-0,08	0,08	-0,26	0,05
%	12%	14%	42%	7%	21%	35%	21%

Интересные данные мы получили по вектору «свобода-зависимость». Так когнитивная сфера студентов, уровень их самопринятия и принятия других взаимосвязаны с адаптацией к зависимости образовательной среды. С одной стороны, сформированные академические и социально-психологические резервы действительно выступают основой адаптации к образовательной среде, но с другой необходимо помнить, что любая зависимость — это ограничение степеней свободы, а стержнем зависимой личности является инфантилизм [3].

Опираясь на идеи И.Н. Пятницкой, которая выделила характеристики личности склонной к зависимости, акцентируем внимание на том, что во время адаптации студентов к образовательной среде зависимости активной они становятся более равнодушными к социальным проблемам, у них отсутствует устойчивые и сформированные индивидуальные интересы [4]. В перспективе формирование в такой образовательной среде может детерминировать обособление личности от других, повышение уровня агрессивности к обществу и поиск чувственных впечатлений. Что, очевидно, не является продуктивным в плане формирования будущего специалиста.

В процессе адаптации к карьерной среде зависимой активности у студентов также формируются патологически изменённые потребности, нарушается иерархия мотивов, что, в перспективе, учитывая достаточно высокий уровень активности может быть причиной их неуправляемости [5].

Сформированная в данной образовательной среде личность отличается неспособностью адекватно планировать и прогнозировать своё будущее, что также является непродуктивным в плане дальнейшей адаптации к профессиональной деятельности.

Таким образом адаптация к карьерной среде зависимой активности не является продуктивной для дальнейшего развития профессионала, детерминируя развитие зависимости и инфантилизма. В процессе адаптации личности к данной образовательной среде происходит трансформация как когнитивной, так и социально-психологической сферы личности. У субъектов карьерной образовательной среды невозможной становится свободная линия поведения, их отличает неспособность адекватно планировать и прогнозировать свое будущее.

Далее рассмотрим особенности адаптации студентов к карьерной среде активной зависимости (табл.2).

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что социально-психологические и академические ресурсы способствуют адаптации студентов к образовательной среде, а сам процесс адаптации происходит гармонично и соразмерно по отношению к разным параметрам карьерной среды активной зависимости.

Отличительной особенностью адаптации студентов к карьерной образовательной среде активной зависимости является снижение адаптации при развитии социально-психологической сферы. С одной стороны, данный ре-

Таблица №2

Адаптация студентов к карьерной среде активной зависимости

Показатели	Отношение к образовательной среде					Сис. коор.	
	Эмоц.	Позн.	Практ.	Поступ.	Инт.отн.	Своб.-зав.	Акт.- пас.
Потребностно-мотивационная сфера	0,34	0,24	0,43	0,19	0,35	0,35	0,23
Эмоциональная сфера	0,00	-0,15	0,42	-0,11	0,03	-0,30	0,05
Когнитивная сфера	0,24	0,25	0,69	0,27	0,44	0,34	0,20
Социально-психологическая сфера	-0,23	-0,47	0,04	-0,53	-0,42	-0,15	0,31
Организационные составляющие	0,17	0,18	0,55	0,19	0,33	-0,05	0,24
Адаптация	0,38	0,30	0,39	0,21	0,37	0,45	0,07
Самопринятие	0,54	0,41	0,19	0,12	0,34	0,46	-0,15
Принятие других	0,54	0,36	0,09	0,15	0,31	0,87	0,21
Экстернальность	0,46	0,39	0,42	0,35	0,49	0,29	-0,19
Интернальность	0,49	0,26	0,44	0,16	0,37	0,35	-0,05
Стремление доминировать	0,27	0,00	-0,28	-0,18	-0,10	0,63	0,19
Любознательность	0,65	0,23	0,06	-0,21	0,12	0,33	-0,20
Организованность	0,05	0,36	0,37	0,53	0,47	0,16	0,20
Активность	0,46	0,70	0,39	0,62	0,69	0,10	0,12
%	71%	85%	71%	64%	64%	71%	64

зультат несколько противоречив и, на первый взгляд, не поддается логическому объяснению, а с другой вполне очевиден. Социально-психологическую адаптацию студентов, можно рассматривать, как состояние благоприятных взаимоотношений личности и группы. В такой ситуации студенты без длительных внешних и внутренних конфликтов достаточно продуктивно выполняет свою учебную деятельность [6]. Очевидно, что данные особенности взаимоотношений должны способствовать адаптации к образовательной среде. В нашем же исследовании полученные результаты, напротив, свидетельствуют том, что развитие описанных характеристик снижает эмоционально-положительное оценивание образовательной среды, деформирует мотивацию и направленность познавательной активности студентов, не способствует формированию готовности студентов осуществлять практическую деятельность, связанную с образовательной средой. Скорее всего это связано с тем, что карьерная среда зависимой активности не способна удовлетворять основные социогенные потребности студентов в полной мере. Очевидно, данная образовательная среда игнорирует ожидания обучающихся в возможности самоутверждения и свободного выражения творческих способностей студентов [7]. В плане дальнейшей адаптации личности к профессиональной деятельности это негативный фактор, так как устаревшие традиции и особенности свойственные образовательной среде не подготавливают молодое поколение к динамичной жизни в современном обществе.

Особенностью адаптации студентов к карьерной среде активной зависимости является ее более высокий и гармоничный характер, но при этом сама образовательная среда является устаревшей и не способной в достаточной степени удовлетворить потребности студентов.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Таким образом, адаптация студентов к образовательной среде высшего учебного заведения включает в

себя целый спектр самоизменений и выработку новых личностных качеств. Говоря об адаптации студентов к образовательной среде, мы говорим об активном приспособлении личности, об активном самоизменении, самокоррекции в соответствии с теми требованиями, которые предъявляет среда к личности.

В целом адаптация студентов к среде высшего профессионального образования происходит успешно, разнонаправленно и гармонично. В процессе адаптации задействованы и социально-психологические и академические ресурсы личности.

Адаптация к карьерной среде зависимой активности не является продуктивной для дальнейшего развития профессионала, детерминируя развитие зависимости и инфантилизма. В процессе адаптации личности к данной образовательной среде происходит трансформация как когнитивной, так и социально-психологической сферы личности. У субъектов карьерной образовательной среды невозможной становится свободная линия поведения, их отличает неспособность адекватно планировать и прогнозировать свое будущее.

Особенностью адаптации студентов к карьерной среде активной зависимости является ее более высокий и гармоничный характер, но при этом сама образовательная среда является устаревшей и не способной в достаточной степени удовлетворить потребности студентов.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности использовать полученные данные в работе педагогов, кураторов и службы психолого-педагогического сопровождения студентов для решения и предупреждения проблем адаптации студентов в разных типах образовательных сред. Материалы, полученные в ходе исследования, могут быть также использованы в разработке адаптационных тренингов, спецкурсов, при организации курса педагогики и психологии высшей школы, в системе повышения квалификации преподавателей вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясвин В.А. Образовательная среда от моделирования к проектированию. Смысл, Москва, 2001. 365 с.
2. Ткаченко Н.Н. Отношение студентов-психологов к образовательной среде вуза // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 3. С. 49-52.
3. Акопов А.Ю. Свобода от зависимости. Социальные болезни личности. СПб.: - Речь, 2008. - 224 с.
4. Пятницкая И.Н. Подростковая наркология. М.: Медицина, 2002. - 256 с. Два автора, поэтому указываем их в начале описания. . .
5. Зейгарник Б.В. Патопсихология. - М.: Издательство Московского университета, 1986. - 287 с.
6. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация. Механизмы и стратегии. Ереван. - 2010. - 478 с.
7. Денисова А.О. Психологический климат и социально-психологическая адаптация персонала в организации. // Перспективы Науки и Образования. 2017. 1 (25) С. 56-59.

© Ткаченко Наталия Николаевна (natali.tkachenko.1968@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АВЕНАРИУС: НАЧАЛО ОПЫТА ПОЗНАНИЯ

Гайдабрус Наталья Викторовна

К.ф.н., доцент, ГБОУ ВО МО «Технологический университет», г.о. Королёв
n.v.gaidabrus@yandex.ru

AVENARIUS: THE BEGINNING OF THE EXPERIENCE OF KNOWLEDGE

N. Gaidabrus

Summary: In the act of knowing consciousness, the experience (experience) of a thing by another individual is put into it. All the components of the environment that manifest themselves in movement, sound, light, resistance, etc. become a source of introjection in the experience. As a result of animism, what exists outside of man is divided into an external world and an extra-world existence, and knowledge is differentiated into sensuous and non-empirical. The original naive-empirical duality becomes a metaphysical dualism.

Keywords: Avenarius, empiriocriticism, cognition, experience, introjection, animism.

«Мышление не есть ни обитель, ни повелитель, ни другая половина или сторона и т.п., а также – ни продукт, ни физиологическая функция, ни даже вообще состояние мозга», – пишет в своей работе «Человеческое понятие о мире» (1891) эмпириокритик Рихард Авенариус (1843-1896). [1, 52] «Это высказывание не только вызвало в свое время издевательские замечания В.И. Ленина, но и по сию пору новичкам в философии кажется достаточным основанием отказаться от того, чтобы внимательно прочесть книгу, которая содержит подобные утверждения – к тому же выделенные авторским курсивом». [2, 91]

Побуждение Авенариуса – определить естественное человеческое понятие о мире. Для этого он обращается к началу опыта познания человека, отказываясь от непосредственной данности сознания, рассматривая факты опыта вне любого философского влияния.

Все составные части окружающей среды, которые «замечаются» благодаря своему движению, а также потому, что они светят, звучат, оказывают сопротивление и т. д., и затем получают названия – в них вкладывается способность воспринимать и мыслить, испытывать и познавать, чувствовать и хотеть. Не только ближний, но и дерево, источник, река, море, камень и гора, ветер и облако, луна и солнце, земля и небо стали такими же существами, как человек; именно содержание этого положения становится «опытом», если не для всех индивидуумов одинаково самобытным и самостоятельными, то, во всяком случае, для тех, которые образуют авторитетную инстанцию в обществе.

Если первобытный опыт обуславливался для членов

Аннотация: В акте познающего сознания переживание (опыт) какой-либо вещи другим индивидом вкладывается в него самого. Все проявляющие себя составные части окружающей среды становятся источником интроекции в опыте. В результате анимизма происходит раздвоение сущего вне человека на внешний мир и внемировое бытие, познание дифференцируется на чувственное и не-эмпирическое. Первоначальная наивно-эмпирическая двойственность становится метафизическим дуализмом.

Ключевые слова: Авенариус, эмпириокритицизм, познание, опыт, интроекция, анимизм.

человеческого общества, например, для М, преимущественно движениями (включая жесты и речь), то вариации этих условий со стороны ближних, например, со стороны Т также могла обуславливать вариацию опыта для М. Индивид Т не всегда отвечает на вещи, находящиеся или происходящие вокруг него, одинаковыми движениями (включая жесты и речь). Именно этого не бывает, когда Т спит. Составная часть окружающей среды остается той же самой, но Т – уже другой. Однако Т вновь переходит от своей неподвижности к движениям (жестами, словами) и высказывает (описывает) опыт, что он находился в отдаленном месте, то есть был в отсутствии. Вследствие слияния опыта М с опытом Т, Т испытывается индивидуумом М уже не как одна (количественная) единица, но как двойственность, как совокупность двух индивидуумов Т1 и Т2. [1, 26]

Появляется особенный первобытный опыт – бессмертие. Умерший может вновь являться другим членам общины, именно и в особенности в сновидениях, это обстоятельство объясняет дальнейший первобытный опыт, что сущность индивидуума не только самостоятельна, но и неразрушима. Сообразно с этим после одной жизни, человек, согласно опыту, переживает вторую. Умерший человек не уничтожается, не смертность человека, а бессмертие его есть первобытный опыт. Но под «человеком» здесь нужно понимать, конечно, не Т1, а Т2. Первый индивидуум назван «телом» или же «плотью», а второй «духом» или же «душою». Для «души» становится возможным двоякое состояние: воплощения в теле и освобождения от тела, а для «тела» или «плоти» состояние одушевленности и состояние утраты души. Становится возможным опыт, что душа человека может

жить воплощенной в теле и освобожденной от него; что человек может принять в себя дух и отдать его (из себя), испустить дух; что живой человек «одушевлен», а мертвый «лишен души» и что человек смертен именно в силу возможного отделения его души.

По отношению духов к их образу действия, измеряемому человеческими потребностями, происходит их дифференциация на вредных и полезных, или злых и добрых; по отношению к могуществу и мудрости, оцениваемым по мерке человеческого могущества и человеческой мудрости, на духов - людей, духов - существ, стоящих ниже людей и выше их; по отношению к пространственному определению их местопребывания, применительно к земле – на духов земных, подземных и надземных; данные и некоторые другие отношения, например, культ, также, конечно, обусловленный этими отношениями, порождают дифференциацию духов на самые разнообразные классы, из которых здесь достаточно будет упомянуть «духов» народного суеверия (включая призраки), души предков, демонов и (в более узком смысле) божественных духов. Как на самый важный из классов духов, возникших для первобытного опыта путем дифференциации «мира духов» достаточно указать на класс божественных духов, а из них наиболее важный тот, который именуется «духом в небесах». [1, 27-28]

Пусть М познает «дух» или «душу ближнего», «духа небесного» и «бессмертие души». Но (сообразно с тем, что дух лишь модификация вложенного внутреннего мира) бессмертные духи вообще и, в частности, дух божественный уже не испытываются им заодно с другими составными частями во внешнем мире опыта. В таком случае, индивидуум почувствует, что у него есть неэмпирическое познание, которое не происходит из эмпирического внешнего мира и не может определяться в своих свойствах каким-либо эмпирически данным объектом внешнего мира, так как ценности эти ведь не представляют уже собою более никакой составной части, никакого объекта эмпирического внешнего мира.

Если до сих пор (телесный) внешний мир был в то же время единственным данным вне человека миром, то теперь существует еще (призрачный и сверхъестественный) мир подле и вне этого внешнего мира: сущее вне человека раздвоилось на бытие внешнего мира и на внемировое бытие. [1, 29]

Руководством для дальнейшего обозначения послужит добытый тем временем опыт: материальный внешний мир воспринимается, испытывается посредством известных составных частей тела, именно, органов чувств, причем эти телесные органы стали «органами» или «орудиями» чувств, конечно, лишь потому, что с помощью интроспекции им была придана «функция»

служить посредниками восприятия или же опыта. Теперь познание дифференцировалось для опыта-М на эмпирическое познание, или чувственное, которое обнимает чувственный внешний мир, и неэмпирическое, или не-чувственное, которое постигает не-чувственное сущее, безразлично, принадлежит ли оно, помимо того, внутреннему или внешнему миру, но во всяком случае нечто духоподобное. Существующий у М-опыт, что человек – пусть будет им опять Т – может иметь чувственные и не-чувственные познания, можешь быть выражены также следующим образом: Т имеет чувственную и не-чувственную способность познания.

Как «мир духов», поскольку он в то же время надземный мир, представляет собою «высший» мир, так и не-чувственное, то есть духовное и сверхъестественное, есть в то же время и сверхчувственное; и высшее не-чувственное познание сверхчувственного есть в то же время сверхъ-эмпирическое, то есть превосходящее низшее чувственное познание простого опыта. Следовательно, первобытная форма неэмпирического, или же не-чувственного познания в этом случае является также и сверхъ-эмпирическим, или же сверхчувственными познанием. Добытое в такой длинной предшествующей истории неэмпирическое познание сохранится в какой угодно форме ещё на долгое время. [1, 31]

Для М становится предметом опыта иерархия трех родов познания, которым, смотря по степени культурного развития, будет соответствовать множественность душ, или только частей душ, или даже душевных способностей, или же познавательных способностей. Высшим членом этой иерархии было бы мышление, или, по другому обозначению – разум, так как то, что для более ранней культуры было чувственно-воспринимаемым и испытываемым, для более поздней могло бы стать лишь мыслимым. Низшим членом иерархии была бы чисто чувственная душа или же душа, поскольку она обладает чистой чувственностью или, соотносительно, чистая чувственность сама по себе: она, как способность чувственных впечатлений, представляет собой самого подчиненного рабочего, который не годен ни к чему большему, как доставлять человеку чистые ощущения. Наконец, средний член можно было бы назвать рассудком или интеллектом, и интеллектуальная душа или душа, — поскольку она имеет рассудок или интеллект или же сама является рассудком, соотносительно, рассудок или интеллект сами по себе как способность сочетания, расчленения, сравнения и т. д., высшая инстанция, обрабатывающая сырой материал чувственных ощущений. [1, 32-33]

В нашем познании не-чувственный придаток не обусловлен никаким объектом внешнего мира, но он находит определение в смысле рассудка (интеллекта) и формы, т.е. он начинает находиться в нас, следовательно,

предметы опыта начинают зависеть от не-эмпирических познаний.

Пространственное отношение не-эмпирического определяется в полной гармонии с ранними культурными стадиями как «внутри-бытие». Наоборот, отношение ко времени способно изменяться в различные стадии культуры. Более раннее объяснение, еще близко стоящее к первобытной культуре, не замедлило бы приписать независимое от М-опыта познание некоторому до-эмпирическому опыту предсуществующей души, т.е. опыту до рождения; более поздняя культура признала бы такие познания врожденными; еще более поздняя, не принимая, чтобы эти познания по времени находились в человеке до опыта, удерживала бы их лишь как некоторую способность (или природный задаток), которая приводится в движение посредством предметов (М-опыта), или достигается посредством чувственных впечатлений действительности и деятельности.

Во всех этих выросших на почве интроспекции обозначениях: «сверх-чувственное, до-чувственное, не-чувственное» – чувственное означает уже не только некоторый характер познаний, но и теорию их приобретения.

В наивном эмпиризме не прибегают к помощи не-чувственного придатка, вещи познаются лишь в характеристике опыта; для наивного рационализма форма не-чувственного есть сверх-чувственное; а для наивного критицизма такой формой является до-чувственное. Обозначение «наивный» относится к основанию, а не ко всей воздвигнутой на этом основании научной системе. [1, 36]

В смысле созданной путем интроспекции двойственности Т произойдет такое разделение, что реальность, чувственность, телесность будут для опыта М внешней стороной Т, а идеальность, не-чувственность, духовность – внутренней. Второй индивидуум по своим свойствам является для первобытного опыта не чем иным, как первым индивидуумом, взятым еще раз; и если первый индивидуум называется телом или плотью второго, а второй индивидуум – духом или душой первого, то дух или душа представляют собою, для первобытного опыта, не что иное, как простое удвоение тела или плоти. Лишь продолжительное развитие, в котором выступают как плодотворные авторитетные моменты дальнейшие противоречащие опыты (относительно неосвязаемости и т. д.) и умозрения теологии, а также христианской философии, удастся достигнуть того, что дух или душа определяются, как «нечто совсем иное, чем тело» (как нечто лишнее протяжения, неделимое, неосязаемое и т. д.), что дух, как нечто призрачное и сверхъестественное возвышается на степень духа как чего-то духовного. Двусторонность человеческого существа стала абсолютной

разнородностью, первоначальная наивно-эмпирическая двойственность индивида ($T=T_1+T_2$) стала метафизическим дуализмом, анимизм перешел в идеализм. [1, 38]

По мнению Авенариуса, если в философском поступательном развитии анимизма в пределах его спекулятивного направления «душа» дошла до того, что съезжилась до «монады» или чего-то вроде нее, то в его критическом направлении (способном к более быстрому развитию) она захирела, превратилась в какую-то «психику», на которую воздействует предмет, и затем – так как и «предметы» были лишь «представлениями» – в «сознание», и лишь одно «сознание» есть нечто «непосредственно данное» [1, 68].

Авенариус вводит понятие G – воспоминаемое понятие мира в противоположность ΔG – приобретенному. Иначе, вопрошает он, «как можно было бы вообще даже поднять вопрос об отношении «вещей в себе» и «явлением = представлением», или о «сущем» и «кажущемся», о «реальном значении» составных частей «идеализма» вообще или в частности о «реальном значении» «восприятий», «явлений» и т.д.?! Из какого же мистического «откровения» возникла бы непреодолимая мысль о «независимой от неё действительности», если не из этого воспоминаемого мировоззрения? Как можно было бы допытываться о «реальном значении» «восприятия» («ощущения») или «явлений», или чего-либо подобного, если бы вы не обладали сначала и потом утратили бы его? В горделиво-разумном здании «идеализма» появляется призрак «реализма», и его уже не изгонишь. Как считает философ, целый ряд естественнонаучно образованных представителей философского идеализма приняли бы восстановление своего прежнего «реализма» как облегчение и с радостью бы его допустили, если бы умели с чистой – в логическом смысле – совестью отделаться от идеализма. Способствовало бы этому подлежащий выключению момент интроспекции, так как опыт духа развивался на почве интроспекции, но идеалист не в состоянии его выявить, так как интроспекция совершается у индивидов без их ведома и намерения, она не достигает до формального выделения. [1, 68-69]

Но что останется в «понятии мира», если будет выключена интроспекция? Авенариус отвечает, что остается то «понятие мира», которое имеет содержанием «общие признаки» всего наличного; а эти общие признаки заключаются в том, что наличное есть член ряда: вещь – (образ) – мысль, и не содержит в словесной форме ничего, чего не содержало бы естественное «понятие о мире» в форме созерцания. Ни анимистическая «воодушевленность», ни Платоново удвоение, ни материалистический монизм, ни идеалистическое улетучивание, ни абсолютно скептическое сомнение и т.п. не мыслимо без естественного понятия о мире: последнее долж-

но всегда заранее предполагаться, чтобы затем через положительное или отрицательное увеличение стать всем тем, что оно представляет для философских школ – в противоположность чисто аналитическому определению наличного. Пусть философ сколько ему угодно объясняет, что «мир пред ним», «мир, сущий там, во вне»

есть просто «явление» или просто «призрак», или что-то «среднее между сущим и не-сущем, или же нечто «не-сущее» – но, чтобы иметь возможность таким образом думать про среду в отношении к обозначаемому словом – «я», он всё-таки должен был прежде найти её в наличности. [1, 72-73]

ЛИТЕРАТУРА

1. Авенариус, Рихард. Человеческое понятие о мире: Пер. с нем. / Под ред. М.М. Филиппова. Изд. стереотип. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. 96 с.
2. Зотов, А.Ф. Современная западная философия: Учеб./А.Ф. Зотов.— 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 781 с.

© Гайдабрус Наталья Викторовна (n.v.gaidabrus@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



КОММУНИКАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНОСТЬ – К РАЗДЕЛУ НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Кривовяз Наталья Викторовна

Ассистент, Национальный исследовательский Томский
политехнический университет
awatanchik@yandex.ru

COMMUNICATIVE SOCIALITY - TO THE SECTION NON-CLASSICAL CONTROL THEORY

N. Krivoviyaz

Summary: This article discusses the issues of non-classical control theory. Non-classical philosophy formed the construct "ontology of communicative sociality". Society became different, and this was reflected in the interest of analysts in such a characteristic of sociality as its communicative nature. Management itself is interpreted as the management of communicative in its essence and in nature relations. The situation has changed in the conditions of the transformation of the vector of modern ontology in the direction of communicativeness – in these conditions, communications are turned into the subject of management, management becomes communicative, focused on specific segments of the social.

Keywords: theory of management, communication, sociality, self-government, communicative society, information society, non-classical theory of management.

Аннотация: В данной статье рассмотрены вопросы неклассической теории управления. Неклассической философией был сформирован конструкт «онтология коммуникативной социальности». Общество становилось иным, и это нашло отражение в интересе аналитиков к такой характеристике социальности, как ее коммуникативный характер. Неклассическая управленческая культура сосредоточила внимание на контекстах и ситуационном характере реальности, отказавшись от ставших всеобщими схем, - это позволило сделать предметом управления в том числе и периферийные структуры. Управлению начали привлекаться сотрудники организации, и был использован потенциал самоорганизации и самоуправления.

Ключевые слова: теория управления, коммуникации, социальность, самоуправление, коммуникативное общество, информационное общество, неклассическая теория управления.

Рубеж XX-XXI в.в. трансформировал парадигму управления. Фурор произвела работа создателя так называемой теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» (1981 г.), хотя о проблеме противопоставления сфер инструментального действия (сфера труда с ее критериями эффективности) и действия коммуникативного (представленного как взаимодействие, основанное на нормах и упорядоченное в соответствии с этими нормами) ставилась Ю. Хабермасом и ранее – до появления обозначенной работы. В то время как инструментальное действие ориентировано на успех, в основание коммуникативного действия положено взаимопонимание индивидов. Ю. Хабермасом использовано в обосновании интуиций, заложенных в теорию коммуникативного действия, и интерпретация различия инструментальной рациональности (понятие, ранее применяемое М. Вебером) и рациональности коммуникативной, как интерпретация четырех типов действий: стратегического (в него входит инструментальное действие), норморегулирующее, экспрессивное (Ю. Хабермасом оно названо драматургическим) и соответственно коммуникативное.

Позднее, в работе 1984 года «Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des Kommunikativen Handelns», Fr./ M. 1984 Ю. Хабермас использует и понятие «пожиз-

ненного мира», раскрывая роль жизненного мира в формировании среды, пространства коммуникативного действия: «Жизненный мир обладает не только функцией формирования контекста коммуникативного действия. Одновременно это резервуар, из которого участники коммуникации черпают убеждения, чтобы в ситуации возникшей потребности во взаимопонимании предложить интерпретации, пригодные для достижения консенсуса. В качестве ресурса жизненный мир конститутивен для процессов взаимопонимания ... мы можем представить себе жизненный мир, поскольку он привлечен к рассмотрению в качестве ресурса интерпретаций, как организованный в языке запас изначальных допущений, предпочтений, которые воспроизводятся в виде культурной традиции» [1]. Здесь Ю. Хабермас говорит о роли коммуникативного действия в укреплении традиций, в обновлении культурного потенциала, в формулировании солидарности, выступающей и Ю. Хабермаса в качестве источника социальной интеграции.

Эта формируемая традиция, - управлять непредметной, неустойчивой, постоянно меняющейся социальностью, - не была характерна для классических теорий управления, она (традиция) являет себя сегодня, на рубеже XX-XXI в.в., как новая примета нового времени, - времени «неклассического». В ранее созданной фило-

софии управления управление было отождествлено с властью - «... философия управления репрезентировала себя как философия власти. В таком качестве, то есть в направлении придания управлению характера жесткого администрирования, строго логических и рационально выверенных шагов, управленческих указаний и директив, она разрабатывалась и философами, и социологами. Поскольку шагам, ходам, способам не надо было меняться, ибо не менялись социальные контексты, и объект управления оставался в своем предметном содержании одним и тем же, то философия управления приобрела вид рационально устойчивого, никогда не меняющего своей сути и содержания бюрократического действия» [2].

Концепция современной философии управления формируется, исходя из обширного эмпирического материала, поставляемого такими сферами, как социология управления (Г. Саймон, Ч. Бернард), теория организационного поведения (Р. Мак-Кинли, П. Дизель), социология труда (Д. Круз), психологии организаций и групп (Б. Джонсон, Р. Бэрн). Огромна и роль теоретических работ, в которых исследуются проблемы специфики онтологии социальности «неоклассического времени», в том числе постмодернистской социальности.

В условиях информационного общества управление «работает» в направлении тех методологических подходов к исследованию социальности и культуры, которые способны инициировать отказ от фундаментализма, логоцентризма и других унифицированных конструкций, - формируется управленческая парадигма, осуществляющая переход от управления статикой к управлению движением. Проблема заключена в том, чтобы осмыслить те социокультурные контексты, в пределах которых совершается трансформация принципов управления, направленная на мобильность как характеристику коммуникативного общества, трансформация, ориентированная на переход стратегий управления: от управления статикой к управлению развитием. Лишь будучи трансформированными, теория и практика управления окажется способной принять необходимость увидеть объект, находящийся в движении, развитии, изменении, - это будет релевантное по своей сути управление. И сегодня авторы, исследующие феномен управления, видят свою задачу в том, чтобы отыскать в управленческой деятельности тот потенциал, что позволяет управленческим действиям быть ориентированным не на унифицированную статику, но на современное состояние множественности форм, изменяющихся, находящихся в процессах непрерывных трансформаций. Общество нуждается в новых механизмах управления. Для выработки этих механизмов важным является и учет специфики культуры современного общества, - коммуникативного, информационного. Эта культура характеризуется мобильностью и изменчивостью. В. Лехцнер, Ж. Тощенко, С. Смирнов

пишут о современной культуре как культуре изменений, того «перехода, который никуда не переходит». М.А. Гусаковский, Л.А. Яценко, С.В. Костюкевич пишут о культуророждении в мобильной и изменчивой культуре, о культурной бездоминантности, - эти явления провоцировали неоднолинейность и самоорганизацию.

Одной из предпосылок того, что управление в условиях информационно-коммуникативного общества не может исходить из ранее сложившихся теоретических установок, является то обстоятельство, что в условиях новой культуры (культуры постоянных изменений, культуры бездоминантной) меняется и человек. Исследователи пишут о кризисе его идентичности, личностной многоликости, что характерно для среды, создающей все новые образцы (Р. Сеннет, Н.В. Чиркова, Г.И. Петрова). В культуре, утрачивающей однолинейность и многомерность развития, расставшейся, по сути, с жадной логикой своего развития, формируется и иной человек. Р. Рорти называет его «человеком ироничным», Ж. Делез - «человеком-ризомой», Ж. Липовецки - «человеком-маской». Эта ситуация в аналитической литературе формирует новые подходы к теории управления (Школа культурной политики, «корпоративная культура», менеджмент). Методологические вопросы управления разрабатывают отечественные ученые В. Диев, С. Чернышева, С. Степанов, П.Г. Щедровицкий, В. Шепель, И. Богачек, в числе западных авторов - М. Кастельс, Ю. Хабермас, П. Друкер, М. Фуко, Д. Белл. Классические теории управления (тейлоризм) и ранее подвергались критике (Э. Мэйо). Сегодня критика осуществляется П. Друкером (концепция «самоуправляющегося коллектива»), К. Нордстремом и Й. Риддерстрале («управление в стиле фанк»), Р. Уотерманом («управление через ценности»). В предмет анализа превращены новые структуры управления (П. Друкер), корреляция управления и национальной культуры (В. Пронников), разграничение управления и власти (М. Фуко, К. Гаджиев, В. Ильин, А. Панарин и др.). Отличаясь прагматикой, эта литература помогает бизнесу в выстраивании конкурентных отношений.

Теория управления - специфическая сфера управленческого знания, содержание теорий управления всегда ориентирована на историко-культурный контекст. Культура управления определена контекстом, - культура управления зависима от ментальных, философских, религиозных, мировоззренческих установок и архетипов конкретной эпохи.

Если попытаться взглянуть на управление в историческом аспекте, очевиден вывод о том, что управление зарождалось как власть. Основанием властных отношений была культурная идеология единого мира. В. Росман, анализируя традиционные цивилизации с присущим им порядком (космическим, социальным), утверждает и основание этих порядков - порядок был основан на

идее Axis-Munadi (Центра мира); Axis Munadi – метафора культуры. Центр, обладая потенциалом центростремительной силы, объединял сегменты периферии, был средоточием зон периферии и формировал баланс «тех сил, которые определяли специфику традиционных цивилизации, – эстетическую, нравственную, политическую, религиозную. Центр был средоточием духовности цивилизации; исчезал центр – исчезала сбалансированность: центр служил тем элементом, который собирал вокруг себя членов сообщества, определял формы общения, взаимодействия, социального обмена. Ритуалы центра способствовали снятию напряжения между различными полюсами культуры и включали в себя символы общественного единения и священного брака. Статус человека в значительной степени определялся дистанцией и отношением к центру в социальном пространстве. Центр представлял собой модель самоидентификации. В нем аккумулировались духовные устремления носителей традиции, характер их доминирующего отношения к миру» [3]. В культурной традиции Эллады центром считался театр, театр как храм, сакральное пространство, божественный (теос) трон (тронос) – театрон. Роль Axis Munadi в эпоху средних веков исполнял Бог, священное писание, книга. Центр был тем сакральным по своей сути, что открывало дорогу на него. Именно на подобном представлении о Центре формировалась и культура управления, ее исходной установкой являлось понятие власти. В практике обыденности понятия «власть» и «управление» не были разграничены. И власть, и управление были связаны воедино вертикалью отношений, объединены в отношении «господство-подчинение»; и власти, и управлению была присуща иерархичность.

Следует отметить, что классические теории управления вполне отвечали специфике классических концепций управления, – об этом пишет Н.В. Чиркова: «... классическому времени – устойчивому, имеющему единую целенаправленность в своем движении, прогнозируемому в идеалах и нормах – вполне соответствовали властные и единые линейно-функциональные установки, и алгоритмические действия в управлении: приказания, жесткость распоряжений сверху, подчинение. Устойчивая социокультурная реальность вполне могла быть управляемой на основе единства администрирования и строгости идеологических приказов».

Однако ситуация изменилась в обществе, обозначенном как постиндустриальное, в том контексте, в котором воплощен иной, современный тип социокультурного развития, где в реальность превращена децентрация связей, социальной структуры, экономики. Н.В. Чиркова отмечает о феноменах постиндустриального общества – о власти и управлении в ситуации и структурах мира повседневности: «Термин «децентрация» пришел из области философии, которая рефлексировала по поводу обнаруживших свое значение новых признаков культур-

ного состояния социальной реальности – утрата собирающего ее в единство центра-предела и, как следствие, – «расколотовость», фрагментарность, центробежность не стоящей на пределе неопределенной культуры. Культура рассыпалась, приобрела облик поликультурных или межкультурных процессов. М. Фуко отмечает, что власть стала вездесущей, «распространяется непосредственно на повседневную жизнь ... классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность», создает новую форму «пастырской власти» [4, с. 167-174]. «Подлинная природа такой власти – в модусе самосокрещения, она растворена по поверхности и в повседневности, обнаруживает себя на любом микроуровне социального» [4, с. 18].

Управление в постиндустриальном, информационно-коммуникативном обществе приобрело такие характеристики, как сложность и нелинейность. Выше мы отмечали, что об этом одним из первых писал Д. Белл в «Опыте социального прогнозирования» – автор говорил об «управлении организованными множествами – с большим числом переменных, комплексными организациями и системами, требующими координации деятельности сотен тысяч и даже миллионов людей» [5, с. 331-333], понимая под организованными множествами не единую культуру и видя в этом процессе децентрации культуры стадии постиндустриализма основание, – этим основанием является процесс трансформации знания в информацию, пришедшей на смену (в своих статусных проявлениях) таким категориям, как материальное производство, богатство, собственность. Информация заняла приоритетные позиции, определив зависимость существующих социокультурных структур, во многом именно это способствовало стиранию различий в отношении «центр-периферия». Ж. Бодрийяр в работе «Символический обмен и смерть» отмечает в этой связи, что информационное общество обретает за счет интенсивного роста информационных потоков знаковый, символический характер, редкостную активность движения. Информация формирует и информационную культуру как новое культурное состояние. Этим новым состоянием нужно управлять. Уже в первой половине XX века возникли сегменты знания, используя потенциал которых можно было изменить многое в управленческой деятельности – кибернетика, теория информации, теория игр, теория принятия решений, теория стохастических процессов. В практику управления вошли «интеллектуальные технологии», линейное программирование, метод экстремальных стратегий, ориентированных на работу с большими множествами в условиях неопределенности. Возникли новые теории управления, – так называемые неклассические теории: «Управленческая неклассика характеризуется тем, что больше не имеет готовых рецептов, алгоритмов действия и решений, она, требует постоянного переосмысления и переопределения своих воздействий на практику управления. Со-

временная культура управления требует постоянного рефлексивного самоосознания, принятия решений, основанных не на алгоритмах действия, но соответствующих конкретным и всегда различным ситуациям. Философия в середине XX века помогла управленческой практике обратить внимание и использовать методы математической техники в работе с системами «организованной сложности», к которым отнесла, в первую очередь, социокультурные системы. Она отрефлексовала математическую технику, как и все появившиеся к тому времени новые технологии, как новую методику по поиску управленческого алгоритма поведения людей. Оказалось, что оно может быть предсказуемым, как очертание треугольников в геометрии. Это была, конечно, утопия, о чем тогда предупреждал Д. Белл, но утопия давала конструктивный толчок в поисках специфики управления сложными процессами, к которым и относятся процессы развития культуры» [6, с. 19].

«Современный рынок труда стимулирует многообразие социальных страт, возникновение и рост новых профессий. Все это дробит – «демастифицирует» - современную культуру, актуализирует проблему уникальности человека и его культурного окружения. Информационный мир сложен в своей культурной многоцветности. Это означает, что современное общество в его дробности, признания уникальности, многоцветности, поликультурности не может быть управляемо в любом своем фрагменте с позиций единства и принципа централизации», - так обосновывает идею множественности и плюральности теорий управления современного типа Н.В. Чиркова [7, с. 20].

В границах и пределах классического философского мышления было сформировано представление об управлении как однонаправленном и одноцелевом действии. В концептуальной парадигме Ф. Тейлора это рациональная организация труда, оптимизация совершаемых работником операций, совершенствование рабочих навыков; в концепции М. Вебера акцент смещен на сегмент конфликтных ситуаций, на проблематику рациональных и бюрократических решений, принимаемых теми, кто управляет. Однако Э. Мэйо создал теорию человеческих отношений, обратив внимание на ту роль, которая обеспечивает в эффективном и результативном управлении учет человеческого фактора. И потому, что целью создания концепции Э. Мэйо был все-таки рост производительности труда, концепция Э. Мэйо вошла в разряд классических концепций-теорий.

Культурное состояние неклассической эпохи требовало новых теорий управления. Впервые о необходимости нового подхода к управлению заговорили Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, воплотив этот подход в игровом видении мира и взглянув на игру как способ работы социокультурных практик. В один из принципов

управления была превращена игра.

Являясь культурным артефактом (культура «возникает и развивается в игре») [8, с. 7], игра может быть определена как разновидность физической и интеллектуальной деятельности, лишенной прямой практической целесообразности и представляющая индивиду возможность самореализации, выходящей за рамки его актуальных социальных ролей. Й. Хёйзинга в работе «Homo ludens. В тени завтрашнего дня» раскрывает игровые принципы практически всех составляющих культуры и дает следующее определение игры: «Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое с чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная» жизнь» [9, с. 41]. Об игре, - об эстетической сущности игры, - пишет в работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер, утверждая «священную серьезность игры», «медиальный смысл» игры, «примат игры в отношении сознания играющего», считая целью игры «порядок и структуру самого игрового движения» и полагая, что игра всегда предполагает «другого» [9, с. 174].

Во второй половине XX в. игровая концепция стала достоянием философии и теории культуры, разработаны и классификации игр. Так Р. Кайо в исследовании «Человек, игра и игры» (1962 г.) выделяет такие виды игр, как соревнование, переодевания (маскировки), подражания, экстаические и игры риска. Позднее в 1968 г. Йельские постструктуралисты, являясь философами постмодернистской направленности, ввели принцип игры, исследуя игры в референтных мирах. Ж. Деррида пишет об играх повторения (игры «репетитивности»), играх различий (difference) и различений (difference). Последняя треть XX века ознаменовалась активным внедрением понятия «игра» в сферы далеко не игровых видов деятельности: появляются математическая «теория игр», игровое моделирование ситуаций, практики деловых игр. Игра интерпретируется как сфера деятельности и жизни. В Игре увидели символическую условность, именно эта условность представляла человеку играющему («Homo ludens» - термин, введенный Й. Хёйзингой) возможность в границах игры быть свободным.

И в то время как классическим концепциям управления был присущ предельно рационализированный подход к тому, что выступало в качестве объекта управленческого воздействия, в неклассических теориях управления были воплощены новые подходы к феномену управления, - одним из этих подходов и явился подход, в основание которого положено видение миро-реальности как игры, а игры – как способа реализации потенциала социокультурных практик: игра была превращена в управленческий принцип. Новый взгляд на

управление, проявившей себя в неклассических подходах к управлению, в совокупности неклассических концепций и теорий управления, формировался многосторонностью и многогранностью тех объектов, которыми предстояло управлять, и моральной интерпретацией этих объектов, подвижностью и неустойчивостью [10].

Неклассические теории зафиксировали в своем содержании и новые принципы-характеристики управления, в числе этих характеристик мы назовем гибкость управления его мгновенное реагирование на перемены и используемые в этих переменных инновации («креативный разрушитель» в определении Й. Шумпетера); эта гибкость связана с возможностью, в зависимости от ситуации, переформулировать целевую программу, со способностью идти на риск (в теорию управления во-

шла в качестве необходимого сегмента теория риска). Необходимо назвать и утрату управлением принципа центрированности: управление испытало возможности сформулированного М. Фуко принципа «микрофизики власти», - рассеивания в мире фрагментарной, лишенной центра культуры. На смену этому ранее существовавшему принципу центрированности пришли принципы «партиципативности» и «периферийности», о которых пишет М. Фуко в работе «Право на смерть и власть над жизнью. По ту сторону знания, власти и сексуальности». Наконец, очень существенным для неклассики управления был и отказ от иерархии в структуре управления. Сложившаяся ситуация выглядит следующим образом: новые социокультурные условия меняют, корректируют практику управления, «работая» на создание новых теорий управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2000. 380 с.
2. Петренко Н.С. Некоторые аспекты концепции «хорошего общества» и понятие блага // Философские науки. 2001. № 4. С. 29–34.
3. Россман В.И. Мистерия центра. Идентичность и организация социального пространства в современных традиционных обществах // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 30–34.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. 320 с.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Академия, 1999. URL: <https://doi.org/10.1080/00131727609336501>
6. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
7. Тоффлер О. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ, 2004. 672 с. URL: [https://doi.org/10.1016/0016-3287\(91\)90090-0](https://doi.org/10.1016/0016-3287(91)90090-0)
8. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры. М.: Прогресс, 1997. 416 с. URL: <https://doi.org/10.4324/9781315824161>
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 174 с. URL: <https://doi.org/10.1524/9783050050195.219>
10. Федотова В.Г. Социальные знания и социальные изменения. М.: ИФ РАН, 2001. 285 с.

© Кривовяз Наталья Викторовна (awatanchik@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ КНИГ ШАФИИТСКОГО МАЗХАБА И ВАЖНОСТЬ КНИГИ НУРУДДИНА АЗ-ЗАЯДИ

Магомедов Магомед Абдулгамидович

докторант, Болгарская исламская академия, г. Болгар,
Российская Федерация,
Alargavani@mail.ru

THE FORMATION OF THE MAIN BOOKS OF THE SHAFI'I MADHAB AND THE IMPORTANCE OF THE BOOK OF NURUDDIN AL-ZAYADI

M. Magomedov

Summary: The article analyzes the commentary of a famous scientist in the Islamic world of the XVII century. Nuruddin al-Zayadi (died in 1615) to the book of Sheikh ul-Islam of Zakaria al-Ansari "Fath al-Wahab". This is one of the first comments that were written to the book of Zakaria al-Ansari. Nuruddin al-Zayadi is one of the few scholars whose opinion is significant in the Shafi'i madhhab. He was a student of prominent scholars in the history of Islam: Ibn Hajar al-Khaitami, Shamsuddin and Shihabuddin Ramli and Shihab Umayr al-Bulusi. The book is distinguished by the fact that in each section, the author mentions the most authoritative opinion on the issue that is being addressed, even if this contradicts the opinion of his teachers and the author of the book Fath al-Wahab.

Keywords: Islam, theology, comments, Shafi'i madhhab, Nuruddin al-Zayadi.

Аннотация: В статье анализируется комментарий известного в исламском мире учёного XVII вв. Нуруддина аз-Заяди (умер в 1615 г.) к книге шейх уль-Ислама Закарии аль-Ансари «Фатх аль-Вахаб». Это один из первых комментариев, которые были написаны к книге Закарии аль-Ансари. Нуруддин аз-Заяди является одним из немногочисленных учёных, мнение которого в шафиитском мазхабе значимо. Он являлся учеником выдающихся учёных в истории Ислама: Ибн Хаджара аль-Хайтами, Шамсуддина и Шихабуддина Рамли и Шихаба Умайра аль-Булуси. Книга отличается тем, что в каждом разделе автор упоминает самое авторитетное мнение в раскрываемом вопросе, даже если это идёт вразрез с мнением его учителей и автора книги «Фатх аль-Вахаб».

Ключевые слова: Ислам; богословие; комментарии; шафиитский мазхаб; Нуруддин Аз-Заяди.

Введение

В истории мусульманских учёных была принята практика комментировать и сокращать книги ранних учёных. Бывало даже, некоторые учёные перефразировали книгу ранних учёных в стихотворном виде. Иногда ученик мог при жизни своего учителя написать комментарий к его книге, мог сокращать его труды или вовсе написать критический анализ книг учителя. Это было обычным делом для них. Можно сказать, все основные книги, написанные учёными факихами шафиитского мазхаба, получились именно таким образом. Стоит отметить, комментарии в научной среде учёных мусульман бывают разных видов: шарх, хашият, тақрират:

1. шарх – это комментарий ко всей книге;
2. хашият – это частичной комментарий. В основном хашият пишут к шарху. Иногда бывает так, что на хашият составляют другой хашият. К примеру, есть известная книга по морфологии «Тасриф», имам Тафтазани написал к ней шарх, на его шарх написал хашият Ибн Касим Иззи, на его хашият составил свой хашият Мухаммад Тахир аль-Карахи;
3. тақрират – комментарий к очень малой части книги, можно сказать, заметки учёного.

Формирование основных книг шафиитского мазхаба

Из биографии имама аш-Шафии известно, что он родился в городе Газе (современная Палестина), в малолетнем возрасте мать забрала его в Мекку, где он вырос и начал изучать азы исламской науки, а в двенадцатилетнем возрасте он отправился в Медину, после Медины – в Йемен, а затем – в Ирак. В Ираке имам аш-Шафии составил книгу «Аль-Худжа». Затем он отправился в Египет, чтобы учиться у Лейса ибн Саада и составил там книгу «Аль-Умм». Два ученика имама аш-Шафии – аль-Музани и аль-Бувейти – на основе этих и других книг имама аш-Шафии составили свой «Аль-Мухтасар».

После них пришёл имам аль-Харамейни Аль-Джувайни (да смилуется над ним Аллах) и собрал труды имама аш-Шафии (да смилуется над ним Аллах) и «Аль-Мухтасар» ученика имама аш-Шафии аль-Музани в одну книгу, назвав её «Нихаят аль-Матлаб».

Вслед за имамом аль-Харамейни пришёл его ученик, имам аль-Газали, и сократил книгу своего учителя «Нихаят аль-Матлаб», назвав сокращённый вариант «Аль-Басит», после и его сократил, превратив в «Аль-Васит».

Затем книгу «Аль-Васит» некоторые учёные сократили, а другие написали к ним свои комментарии.

Комментариев к «Аль-Васит» очень много, самые известные из них:

1. «Матлаб аль-Али» в 60 томах, принадлежащая перу ибн Руфата (умер в 710 г. х.),
2. «Аль-Мухит» в 16 томах, книга ученика имама аль-Газали Мухаммада бин Яхья ан-Найсабури (умер в 548 г. х.),
3. «Аль-Бахр-уль-Мухит», книга Ахмада бин Мухаммада аль-Каули (умер в 727 г. х.).

Некоторые учёные сократили книгу «Аль-Бахр аль-Мухит» Ахмада аль-Каули, и одна из этих сокращённых книг – «Джавахир аль-Бахри иль-Мухит».

Затем к книге «Джавахир аль-Бахри иль-Мухит» один из учёных написал комментарий под названием «Джавахир аль-Джавахир». К этим книгам есть очень много комментариев.

Вернёмся к книге «Аль-Васит». Как мы говорили, её сокращали некоторые учёные. Среди книг, которые являются сокращённым пересказом «Аль-Васита», есть следующие:

1. «Мухтасар аль-Иснави» принадлежит перу Нуруд-Дина аль-Иснави (умер в 721 г. х.),
2. «Аль-Ваджиз» принадлежит самому имаму аль-Газали.

Затем книгу «Аль-Ваджиз» имама Аль-Газали некоторые учёные также сократили, а другие написали комментарии.

Среди комментариев к книге «Аль-Важиз» есть книги имама ар-Рафии «Шарху-ссагир» и «Фатх аль-азиз».

Далее, книга «Фатх аль-азиз» также была сокращена некоторыми учёными, к их трудам относятся:

1. «Равзату Талибин» имама Навави,
2. «Аль-Хави-ссагир» Абдул-Гаффара Кизвини.

Потом книгу «Равзату Талибин» некоторые также сократили, а некоторые написали к ней комментарии.

К трудам, которые получились благодаря сокращению книги «Равзату Талибин», относятся:

1. «Ар-Равза» ибн Мукри аз-Забиди, к которой Ибн Хаджар аль-Хайтами написал шарх под названием «Ан-Наим»;
2. «Аль-Уббаб» имама аль-Музаджада, к которой Ибн Хаджар аль-Хайтами также написал шарх «Аль-И'аб»;
3. «Аль-Гунят» имама ас-Суюти.

Комментариев к «Равзату-т-Талибин» четыре, их авторами являются:

1. аль-Азраи,
2. аль-Аснави,
3. Ибн аль-Имад,
4. аль-Булкини.

Потом шейх аль-Ислам аз-Заркаши собрал воедино эти книги четырёх учёных и составил из них энциклопедию, которую назвал «Аль-Хадиму ли Равза».

А вторую сокращённую книгу (то есть «Аль-Хави ссагир») некоторые сократили ещё сильнее, а некоторые переложили в стихотворную форму.

К книгам, написанным в форме стихотворения (манзумат), относятся:

1. «Аль-Бахджат», принадлежащая перу ибн аль-Варди, шейх Закария аль-Ансари написал к ней два шарха: «Аль-Гурар-аль-Бахия» и «Аслю-ль-Гурар».

К сокращениям книги «Хави-с-Сагир» относится труд «Аль-Иршад» ибн Мукрия.

А к «Аль-Иршад» ибн Хаджар написал два шарха: «Аль-Имдад» и «Фатх аль-Джавад».

Мы перечислили некоторые комментарии, которые составлены к мухтасару имама Газали «Аль-Ваджиз». К числу трудов, полученных благодаря сокращению «Аль-Ваджиза» имама Газали, относятся:

1. «Аль-Мухаррар» имама ар-Рафии,
2. «Ат-Таъжиз» Таджудина аль-Мусила (умер в 671 г. х.),
3. «Аль-Хуласат», её написал сам имам аль-Газали,
4. «Аль-Ибриз» Сираджу-д-Дина аз-Забиди.

После этого «Мухаррар» имама Рафии также прокомментировали и сократили.

К комментариям относится «Кашфу-ддурар» Шихабуд-Дина ас-Санди (умер в 895 г. х.).

А к сокращениям относятся:

1. «Аль-Минхадж» имама Навави,
2. «Аль-Иджаз» Таджудина аль-Асфахиди.

Затем «Минхадж» также сократили, прокомментировали и перевели в стихотворную форму.

К сокращениям книги «Минхадж» относятся:

1. «Аль-Ваххадж» шейх аль-Ислама аль-Андалуси (умер в 745 г. х.),
2. «Манхаджу-ттулаб» шейха Закарии аль-Ансари.

Позже Закария аль-Ансари написал комментарий к своему «Манхаджу-ттулаб», назвав её «Фатх аль-Вахаб».

Таким вот образом и были написаны основные книги шафиитского мазхаба.

Как было ранее замечено, шейх аль-Ислам Закария аль-Ансари сократил книгу имама ан-Навави и назвал труд «Манхуджу Тулаб». Причину, побудившую его сократить книгу имама ан-Навави, он, к сожалению, в своей книге не раскрыл. Но можно сказать, что причиной послужило желание облегчить изучение этой книги начинающим студентам, чтобы её легче было понять и выучить наизусть.

Через некоторое время знакомые попросили его написать комментарий к своему труду, так как у них возникли трудности с пониманием. Имам исполнил их просьбу и написал «Фатх аль-Вахаб» – комментарий к «Манхаджу Тулаб». В предисловии к ней он пишет:

«Ранее я сокращал книгу по фикху «Минхаджу Талибин», принадлежащую перу шейх уль-Ислама, имама Абу Закарии Яхьи Мухйиддина Навави (да смилуется над ним Аллах), в труд под названием «Манхаджиль Туляб». Однако очень любимые и дорогие мне люди попросили меня написать к этой моей книге комментарий, в котором был бы раскрыт тайный смысл его слов, объяснено их значение и передана полноценно их суть. И с помощью Аллаха я ответил им, написав этот комментарий под названием «Фатх аль-Вахаб би шархи Манхаджи Тулаб». Я прошу всевышнего Аллаха принести этой книгой пользу всем, и только на Него я опираюсь!».

Книга «Фатх аль-Вахаб» получила огромную популярность среди мусульман, её начали изучать в Египте, Сирии, Йемене и других мусульманских странах. Она была издана даже в Дагестане в типографии «Мавраев» Мухаммад-Мирзой Мавраевым. По этой причине учёные обратили свои взоры к этой книге, начали писать к ней комментарии. Самые известные на сегодняшний день – это четыре комментария:

1. «Мифтах аль Баб» шейх аль-Ислама Мухаммада бин Ахмада аль-Абду-ль-Бари аль-Ахдаля,
2. «Хашияту-Буджайрими» Сулеймана аль-Буджайрами,
3. «Хашият аль-Джамаль» Сулеймана Джамала,
4. наконец, книга Нурудина Аз-Заяди «Хашияту Аз-Заяди».

Первые три изданы и очень популярны. Однако, к нашему большому удивлению, последний труд – комментарий Нурудина Аз-Заяди – всё это время пребывал в забвении, хотя по значимости ничем не уступает предыдущим. Нужно заметить, что предыдущие три книги в своих решениях ссылаются на комментарий Нурудина Аз-Заяди и часто цитируют его.

Из всех учёных, написавших комментарий к «Фатх

аль-Вахаб», предисловие к книге есть только у Сулеймана Джамала (да смилуется над ним Аллах). Ни Сулейман Буджайрами, ни Нуруддин Аз-Заяди не написали предисловий.

Говоря о значимости книги «Фатх аль-Вахаб», Сулейман Джамал пишет следующее: «Одной из лучших книг, которые были написаны по науке фикха, является комментарий к книге «Манхуджу Тулаб» шейх уль-Ислама Закарии аль-Ансари, подобного которому ещё никто не додумался написать, и никто не надеялся совершить такое. Она ослепила всех мудрецов. Он привёл в ней нечто удивительное, вложил огромный смысл в кроткие слова, приблизил далёкий смысл при помощи уточняющих слов. Она соперничает с энциклопедиями, хотя невелика по объёму, и бросает вызов сокращённым книгам своим богатым содержимым. Да воздаст Аллах автору за его труд полноценным благом, примет его работу и отблагодарит его.

Аллах оказал мне милость тем, что я вместе с достойными братьями прочитал эту книгу перед большими учёными».

Также Сулейман Джамал (да смилуется над ним Аллах) пишет, что при составлении своего комментария он опирался и на комментарии Нурудина Аз-Заяди: «В своём комментарии я часто ссылаюсь на комментарии Аз-Заяди и Ибн Хаджара...»

Вот через такую цепочку и таким образом была написана книга Нурудина Аз-Заяди (да смилуется над ним Аллах).

Книга Нурудина аз-Заяди

Можно выделить две отличительные черты книги Нурудина аз-Заяди:

1. эта книга, по мнению известного исследователя шафиитского мазхаба Мухаммада ибн Сулеймана аль-Курди (умер в 1194 г. х.) и других учёных, входит в число тех книг, из которых при разногласиях учёных выносятся фетва. В своей книге «Аль-Фаваиду Аль-Мадания» Мухаммад ибн Сулейман аль-Курди пишет: «По моему мнению, нельзя выносить фетву, противоречащую мнению Ибн Хаджара и Ар-Рамли, более того, не допускается противоречие тому, что они привели в своих книгах «Тухфат аль-мухтадж» и «Нихаят аль-мухтадж». Исключение делается для тех случаев, когда ни один из них не затрагивал вопрос, по которому необходимо вынести фетву. В таком случае фетва выносится на основании мнения шейх уль-Ислама Закарии Аль-Ансари, далее фетва даётся согласно словам Аль-Хатиба Аш-Ширбини, затем берутся слова Нурудина аз-Заяди, затем слова

«Хашия Ибн Касима», затем фетва даётся словами «Хашия Умайра», после него идёт «Хашия Аш-Шабрамалиси», затем «Хашия Аль-Халяби», далее идут слова «Хашия Аш-Шавбари», потом идёт «Хашия Аль-Инани»»;

2. в данной книге Нуруддин аз-Заяди делает тарджих (то есть отдаёт предпочтение) между мнениями учёных шафиитского мазхаба, особенно между мнением Ибн Хаджа Аль-Хайтами, который являлся его учителем, и мнением имама ар-Рамли.

Почему мы сделали акцент на Ибн Хаджаре и имаме ар-Рамли? Потому что шафиитский мазхаб прошёл пять этапов развития:

1. основание мазхаба;
2. передача мазхаба;
3. фиксирование и расширение второстепенных вопросов мазхаба;
4. период редакции мазхаба, которая была осуществлена двумя имамами – ар-Рафии и ан-Навави – в их книгах;
5. укрепление мазхаба, которое произошло благодаря усилиям двух великих факихов – Ибн Хаджара аль-Хайтами и Шамсуддина ар-Рамли.

Общее мнение Ибн Хаджара и ар-Рамли в вопросах, которые не были исследованы ранее, является фундаментальным в шафиитском мазхабе. Поэтому их разногласия играют очень важную роль в шафиитском мазхабе.

Таких мест, где Нуруддин аз-Заяди делает тарджих в той части книги, которую я исследую (то есть от начала до конца «китабу джаназа»), семьдесят одно. Приведём несколько:

1. в разделе о тех действиях, которые портят омовение, он приводит мнение Ибн Хаджара, согласно которому, если некто сообщит человеку, что его тронула женщина, или что он пустил воздух, когда спал мутамаккином (это положение, в котором человек спит сидя, устроившись ягодицами на земле так, что воздух не может выйти), он должен поверить в то, что ему говорят, и обновить омовение. Но Нуруддин аз-Заяди говорит, что согласно более весомому мнению в этом вопросе, он не должен обращать внимание на слова этого человека и, соответственно, не должен возобновлять омовение;
2. в разделе шариатских решений относительно женских выделений Закария аль-Ансари приводит мнение учёных, которые говорят, что женщины во время менструации нельзя трогать область между пупком и коленями мужа. Однако Нуруддин аз-Заяди говорит, что это дозволено, если муж разрешает жене трогать его;
3. в разделе о намазе Закария аль-Ансари приво-

дит мнения учёных, которые говорят, что хлопать в ладоши запрещено в Исламе, однако аз-Заяди, ссылаясь на имама ар-Рамли, говорит, что это не является запрещённым;

4. в разделе о желательных намазах Закария Аль-Ансари приводит мнение учёных, которые говорят, что таравих-намаз, совершаемый в месяц Рамадан, лучше ратибат-намазов, совершаемых до и после обязательных намазов. Однако аз-Заяди говорит, что согласно более правильному мнению, ратибат-намазы лучше, чем таравих-намазы;
5. в разделе о коллективном намазе он говорит, что согласно наиболее правильному из всех существующих мнений относительно людей, приписывающих Всевышнему Аллаху телесность (муджассима), не следует обвинять их в неверии;
6. также в разделе о коллективном намазе он говорит, что когда человек присоединяется к джамаат-намазу и видит, что ряд полон и ему необходимо попросить человека в ряду отойти назад, чтобы встать с ним в один ряд, он должен сначала вступить в намаз и только после вступления попросить человека отойти назад;
7. относительно поздравлений с началом нового года или нового месяца он говорит, что согласно более аргументированному мнению, это желательно;
8. также он отдаёт предпочтение праздничному намазу аль-азха перед праздничным намазом ид аль-фитр и говорит, что, согласно наиболее аргументированному мнению, намаз ид аль-адха лучше, чем намаз ид аль-фитр.

Стоит также отметить, что имам Буджайрами в своём комментарии к «Фатх аль-Вахаб» часто отдаёт предпочтение мнению Нуруддина аз-Заяди перед мнением его учителя Ибн Хаджара аль-Хайтами.

Заключение

С каждым днём интерес к наследию исламских учёных возрастает, исследуются и переиздаются книги величайших умов исламской уммы, одним из которых является Нуруддин аз-Заяди (да смилуется над ним Аллах). Труды Нуруддина аз-Заяди заняли такое почётное место в шафиитском мазхабе, что ни одна книга не обходится без ссылки на него. Надеемся, что мы не станем последними из тех, кто возродит наследие этого великолепного учёного, и что Всевышний Аллах поможет и примет это наше дело.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джаъфар бин Сайид Аль-Барзанджи. Ильтикатуль Дура мин натаиджи рихляти ва сафар. Дар аль-Кутуби аль-Ильмия. 2012. 592 с. (На араб. яз.)
2. Мухаммад бин Сулайман аль-Курди. Аль-Фаваид Аль-Мадания. Дар Ан-Нуру Ас-Сабах. 2011. 512 с. (На араб. яз.)
3. Ахмад бин Мухаммад аль-Хайтами. Аль-Фатава аль-Фикхияти аль-Кубра. Дамаск-Бейрут; Дар аль-Мактабату-ль-Исламия; 2002. 1944. (На араб. яз.)
4. Ахмад Майкари Шумайля аль-Ахдал. Сулямунь Мутааллимий Мухтаджи. Джидда; Дар аль-Минхадж; 2005 г. 712с. (На араб. яз.)
5. Имам Навави. Минхаджу Талибин. Джидда; Дар аль-Минхадж; 2005 г. 712с. (На араб. яз.)
6. Ибрахим бин Мухаммад аль-Баджури. Хашият аль-Баджури аля шархи Ибн Касим аль-Иззи. Джидда; Дар аль-Минхадж; 2016 г. 3251с. (На араб. яз.)
7. Сулейман Джамал. Футухатуль Вахаб. Дар аль-Фикр. 1998. 5 томов. (На араб. яз.)
8. Ибн Абидин Мухаммад Амин бин Умар аль-Ханафи. Раддуль Мухтар аля Дурри аль-Мухтар. Дамаск; Дар. Аль-фикр; 1992 г. 3620 с. (На араб. яз.)
9. Закария аль-Ансари. Фатхуль Вахаб. Дар аль-Фикр. 1994. 2 тома. (На араб. яз.)
10. Magomedov M.A. The formation of the main books of the Shaf'i madhhab and the importance of the book of Nuruddin al-Zayadi. Minbar. Islamic Studies. 2020;

© Магомедов Магомед Абдулгамидович (Alargavani@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Болгарская исламская академия

МЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСТВА

Некрасов Андрей Сергеевич

К.п.н., доцент, Российский университет транспорта
sinekrasov@mail.ru

MENTAL FOUNDATIONS OF CREATIVITY

A. Nekrasov

Summary: The purpose of the article is to analyze the significance of mentality as the foundation of a national character in the realization of the creative potential of man and society. The article discusses such components of the mentality as archetypes, the national idea, the soul of the people, natural factors, the genetic foundation, the mental code, each of which carries its own functional load, and the mentality as a multi-level phenomenon manifests itself on the virtual and essential levels.

Keywords: mentality, archetypes, ethnopsychology, national idea, national-ethnic community, soul of the people, natural factors, image, mental code.

Аннотация: Целью статьи является анализ значения ментальности как фундамента национального характера в реализации творческого потенциала человека и общества. В статье рассматриваются такие составляющие менталитета как архетипы, национальная идея, душа народа, природные факторы, генетический фонд, ментальный код, каждое из которых несёт свою функциональную нагрузку, а менталитет как многоуровневый феномен проявляется на виртуальном и эссенциальном уровнях.

Ключевые слова: менталитет, архетипы, этнопсихология, национальная идея, национально-этническое сообщество, душа народа, природные факторы, образ, ментальный код, национальный характер.

Понятие менталитета исследованиями интерпретируются по-разному. Анализ многочисленных его определений даёт основание выделить в них три подхода: как «образ мышления народа» (рационалистическое направление), как «психический склад», «национальная психоструктура» (психологическое направление), как мировоззренческие проявления духовной жизни народа, матрица мировосприятия и миропонимания (комплексное направление).

Ментальными характеристиками обладают народы, эпохи, индивиды как представители этнических общностей, которые представляют собой исторические ценности довольно длительное время, накапливая определённые черты, проявляющиеся в их внутреннем субъективном мире и поведении.

Являясь проявлением исторической целостности, менталитет любого этноса постепенно проходит следующие стадии: становление психологических архетипов как фундамента характеристик этноса, сохранение закреплённого проявления психики и поведения этнической общности в языковой, культурной и нравственной форме при наличии некоторых их модификаций; формирование этнического самосознания и закрепление его на уровне подсознания (в виде «души народа» и «национального характера») или рационально-осознанных идей («русская идея»).

Конкретному человеку ментальность этноса и эпохи даётся генетически в виде целой структуры этнопсихологических задатков, которые в культурно-исторической среде развёртываются, проявляясь в его поведе-

нии и деятельности. Менталитет по своему содержанию на уровне индивида выступает феномен психики и поведения и проявляется в виде эмоций, установок, автоматизму реакций и поведения, иначе его можно определить как этнокультурный код, который зафиксирован в национальном языке, традициях, фольклоре и т.п.

Если понятия духовность и мировоззрение отражают проявления человеческого духа (хотя каждое из них имеет разную природу и несут реальный смысл), то менталитет является специфической формой духовности, несущей национально-этническую особенность.

Духовность – это сфера проявления идеального во всех его проявлениях или высшая форма человеческого бытия, имеющая три уровня – виртуальный, эссенциальный и трансцендентальный, которые выражаются в подсознательных, сознательных, сверхсознательных (психологических и интеллектуальных) субъективных образованиях.

Мировоззрение – это целостный, системный взгляд человека на мир, который регулирует его отношения в виду философско-рационального мышления и иррациональных проявлений его деятельности. Другими словами, мировоззрение – это «застывшая духовность», это обобщённый дух эпохи. И если мировоззрение – застывшая духовность, то менталитет – это первично глубинное основание духовности (его виртуальное начало), т.к. оно основано на психических и культурных архетипах, которые на подсознательном уровне спонтанно-непосредственно регулируют действия человека как представителя этнической общности. Если мировоззрение

рационально, то менталитет – это внерациональные образования, где закрепляются и вербализуются стереотипы бытия национально-этнических сообществ.

Философский смысл духовности состоит в её интегрирующем назначении объединять разделённые во времени и пространстве культурные достижения этноса, концентрируя их в человеческих проявлениях и в определённых типах духовности [10]. Мировоззрение как философская категория, отражающая рациональную дифференциацию человечества на общности, а философский смысл понятия менталитет заключается в закреплении генетически обусловленных стереотипов бытия человека как представителя этнической общности (что отождествляет его с общностью) и проявляется в его поведении. Менталитет – феномен жизни народа, это форма национально-этнической дифференциации в обществе, которая отражает специфику этнических, материальных и духовных, культурно-деятельностных проявлений, а также отношения этнических общностей к людям, к миру, к природе, к другим народам и к самому себе.

Менталитет как духовное явление имеет многоуровневый характер. Составляющими менталитета являются: психический склад народа (нации), национальный характер, национальное самосознание, которые проявляются на виртуальном и эссенциальном уровнях.

Одна из характеристик менталитета – понятие «душа народа» как проявление национального характера в его стереотипах поведения и типических реакциях. Как отмечал Н. Бердяев, это «неуловимый остаток», в котором скрыта «тайна национальной индивидуальности». Душа народа – это динамика типических проявлений в повседневной жизни этноса и каждого человека. Одной из его характерных черт является антиномичность, которая предполагает, что нет абсолютно положительных или отрицательных национальных ментальных общностей. Это скорее единство противоположностей, которые в определённых ситуациях проявляется тем или иным образом [2].

Как утверждал Н.О. Лосский, противоположности есть у всех народов, но они проявляются у каждого народа своеобразно и важно увидеть, какие из них первичны, а какие производны [7; 8].

Основой менталитета, по мнению автора статьи, выступают философское мировоззрение (или религиозное верование), народные знания (обычаи, традиции, обряды, устное народное творчество, народное искусство) и другие духовные явления в их национально-этническом оформлении. А в явлениях материальной культуры народа – это национальные формы хозяйственной деятельности, условия быта, характер поселения, народная

архитектура, одежда, питание и др. Связующим звеном между материальной и духовной культурой этноса выступают семейные отношения, гражданский быт и политические традиции. Универсальным оформлением менталитета является язык как средство хранения и развития национального самосознания и духовности.

Ментальность этноса и человека тесно взаимосвязаны. Национальное самосознание – это внешняя сторона менталитета человека, рационально им осмысленная и вербально оформленная. Самосознание этнической общности проявляется как система концептуальных философских, культурологических, исторических позиций, в которых отражается исторический путь народа, его места среди других народов и пути будущего развития.

Центральное место в национальном самосознании занимает национальная идея, которая наиболее полно отражает мироощущение и мировосприятие народа. Первой попыткой изложения «русской идеи» была концепция «Москва – третий Рим», которую в послании царю Василию III сформулировал монах псковского монастыря Филофей. Согласно этой концепции, Москва (т.е. Русь) должна после двух столиц мировых империй (Рима и Константинополя) взять на себя духовную миссию, т.е. вывести человечество на светлый путь, опираясь на духовно-нравственные основы христианства [1]. Вся русская религиозная философия будущих времён пыталась выполнить эту миссию – показать пути выхода человечества к эпохе Богочеловечества.

В основе национальной идеи на уровне индивида лежит самосознание, которое представляет собой осознание им своей принадлежности к этнической общности (т.е. эмоциональное, ценностно-ориентированное и рациональное отношение к нему). Индивидуальное национальное самосознание выражается в знаниях, эмоциональных оценках явлений, в типических чертах характера и др. Национальное самосознание проявляется в чувстве национального достоинства в памяти о предках, в привычных эмоциональных формах мышления.

Ментальным кодом социально-значимой информации является образ, который переживается человеком в качестве находящегося вне его психики предмета материального мира. Объясняя это свойство образа, А.Н. Моисеев писал: «В образе нам даны не наши субъективные состояния, а сами объекты» [6, с. 44]. Для субъекта образ как бы наложен на вещь. Образ – это копия объекта или возникающее в психике изображение объекта. Образ – это форма визуального выражения информации о предмете, переживаемая человеком в качестве реально существующего объекта.

Образ, являясь способом восприятия мира в обыденном коллективном сознании, выступает закодирован-

ной сущностно-значимой для человека информацией. Он формируется при помощи множества социальных механизмов: общественного мнения, национальных традиций, архетипных стереотипов, идеологических ориентаций и др.

Благодаря выразительной силе образы «правят обществом, придают людям «правильный» образ действий, задают стандарты поведения, соответствующие принятым в данном социуме культурным установкам.

Будучи высокоорганизованными ментальными структурами, образы не только отражают социальное бытие, но одновременно запечатлевают его в качестве кодов значимой для этноса информации.

Образы раскрывают социальную направленность моделируемой социокультурной парадигмы уже на ранней стадии её становления, поэтому выполняют предпосылочную функцию.

Образ, как руководящая идея (императив) представляет собой идеальную форму, которая превращается в установку социокультурного мышления и средства рационального осмысления социальных проблем.

Образ – идеал, образец, особая мыслительная (ментальная) модель, включающая в себя комплекс представлений общественного сознания о наиболее желаемых, предпочтительных формах социальной жизни. Образ – это цель, выступающая в виде мысленного предвосхищения идеально желаемого результата или предназначения любого вида человеческой деятельности.

Теоретический анализ особенностей менталитета необходим для определения путей дальнейшего развития общества, то есть, каким образом можно использовать духовные национально-этнические ресурсы народа и реализацию творческого потенциала общества и каждого его представителя [4].

Творческий потенциал общества определяется, прежде всего, существующим генетическим фондом населения, физическим здоровьем и его умственными задатками, а также социальными условиями для реализации интеллектуальных и профессиональных возможностей населения.

Если говорить о мировоззренческих особенностях русского народа, то в нём специфически срослись дохристианские, языческие и мифологические представления с обрядностью византийского христианства. Господство восточного православия на протяжении тысячелетия легло основу формирования ментальных особенностей русского народа. Сюда можно отнести терпимость, выносливость, добродушие, широту души,

умение концентрировать все свои силы для реализации цели, стремление к новации в быту и творчестве, а также вера в «отца» народа и его политику, что становилось идейной основой для формирования тотальных режимов.

Культура как сущностная основа менталитета охватывает как творческие, так и нетворческие моменты. Вступая во взаимодействие с ментальными особенностями, культура участвует в трансформировании витальных задатков этноменталитета в процессы культивирования, закрепляя их в определённом типе культуры.

Творческая роль культуры во взаимодействии с менталитетом проявляется в том, что она способствует осознанию глубинных ментальных особенностей и оформлению их в виде благоприятных для распространения и усвоения феноменов культуры. Через культуру ментальные установки осознаются, корректируются и становятся частью народной души. Культура как основа человеческой жизнедеятельности становится её творческим компонентом по корректировке содержания ментальности, связывая старое и новое, традиции и современность, наследие и утопии.

Отличие направленности творчества на создание вещей внешнего мира в западноевропейской культуре от особенностей творческого потенциала русского народа, направленного в сторону развития внутреннего духовного мира, проявляясь в самоуглублённости, самопостижимости субъекта творчества. Отсюда индивидуализм русского человека коренным образом отличается от индивидуализма западного европейца большими проявлениями самостоятельной ответственности, инициативности. Причём, в менталитете русского народа общественное превалирует над личным, коллективное над индивидуальным, развитию «вширь» – развитие индивида «вглубь».

В концентрированном виде черты русского национального характера, сфокусированные в менталитете, выделяют женское начало, отодвигая мужское. Иначе, русский характер непредсказуем как женщина, а его духовные качества представляют собой национальные формы воплощения творческого потенциала человека и общества.

Природный фактор играет большую роль в менталитете любого народа, формируя образ жизни, психические реакции, физическое строение, которые воплощаются в составляющих менталитета. Так, суровый климат России обусловил такие черты россиян как психологическую замкнутость, мужество, сдержанность. Природные условия влияют на глубину и скорость реакций при разных жизненных ситуациях. Так, психологи, изучая количество движения за один час у представителей разных

национальностей: самые подвижные – мексиканцы (180 движений), самые медлительные – финны (1 движение), а англичане вообще не сделали ни одного движения [5].

Русский менталитет имеет свои особенности. Как отмечал Н. Бердяев, в русской культуре пространство и время становятся средством сплочения людей вокруг родной земли и дома. Русский менталитет своими корнями связан с географическими условиями, поэтому россияне не подавляют огромные пространства и непредсказуемый климат.

Влияние менталитета на творческие ресурсы русских людей заключается в таком национальном характере как трудолюбие, способность терпеливо, кропотливо выполнять работу, стремление делать всё добросовестно и своими руками, благоразумие. Эти черты дают пространство для деловой направленности, ограничивая то, что этому мешает. Непредсказуемые природные и социальные условия способствуют искать выходы из них, что стимулирует творческую активность русского человека, умение нетрадиционно, по-новому, решать проблемы.

Особенно важным элементом национального самосознания является национальная идея, которая выступает его основанием, стержнем, что направляет развитие нации, концентрируясь в национальной идеологии [9].

Большую роль в активизации творческих проявлений менталитета играют социально-культурные факторы, так как они способны определить не только сущность, но и формы жизнедеятельности народа, а также уровень и степень развития творческого потенциала. Социально-культурные факторы обуславливают создание, существование и воспроизводство духовных ценностей, духовного бытия, концентрируясь в духовной культуре народа и нации. Творческий потенциал человека – необъемлемая часть национальной культуры, так как культура «живёт» и проявляет себя в творчестве. Национальная культура пронизывает все «этажи» (уровни) творческого потенциала (телесные, психологические, интеллектуальные, побудительно-мотивационные, с одной стороны, а также виртуальные, эссенциальные, трансцендентальные – с другой) [11]. Творческий потенциал человека в значительной степени взращён мен-

тальными особенностями национальной культуры. Национальное развитие любого народа вплетено в более общие исторические процессы. С развитием цивилизации происходят глубинные изменения в обществе. Это, прежде всего, связано с процессом урбанизации – повышении роли города и уменьшение значения села в развитии общества. Процесс урбанизации болезненно сказывается на сельских жителях, которые, по своей сути, и являются реальными носителями традиционных черт национальной культуры и ментальности. Городская среда денационализирует людей, усредняя их, порождая в массовых масштабах маргинальность, основанную на оторванности людей от привычной культурной среды, от исторических национально-ментальных корней [3].

Маргинал имеет двойственную природу: он несёт в себе одновременно и разрушительные и творческие тенденции, обеспечивая избавление от старых традиций и создание новых духовных ценностей. Теоретическое осмысление традиций и современности в формировании национального самосознания и её ядра – национальной идеи – осуществляет национальная интеллигенция, большая часть которой составляет маргинализованные защитники национальной культуры. Сегодня, на переломных этапах истории, именно национальная интеллигентная элита (интеллигенция) должна ответить на вопросы, что в ментальных традициях навсегда потеряно, а что ещё можно возродить, что использовать для дальнейшего развития нации.

Сегодня ментальные черты приобретают новые формы существования: наряду с традиционной ментальностью формируются новые искусственные идеологические конструкции – искусственная мифологизация культурно-ментального пространства, романтизация традиций, которые этого не заслуживают, превращая национальную жизнь в национальную утопию (типа коммунизма). Нормальный ход развития нации – это укоренение положительных черт ментальности и возрождение национального самосознания и жизнедеятельности отдельных представителей нации. Если же сосуществование реальной (традиционной) ментальности и её рационально-осознанных форм ведут к разрыву связей между ними, то, в конце концов, такие условия могут привести к затуханию творческих сил нации [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Д. Новый и Третий Рим: Византийские мотивы России / Д. Абрамов, Д. Климентьев. М.: Алгоритм, 2015. 399 с.
2. Бердяев Н. Самопознание: учение Бердяева с комментариями. М.: АСТ, 2018. 319 с.
3. Бобер Ж. Маргинальность в социокультурной системе. СПб.: Политех-Пресс, 2019. 340 с.
4. Войтов А.Г. Менталитет: идеи, идеальное, идеология, идеократия, идейность: монография. 3-е изд., перераб. М.: Дашков и К°, 2019. 391 с.
5. Клизовский А.И. Основы миропонимания новой эпохи: М.: Эксмо, 2011. 877 с.
6. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 431 с.

7. Лосский Н.О. История русской философии. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 603с.
8. Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Посев, 1957. – 151с.
9. Национальная идея России: монография / Б.А. Аникин, О.Б. Аникин, В.В. Ефимова и др. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2019. 324 с.
10. Некрасова Н.А. Духовность: сущность и проявление: монография / Н.А. Некрасова, С.И. Некрасов. М.: Полиграф сервис, 2014. 139 с.
11. Чаплыгин А.К. Моя Сковородиана: монография. Харьков: Лидер 2015. 282 с.

© Некрасов Андрей Сергеевич (sinekrasov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Российский университет транспорта

О НАПРАВЛЕННОСТИ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Питик Глеб Владимирович

Аспирант, Сочинский государственный университет,
г. Сочи
gweldanobaith@yandex.ru

ON THE DIRECTION OF THE PROCESS OF CULTURAL AND HISTORICAL DEVELOPMENT

G. Pitik

Summary: The subject of this article is the concept of linear evolution in the process of cultural and historical development. The research was carried out on the basis of the historiographical concept of A. Blajenogo - the founder of this unitary trend in the historical studies. A comparative analysis of existing concepts is carried out, general principles are identified, the difference between these concepts and the concepts of local civilizations is shown.

Keywords: meaning of history, historiography, linear concept, Aurelius Augustine, progressive concept, history.

Аннотация: Предметом исследования данной статьи явились концепции линейной эволюции культурно-исторического процесса. Исследование особенностей данных концепций проведено на основе историософической концепции А. Блаженного, как основоположника данного унитаристского направления изучения истории. Проведен сравнительный анализ существующих концепций, выявлены общие принципы, показано отличие данных концепций от концепций локальных цивилизаций.

Ключевые слова: смысл истории, историософия, линейная концепция, Аврелий Августин, прогрессивная концепция, история.

Линейные (другие названия: прогрессистские, стадийно-поступательные) концепции эволюции занимают значительное место среди взглядов на культурно-историческое развитие. Несмотря на то, что они различны между собой в некоторых аспектах, в содержательном плане они во многом совпадают. В частности, для них характерно то, что культурно-исторический процесс — это поступательный процесс перехода от одного типа культуры к другому в виде направленной прямой, от чего-то более простого к чему-то более сложному.

Линейная модель развития культуры, таким образом, — это «представление о восходящем, поступательном развитии истории, переходе общества от низших менее совершенных форм жизни к более совершенным» [2]. Модель исторической типологии культуры появилась в ветхозаветном сознании, на основе которого сформировалась христианская (так же как и иудаистская, и мусульманская) историософия. Линейная перспектива культурно-исторического процесса проходит через всё средневековье и трансформируясь, дополняясь и видоизменяясь обретает себя в виде разнообразных версий теории прогресса (от гегельянской до позитивистско-эволюционистской) и существует до наших дней.

Отдельно стоит отметить, что в рамках линейных концепций существует глубоко родственная им и неотделимая от них спиралевидная концепция. В ней линейное развитие общества может осуществляться в двух направлениях — прогрессивном («вперёд») и регрес-

сивном («назад»). Это дихотомия, в которой одно из вышеуказанных направлений в определённые культурно-исторические этапы, занимает главенствующую роль по отношению к другому. Их единство же проявляется в двух вещах. Первое, это то, что культурный прогресс общества не может быть постоянным, обычно он сопровождается различного рода стагнациями. Второе, что однозначный прогресс в одних сферах общественной жизни сопровождается потерями или регрессом в других. Поэтому любое культурно-историческое событие (изменение) с одной стороны может представляться как прогрессивное, а с другой — как регрессивное. «Относительность понятий «прогресс» и «регресс» проявляется также в том, что прогресс противоречив, он может включать в себя и состояния стагнации, и регресса» [2; 102].

Всестороннее и глубокое осмысление идей линейной эволюции исторического и культурного процесса произошло в трудах ученых XIX-XX вв. Среди них особое место занимают «марксистская концепция исторического развития», разработанная К. Марксом и концепция «осевого времени» К. Ясперса. Несмотря на то, что К. Ясперс выступал с критикой идеи марксизма, тем не менее обе эти концепции имеют ряд общих принципов. Это принцип единства культурно-исторического процесса, признание исторических закономерностей, принципы детерминизма (существование причинно-следственных связей в развитии) и прогресса.

Представители «теории локальных цивилизаций» О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, отрицали един-

ство культурно-исторического процесса, преемственность в развитии культуры, смысл истории. Отрицая мировую культуру, они, признавая существование локальных культур, не связанных между собой.

Подводя итог сказанному выше, можно сказать, что линейные концепции культурно-исторического развития основываются на том представлении, что человечество развивается от старого к новому, от низшего к высшему с последовательным нарастанием совершенства в результате культурного прогресса. Линейные концепции признают итоговую и промежуточные цели и смысл культурно-исторического развития.

Существует немало современных концепций линейной эволюции. Современные взгляды и представления имеют общие и повторяющиеся черты, что позволяет их классифицировать. Однако, исключительная роль в осмыслении культурно-исторического процесса принадлежит средневековым концепциям линейной эволюции, которые заложили основы подобного взгляда на культурологический процесс.

Аврелий Августин (354 – 430 н.э.) - один из наиболее выдающихся христианских теологов и философов в своей концепции отражает совокупность взглядов на историю и процесс эволюции культуры, сложившихся в средневековом европейском сознании. Бог занимает центральное место в концепции Августина.

Основным трудом Августина Блаженного, отражающим его взгляды на историю и философию, считается его работа «О граде Божьем». В первую очередь, она интересна тем, что в ней, впервые в более или менее выраженной форме вся история и культура человечества представлена как один единый процесс. Исходя из этого, можно сказать, что Августин Блаженный стоит у истоков унитаристского понимания истории. Соответственно, им был поставлен вопрос не просто о причинах исторических событий, а о движущих силах культурно-исторического процесса и предложено своеобразное его решение.

Философия Августина возникает как симбиоз христианских и древних учений. Из древних античных философских доктрин центральным источником для него выступал платонизм, который он знал в основном так, как его излагали неоплатоники. Христианской же основе своего учения Августин определял большое значение.

Учение Августина Блаженного определило духовную основу средневекового мышления, чье влияние распространилось на всю христианскую Западную Европу. Авторы писавшие труды в период патристики не выказали такой глубины мысли, которой отмечается учение Аврелия Августина. Он и его ученики, и последователи

в религиозной философии, определённо считали познание бога и божественной любви единственной полной подлинного смысла ценностью человеческого духа. Философии Августина Блаженного суждено было не только определить, но и разрешить многие проблемы, что не будут актуальными в большой науке ещё несколько столетий.

Развивая идею прогресса, Августин делил культурное развитие и историю человечества на этапы, соотнося их с «возрастами человека». Каждый из этих этапов имел определённые границы и демонстрировал движение и развитие человечества на своём пути к богу. Несмотря на то, что сам Августин считал такое деление «символическим», оно было одной из первых попыток периодизации человеческой истории и культуры, выполненной на основе библейских текстов.

Христианская картина мира в трудах Августина Блаженного основана не на наблюдаемости, а на вере как центральной и единственно верной ориентации человека в мире. Здесь важно понимание контраста между изначальной и всеобщей божественной красотой мира, и весьма мрачными современными реалиями мира. Такое полное тягот бытие земной жизни – следствие грехопадения человечества и вся его история, это поиски искупления. Человек представляется частью природы, равно как и чуда творения и противоречивое единство этой природы является источником греха. Грех, это следствие свободной воли, вещь, зависящая больше от морали, чем от «телесного», как самого по себе. Злоупотребление свободной волей и есть настоящий, подлинный грех.

Здесь ярко представляется основная цель учения Августина Блаженного – спасение всего человечества через Боговоплощение. Таким образом жизнь и смерть Иисуса Христа – основной момент священной истории человечества. Догматы веры не отчуждены от истории и культуры как процесса, а способны раскрыться в событиях человеческой истории. Смысл многих событий и спорных вопросов Августин Блаженный пытается раскрыть в понятиях трансцендентных: «Человеческая драма в этой схеме – это драма борьбы Бога и Дьявола, веры и неверия. События, происходящие в истории не включены в некий ритм Вселенной, а человек там не главный актер. Главное здесь – отношения человека с Богом» [1]. Провиденциализм таким образом становится основной идеей историософии Августина.

Бывший ранее всемирным «языческий миф» по Аврелию Августину, лишает культурно-историческое событие и само явление времени определенности, деисторизирует его. В христианстве же центральную роль занимают акты проявления вневременного во времени. История, так же, как и культура – процесс универсальный, провиденциальный, линейный, внутренне расчленённый,

эсхатологический, в котором присутствует и чётко проявляется конечная цель. «Священное Писание» в этом случае содержит наиболее точную историческую картину и даже предсказывает будущее.

Государство и всё политическое не являет для Августина Блаженного окончательной важности. Самое важное для него это борьба между верой и неверием, персонификацией которых служат два «града», как следует из его учения – «община благочестивых» и «община нечестивых». Центральную роль принимают на себя понятия естественного рождения и духовного возрождения. «Град неба» и «град земной» во взглядах и учении Августина Блаженного — это и приземлённые и мистические общности.

То, как следует относиться к государству у Аврелия Августина, зависит от того, какую роль оно играет в деле спасения человеческой души. Само явление государства – результат грехопадения Каина. Конечная цель государства – справедливость, однако там неизбежно существуют проявления насилия. Мир нельзя сохранить без государства, и оно должно помогать нести Евангелие. Церковь в этих взглядах – земное воплощение «Града Неба», но «община благочестивых» отдаёт дело своей защиты государству. В трудах Августина Блаженного учение о «двух градах» занимает значительное место.

Линейность исторического и культурного процесса согласно учению Аврелия Августина, придают течению времени три космические точки «Священной истории»: Творение – Воплощение – Второе Пришествие. Ему явным представляется тот факт, что конец был задуман в начале. Здесь линейность пришла на смену идеи «круговорота» в Античности. Круг представляется символом вечного пленения, что вступает в конфликт с идеей спасения. В «священной истории» каждое событие случается лишь один раз и содержит лишь одно значение. Конец же в этой системе предполагает холистические ожидания тысячелетнего царства Христа после Второго Пришествия. Верующий должен ощущать и воспринимать время эсхатологически, не прекращая ожидать «конца времени». «Пассивная вера превращается в деятельную энергию верующего. В конечном счёте история — это линия, намеченная пунктиром» [1].

Таким образом, философско-историческая концепция Августина Блаженного интересна тем, что она одна из первых представила концепцию линейной эволюции человеческой культуры, явленной во всемирно-историческом масштабе. Учение Аврелия Августина давало возможность многоаспектного раскрытия и понимания культурологических изменений общества, отражающего полноту целостной и сбалансированной христианской жизни, оказав мощнейшее воздействие на всю последующую христианскую мысль и концепции линейной эво-

люции исторического процесса.

Исходя из вышесказанного, можно выделить ряд принципов, характерных как для его, так и для последующих концепций линейной эволюции культурного и исторического процесса:

- принцип различения прошлого, настоящего и будущего времени жизни;
- принцип устремленности к некоему желанному состоянию, который определяет смысл всего предшествующего развития;
- принцип кумулятивного характера человеческой деятельности, который формирует новое качество жизни.

Проведённое нами исследование историософских взглядов Аврелия Августина показало, что в пределах религиозных воззрений сформировались основные концепции и проблемы исторической науки. Во-первых, это вопрос о глубине и смысле земной (человеческой) истории. С позиций христианства смысл истории заключается в поступательном движении человечества к Богу, в ходе которого создаётся свободная человеческая личность, изживающая свою зависимость от природы и заданных ею условностей (потребностей и страстей), приходящая к познанию финальной истинны, данной человеку в Откровении. В этом смысле человек представляется уже как продукт собственного исторического развития, а не сила природы, подвластная судьбе и слепой стихии, как это было в античной истории. Эмансипация человека, превращение его в мыслящего исторического деятеля – центральное содержание культурно-исторического процесса, как он представляется в христианстве.

Во-вторых, это вопрос о начале и конце истории. Начиная отсчёт истории человечества от грехопадения Адама и Евы (включая последующее изгнание из рая), христианская историософия подчёркивает качественное различие между первобытным бытием и исторической жизнью человека. Внимание сосредотачивается на хронологической стороне культурно-исторического процесса, без чего невозможна история как наука. Идея о конце истории, сроки которого недоступны человеческому разуму, имеет научное значение в том плане, что определяет запрет на попытки предсказывать будущее, направляет культурно-историческое познание на область реальных фактов и тенденций.

В-третьих, это вопрос о внутренней структуре процесса культурной эволюции, закономерно направленного на движение через определённые ступени, которые позднее были определены как ступени культурно-исторического прогресса человечества на пути к свободе.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что христианская историософия оставила культурно-

исторической науке в наследство идею единой всемирной истории, которая вершится под влиянием универсальных закономерностей, единых для всех народов, включённых в историческую жизнь. Тот факт, что разные народы живут в разном культурном и историческом времени, объясняется разными сроками принятия христианства, в связи с чем выделяется основная линия истории. На ней находятся христианские народы и тупиковые ветви, что пролегают по языческой периферии христианского мира.

Приверженцы линейных исторических концепций (Маркс, Бердяев, Гегель и др.) рассматривают историю и культуру как планомерную, поэтапную организацию какой-либо идеи. Это может быть и идея саморазвития мирового духа (в философии истории Гегеля), эмансипация

человека (в концепции Маркса) или идея восхождения человека к Богу в христианских исторических концепциях. Исходя из общетеоретических обоснований, линейные исторические концепции можно, таким образом, разделить на рационалистические и христианские.

Связь духовного и естественного в культурно-историческом процессе составляет центральную проблему рационалистической концепции истории. Философия истории Гегеля и исторический материализм Маркса представляют собой два крайних решения этой проблемы. Но в обоих случаях основные положения этих идей сохраняют свою силу, а различия, несмотря на их глубину, имеют частный характер. И Маркс, и Гегель стоят на точке зрения, что история универсальна, в ней действуют общие и объективные по характеру закономерности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов В.В. Средневековая философия. М.: Высшая школа, 1979.
2. Ильин В.В. Философия. Учебник. М.: Проспект, 2018.
3. Глазков А.П. Эсхатологическая историософия и ее онтофеноменологическое измерение. Монография. М.: НИЦИНФРА-М, 2013.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: ИПЛ, 1991.
5. Блаженный Августин. О Граде Божием. Минск, 2000.
6. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.1 Образ и действительность. Минск.: Поппури, 2019.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Delibri, 2015.

© Питик Глеб Владимирович (gweldanobaith@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Пугин Владислав Борисович,

*К.ф.н., доцент, Северный государственный медицинский университет
vbpugin@yandex.ru*

CONCEPTS OF SOCIAL CAPITAL: HISTORIC BACKGROUND AND PRESENT TIME

V. Pugin

Summary: The article discusses various concepts of social capital. The author analyzes various approaches set out by James Coleman, Pierre Bourdieu, Robert Putnam and shows similarities and differences of these theories. Particular attention is paid to the need of developing a holistic understanding of this phenomenon. That is especially important now, when human civilization is in serious danger. It is essential to establish common standards of interaction for all of humanity, which, according to the author, can be done relying on universal values and the paradigm of systemic hedonism.

Keywords: social capital, trust, tolerance, systemic hedonism, sociology, interaction.

Аннотация: В статье рассматриваются различные концепции социального капитала. Автор анализирует различные подходы к данному понятию: Джеймса Коулмана, Пьера Бурдьё, Роберта Патнэма. Показываются сходства и различия данных концепций. Особое внимание уделяется необходимости выработать целостное понимание данного феномена. Это особенно актуально сейчас, когда цивилизация сталкивается с серьезными социальными, экономическими, экологическими угрозами. Важно установить единые нормы взаимодействия для всего человечества, что по мнению автора можно сделать на основе общечеловеческих ценностей и парадигмы системного гедонизма.

Ключевые слова: социальный капитал, доверие, толерантность, системный гедонизм, социология, взаимодействие.

Предтечи идей о социальном капитале восходят к исследованиям XVIII века. Появление этого термина связано с разработкой методологических подходов «к капиталу человеческих ресурсов, общественных взаимоотношений, норм и ценностей» [3, С.116], что нашло свое отражение еще в классической политической экономии А. Смита и Д. Рикардо. Необходимость данного термина была связана с развитием капиталистических отношений, расширением производства, необходимостью сотрудничества и взаимопонимания как между отдельными людьми, различными группами, так и государствами в целом. Как отмечается в работе Н.В. Горбуновой, «социальный капитал позволяет индивидам, группам и сообществам проще решать коллективные проблемы. Нормы взаимной ответственности и взаимосвязи помогают обеспечить соответствующее требованиям коллектива поведение. В отсутствие доверия и взаимосвязей, обеспечивающих взаимные уступки, индивиды не станут сотрудничать, потому что не будет уверенности в аналогичном поведении других участников» [3, С.118].

Научное понятие социального капитала ввел Л. Дж. Ханифан в 1916 году. Он был убежден в необходимости налаживания связей между индивидами, которые составляют социальную единицу [8].

Современное понимание этого термина начинает формироваться лишь во второй половине XX века. В представлении Дж. Якобсона социальный капитал представляет собой сеть соседских отношений; Г. Лоури рас-

сматривает его в контексте рынка труда; Ф. Фукуяма – в свете взаимодействия и взаимоотношений в социуме, которые фундируются признанием чести и достоинства каждого субъекта социальных отношений. В работах М.М. Грейбила социальный капитал выступает как фактор благосостояния, как связи, а также признанные нормы, ценности и понимание, которые способствуют взаимодействию внутри или между группами. Н.В. Горбунова рассматривает социальный капитал как одну из форм культурного капитала.

Несмотря на огромное разнообразие представлений о рассматриваемом феномене, можно выделить три наиболее полных междисциплинарных концепции социального капитала: Пьера Бурдьё, Роберта Патнэма, Джеймса Коулмана.

По мнению П. Бурдьё, природа социального капитала носит внеэкономический характер и «предполагает трансформацию устойчивых отношений, таких как соседство, отношения в коллективе коллег и даже родственные связи, в отношения, являющиеся необходимыми и выбранными, которые предполагают длительные субъективно эмоциональные обязательства (чувства благодарности, уважения, дружбы и т.д.)» [2]. Главный акцент делается на отношения между индивидами, включенными в социальные группы, то есть, согласно П. Бурдьё в основе социального капитала лежит личностный аспект.

Р. Патнэм в исследованиях социального капитала

выявляет два взаимосвязанных аспекта: структурный и культурный. С точки зрения структурного аспекта главное внимание уделяется разнообразным социальным сетям, благодаря которым возможно взаимодействие между людьми. Культурный аспект рассматривает формирование определенных норм поведения, которые обеспечивали бы взаимное доверие участников социальных отношений, регулировали их бесконфликтное взаимодействие как при личном, так и при сетевом общении. Одним из критериев культурной составляющей социального капитала, по мнению Р. Патнэма, является равноправие граждан, их «горизонтальные связи» [6, с. 115], на основе которых осуществляется целостность и устойчивость социальных систем. Главная идея состоит в том, что на основе социального взаимодействия люди так или иначе сами выбирают такие линии поведения, которые будут давать возможность каждому отдельному индивиду гармонично вписываться во взаимодействие всех членов социальной единицы, внутри которой это взаимодействие осуществляется. При этом необходимо соблюдать сбалансированный взаимный обмен, основывающийся «на эквивалентных ценностях, тогда как обобщенный обмен – на постоянных отношениях и взаимных ожиданиях эквивалентности обмена» [6, с. 207]. Таким образом, по Р. Патнэму, главное в социальном капитале – нормативные правила, вырабатываемые участниками социальных отношений.

Концепция Дж. Коулмана сформулирована в рамках функционального подхода, в котором социальный капитал рассматривается через призму различных функций. Тем не менее, несмотря на их разнообразие все они характеризуются двумя общими свойствами: «во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и, во-вторых, облегчают определенные действия лиц внутри структуры, будь то индивид или корпорация» [4]. Социальный капитал по Дж. Коулману определяется как совокупность знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе взаимодействия между субъектами производственных или социальных отношений и в конечном счете представляет собой «некоторый набор общественных отношений, который минимизирует операционные затраты информации в пределах всей эконо-

мики» [4]. Другими словами, в концепции Дж. Коулмана внимание акцентируется на функциональном взаимодействии участников социальных отношений.

Любопытным является подход М. Блока и Н.А. Головина, которые попытались обобщить все вышеописанные концепции, в результате чего утверждают, что «социальный капитал возникает и увеличивается посредством взаимодействия участников социальных связей. Он создает основу для коллективных действий» [1, с.109].

Завершая обзор концепций социального капитала, отметим, что, для нашей страны эта проблема носит крайне острый характер. По мнению А.С. Селиной и Г.А. Чеджемова, «Россия испытывает острый дефицит социального капитала. Низкое доверие друг к другу, неразвитость социальных сетей подрывают способность россиян к самоорганизации и совместным действиям в общих интересах. Нехватка социального капитала компенсируется масштабным контролем бюрократии над экономикой и обществом. Все это является препятствием на пути формирования гражданского общества, без которого, в свою очередь, невозможно себе представить современное правовое государство» [8].

Одним из возможных путей решения данной проблемы для нашего государства может стать парадигма системного гедонизма, согласно которой каждый человек должен «гармонично вписываться в окружающий социум» [7, с.23]. Это возможно лишь на основе представлений об общечеловеческих ценностях, которые являются универсальными для всего человечества. В настоящее время в связи с распространившейся короновирусной инфекцией это особенно актуально не только для России, но и для всей земной цивилизации. И, как показывают современные события, государства начинают это осознавать и объединять свои усилия для преодоления пандемии. Преодоление такой сложной проблемы, несомненно, приведет к усилению взаимодействия между странами и различными нациями, что послужит новым стимулом для развития концепций социального капитала в современном социально – философском знании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. Вып.4. 2015. С. 99-111.
2. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60–74.
3. Горбунова Н.В. Социальный капитал как форма культурного капитала // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 11-2, 2005. С. 115-120.
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий [Электронный ресурс] <https://psycho.ru/library/3930> (дата обращения 21.04.2020).
5. Патнем Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995, № 4. С.77-86.

6. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
7. Пеньков В.Е., Волочков И.В. Парадигма системного гедонизма и исследовательская программа социальных процессов как методологический каркас для изучения общественных явлений // Общество: философия, история, культура. № 2 (70), 2020. С.20-24.
8. Селина А.С., Чеджемов Г.А. Социальный капитал в России и его влияние на социальные проблемы [Электронный ресурс] <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2019/06/Selina.pdf> (дата обращения 21.04.2020).

© Пугин Владислав Борисович (vbpugin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»



Северный государственный медицинский университет

ПОНИМАНИЕ КАК КОМПОНЕНТ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

UNDERSTANDING AS A COMPONENT OF COGNITIVE ACTIVITY AND CULTURAL COMMUNICATION

G. Trofimova
M. Terekhina

Summary: This article deals with the problem of understanding in scientific research and cultural dialogue. It is noted that the main factors that initiated the analysis of the problem were the facts of «incommensurability» of theoretical concepts in natural Sciences and Humanities. The problem of incommensurability in humanitarian knowledge also exists and is particularly relevant in connection with the expansion of the field of dialogue between cultures. Culture, as is known, is a special type of information process, a superbiological form of accumulation, storage and transmission of information. Cultural values, norms and patterns can become objectified only with the help of non-genetic sign systems, cultural texts. Language elements taken by themselves, without relation to the person and culture, have no sense. To understand the peculiarities of language aspects, it is necessary to study the culture in the field of which the language was formed. Language sign systems act as carriers of meanings. The authors come to the conclusion that understanding is the result of conceptual and linguistic communication, which needs logical understanding and rational control.

Keywords: understanding, meaning, meaning of language, idea of incommensurability, language communication.

Трофимова Галина Петровна

К.культурологии, доцент, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ
trofimova18.60@mail.ru

Терехина Майя Ивановна

К.ф.н., доцент, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ
m.teriohina@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема понимания в научном исследовании и культурном диалоге. Отмечается, что основными факторами, инициировавшими анализ проблемы, стали факты «несоизмеримости» теоретических понятий в естествознании и в гуманитарных науках. Проблема несоизмеримости в гуманитарном знании также существует и особенно актуализируется в связи с расширением поля диалога между культурами. Культура, как известно, выступает особым типом информационного процесса, надбиологической формой накопления, хранения и передачи информации. Культурные ценности, нормы и образцы могут стать объективированными только с помощью внегенетических знаковых систем, культурных текстов. Языковые элементы, взятые сами по себе, без отношения к человеку и культуре, никакого смысла не имеют. Чтобы понять особенности языковых аспектов, нужно изучать культуру, в поле которой язык формировался. Языковые знаковые системы выступают как носители смыслов. Авторы приходят к выводу о том, что понимание является результатом понятийно-языковой коммуникации, которое нуждается в логическом осмыслении и рациональном контроле.

Ключевые слова: понимание, значение, смысл языка, идея несоизмеримости, языковая коммуникация.

Важнейшей основой существования и жизнедеятельности социума и культуры является коммуникация в разнообразных способах и разновидностях. Одним из наиболее распространенных вербальных и невербальных способов выступает языковая коммуникация, целью которой является непосредственная передача и хранение информации, обмен ею и, в конечном счете, взаимопонимание людей. Возможность взаимопонимания обусловлена идентичностью психофизиологической организации людей, онтологическим единством многообразного мира и социальной общностью людей на основе общественно-исторической практики, которую обеспечивает язык.

Поэтому по-прежнему не теряет своей остроты проблема понимания. Решить данный вопрос пытались многие философские направления, в том числе и герменевтика [9].

В гуманитарном знании проблема актуализируется в

связи с расширением поля диалога между культурами. Культура, как известно, выступает особым типом информационного процесса, надбиологической формой накопления, хранения и передачи информации. Культурные ценности, нормы и образцы могут стать объективированными только с помощью внегенетических знаковых систем, культурных текстов. При этом, сами знаковые системы конвенциональны и их рассмотрение возможно только в историко-культурном контексте. Так, известный культуролог Г. Гачев рассматривая генезис понятий в разных языках, замечает, что, к примеру, слово «пространство» в латинском языке происходит от слова «шагать», в немецком - от слова «пустота», в русском языке - от слова «страна» [5]. Все это вызывает серьезные трудности при переводе, обуславливает лингвистическую относительность и, как следствие усложняет процессы культурной коммуникации. Необходимо также учитывать факт избыточности языков, специфику их структурной организации и полисемию (практически во всех языках более 80% слов многозначны). Более того, в каждом языке име-

ется и так называемая безэквивалентная лексика.

Проблема стала еще более активно обсуждаться после того, как лингвисты Э. Сепир и Б.Л. Уорф [11],[1], и этнологи Ф. Боас и Б. Малиновский [2],[6] пришли к выводу, что культуры и языки народов, находящихся на уровне родоплеменного существования, нельзя рассматривать как примитивные в своем развитии. Они несопоставимы и несоизмеримы с культурными языками современных цивилизаций. Таким образом, диалог между культурами, условно находящимися на разных ступенях развития, может быть существенно затруднен несмотря на возможности перевода с одного языка на другой.

Проблему продолжает рассматривать У. Куйан в своей теории неопределенности перевода. По его мнению, сначала лингвист выдвигает гипотезу о том, что является выражениями согласия и несогласия в туземном языке и находит ее подтверждение в речевом поведении туземцев. Затем он задает туземцам вопросы о предложениях их родного языка при различных стимульных условиях. И так на основе стимульных значений лингвист на первых порах осуществляет перевод некоторых предложений, связанных с наблюдаемой ситуацией. Например, мимо быстро пробегает кролик, туземец говорит «Gavaḡai», и лингвист-исследователь записывает предложение «Rabbit» (или «Lo, a rabbit») [«Кролик (или «Смотри, кролик»)»] в качестве пробного перевода, который далее подвергается проверке в других ситуациях. Поскольку в одном предмете часто совмещаются различные референции (объекты указания различными языковыми выражениями), постольку лингвист бывает вынужден давать даже туземные предложения для одобрения информанта. Так, через фактическое употребление языка и наблюдение поведения туземца на основе большей вероятности одного соответствия языковых выражений двух языков, чем иных других соответствий, лингвист утверждает в своей некоторой рабочей догадке. Если же после выдвижения лингвистом некоторой рабочей гипотезы все его последующие шаги сопровождаются серьезными трудностями, он может отказаться от первоначальной гипотезы и придумать другую [7], [10]. Таким образом, понимание зависит не от уровня развития культуры, а от понимания чужого языка путем отношения к данному лицу, употребляющему язык, через соответствующую реакцию.

Однако, даже относительно точный перевод не всегда способен обеспечить понимания языка и возможности говорить на нем. Даже зная значения слов, сложно понимать какой-либо язык и говорить на нем. Для того чтобы понимать и говорить на языке, необходимо осуществлять множество различных операций, с целью выявить единственно верное значение: конструировать из звуков цепочки слов, из этих цепочек организовывать

выражения и конкретное значение и многое другое. При этом осуществляется ряд выборов, правильность которых дает возможность найти соответствие смыслам языковых выражений и контекстуальным особенностям. Не случайно, многие представители неопозитивизма связывали понимание именно со смыслом языковых выражений. Логика рассуждений приводит к необходимости найти дефиницию понятия «смысл».

Наиболее детально с этим понятием попытался разобраться Г. Фреге. Не давая строгого определения смысла, ученый говорит о нем как способе данности объекта, способе указания на объект или информации об объекте. Фреге подчеркивает, что понятие «смысл» имени не должно быть связано с субъективными моментами и ассоциативными характеристиками поскольку они чрезвычайно изменчивы. По мнению автора, «смысл» не следует относить и к психологическим категориям - это абстрактный объект, отличающийся относительной стабильностью.

Смысл соответствует тому, что усваивается носителем языка, когда он понимает имя. Можно всегда понять смысл имени, даже если мы ничего не знаем об объекте, который этим именем обозначен. Например, можно понять имя «точка пересечения а и b» или имя «точка пересечения b и g» и при этом можно не знать, что в треугольнике оба имени обозначают одну и ту же точку [14]. А. Черч также указывает на то, что «смысл» является постулированным абстрактным объектом с определенными постулируемыми свойствами. Однако, на понимание языкового выражения всегда оказывает влияние и субъективная определенность. Таким образом, то, что мы называем «пониманием», имеет две стороны: объективную и субъективную. Объективная сторона заключается в том, что носитель языка постигает значение знака, слова, комплекса знаков. Субъективная сторона заключается в том, что человек при понимании оперирует также определенными собственными ассоциативными образами, опредмечивает свои представления, цели, желания. Притом эти элементы субъективной стороны могут значительно влиять на объективную сторону, ведь люди приписывают знакам своей речи смыслы, которыми эти звуки-знаки сами по себе не обладают. Смыслы образуются тогда, когда человек познавая какие-либо явления окружающей действительности, соотносит их со своими убеждениями, представлениями, ценностями. Эту ситуацию можно выразить и так, что прагматические аспекты использования языка могут модифицировать семантические аспекты. Слова «дом горит» имеют определенный смысл, который мы в состоянии понять, не зная, о каком доме, о каком пожаре и т. п. идет речь. Однако с прагматической точки зрения не безразлично, слышит ли эти слова, произносимые со сцены, человек, находящийся в театральном зрительном зале, или их слышит

пожарный, находящийся на службе и т. п. [15].

Становление смысла, по справедливому мнению В.П. Волошина, всегда связано со становлением ценностного кругозора человека или определенной социальной группы [4]. Языковые элементы, взятые сами по себе, без отношения к человеку и культуре, никакого смысла не имеют. Чтобы понять особенности языковых аспектов, нужно изучать культуру, в поле которой язык формировался. Языковые знаковые системы выступают как носители смыслов. Можно предположить, что смысл языка не в нем самом, а в культуре, его породившей и он станет понятным тем, кто освоил специфику этой культуры. Одни и те же понятия, языковые выражения в различных культурах и даже в одной и той же культуре в разные эпохи и для разных людей могут иметь различные смыслы. Так, понятие «ответственность» - одно из базовых в гуманитарном знании, поскольку оно включено во все сферы деятельности людей, по-разному трактуется в разных отраслях гуманитарной науки. В правовом знании ответственность определяется как мера государственного принуждения и ее онтологической основой всегда является вина. В психологии ответственность видится как своеобразное состояние сознания, в этике соотносится с понятиями «долг» и «совесть», в социологии трактуется как регулятор социальных взаимодействий. По-разному проявляется ответственность и в разных типах культуры. Для восточных культур характерна невыделенность персональности, коллективистский характер общественных отношений, преобладание религиозных ценностей и речь здесь об ответственности может идти лишь как о следовании эталону, стандарту. В европейской культуре - базовое качество личности - носителя и творца этой культуры. Русская культура не выработала идеала независимой личности-индивидуальности и ответственность чаще всего имеет значение механизма регуляции внешней деятельности и мало связана с внутренним миром человека [13].

Вместе с другими формами освоения мира понимание постигает смысл действительности. Оно выполняет познавательную функцию, объединяя в себе субъективное и объективное, теоретическое и практическое.

Проблему понимания как способ постижения смысла объективного мира через значение языковых выражений пытается решить Л. Витгенштейн. В работе «Философские исследования» он анализирует значение выражений как способ употребления. Значение зависит от контекста употребления слова. Отсюда разнообразие значений языкового знака. Сходство между разными значениями объясняется теорией семейного сходства.

Языку также невозможно навязать единую логику, так как в языке существуют различные правила функциони-

рования. Функционирование языка Витгенштейн рассматривает по аналогии с игрой. Употребляя язык, мы участвуем в языковой среде, следуем правилам. Также как и игра, язык – это система действий. Смысл любой игры заключается в ней самой, действия не направлены напрямую на действительность. Поэтому и язык, как система действий, не обладает связью с какой-либо предметной областью. Кроме того, любая игра имеет свои собственные правила, последовательность действий, отличающих ее существенно от других видов игры. Отсюда и значение предложения, как и значение игрового хода, определяется его функцией в игре.

Употребление предложения Витгенштейн сравнивает с шахматным ходом: «...шахматные ходы не являются лишь простым передвижением фигур по доске..., но зависят от условий, которые мы называем «игрой в шахматы», «решением шахматных задач» и тому подобное» [3, с. 33]. Языковой знак можно назвать словом или предложением в том случае, если он является частью человеческой деятельности.

Язык – это сложное образование, которое включает различные типы деятельности с определенными правилами, которые определяют способы употребления слов. Следование правилу определяется, прежде всего, обществом, особенностями жизни. Чтобы понять эти правила необходимо понять весь накопленный опыт их использования.

В §201 «Философских исследований» указывается на то, что понимание правила не связано с интерпретацией, «а обнаруживается в том, что мы называем «следованием правилу» и «действием вопреки» правилу в реальных случаях его применения» [3, с.163]. Таким образом, следование правилу – это общественный опыт. «Чтобы понять, что означает «следование правилу», надо уже уметь следовать ему», считает Витгенштейн. Для этого необходимо обучать навыкам, участвовать в практической деятельности. Все это применяется, согласно его точке зрения, и к изучению языка [8]. «Понять предложение – значит, понять язык. Понять язык – значит, овладеть его техникой» [3, с.199] [8]. Научиться пользоваться языком можно только в том случае, если овладеешь формами и видами практики, так как язык является составной частью практики, представляющая собой многообразие [3, с. 65], [8].

Как в «Логико-философском трактате», так и в «Философских исследованиях» Витгенштейн утверждает, что язык обладает способностью на основе своих правил формировать представления о мире [3, с.85].

Кроме того, в теории Л. Витгенштейна отождествляется проблема смысла и проблема правильного употре-

бления языковых выражений. Такое отождествление не объясняет усвоения конкретным индивидом нового знания с помощью языка, использования одного и того же языка в разных ситуациях и контекстах для выражения разных представлений носителей естественного языка о мире, как происходит понимание смысла действительности, предметного мира [12].

Человек, взаимодействуя с предметами действительности, вовлекает их в свою деятельность. В результате предметы наделяются смыслами в контексте этой дея-

тельности. Это и есть процесс возникновения понимания.

В научном познании понимание является результатом языковой коммуникации, которая логически осмысливается. Более того, предполагается соотнесение высказывания действительности, определение истинности или ложности. Поэтому и понимание как компонент познавательной деятельности также подвергается оценке на «истинность – ложность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Американские лингвисты XX века: Сб. обзоров. / Рос. акад. наук. ин-т науч. информ. по обществ. наукам. - М., 2002. - 159с.
2. Боас, Ф. Ум первобытного человека / Ф. Боас; пер. с англ. А.М. Водена. - М.: URSS: КРАСАНД, 2011. - 153 с.
3. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн - М.: АСТ: Астрель, 2011. - 347 с.
4. Волошинов, В.Н. Марксизм и философия языка / В.Н. Волошинов - Л., 1929. - 180 с.
5. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. - М., 1995 – 210 с.
6. Гусев, С.С., Тульчинский, Г.Л. Проблема понимания в философии: философско-гносеологический анализ / С.С. Гусев, Г.Л. Тульчинский – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.
7. Куайн, У.В. Слово и объект / У. В. Куайн. - М.: Праксис: Логос, 2000. - 385 с.
8. Новолодская, Т.А. Диалектическая природа значения языковых выражений (логико-методологические аспекты): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.07 / Новолодская Татьяна Алексеевна - Ленинград, 1983 – 191 с.
9. Рузавин, Г.И. Герменевтика и проблемы понимания и объяснения в научном познании / Г.И. Рузавин // Структура и развитие научного знания. Системный подход к методологии науки. – М.: Мысль, 1981. – С. 10-64
10. Самсонов, В.Ф. Значение и перевод. Спецкурс / В.Ф. Самсонов. – Челябинск, 1978. – 55 с.
11. Сепир, Э. Язык. Введение в изучении речи / Э. Сепир. - Москва; Ленинград: Соцэкгиз, 1934. - 111 с.
12. Терехина, М.И. Гносеологический анализ концепта «значение» в контексте семантики выражений мнения: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01 / Терехина Майя Ивановна – Магнитогорск, 2004. – 162с.
13. Трофимова, Г.П. Ответственность как категория культуры: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Трофимова Галина Петровна - Челябинск 1998.- 164с.
14. Фреге, Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика.- М., 1977. - Вып.8.-С. 50- 63
15. Черч, А. Введение в математическую логику / А. Черч - М., 1969. - Т.1. - 484 с.

© Трофимова Галина Петровна (trofimova18.60@mail.ru), Терехина Майя Ивановна (m.terehina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ТЕРАПИЯ РОК-МУЗЫКИ (НА ПРИМЕРЕ «РУССКОГО» РОКА)

EXISTENTIAL THERAPY OF ROCK MUSIC (ON THE EXAMPLE OF «RUSSIAN» ROCK)

E. Fetisova

Summary: The article presents a philosophical analysis of the phenomenon of the therapeutic influence of rock music on a multimillion audience. An integrative approach to the analysis of this phenomenon is used, namely the combination of the traditions of existential philosophy and existential psychology. Existential therapy within the framework of existential psychology is aimed at realising a person's profound understanding of his existence in order to reveal his personal potential, understand his true place in life, accept his "I", be aware of responsibility for personal choice, find the meanings of his own life. In the article existential therapy is considered in the same way, only rock music, namely "Russian rock", acts as an existential therapist.

Keywords: existential analysis, existential therapy, the problem of freedom and responsibility, life and death, love and loneliness, the meaning of life, rock music.

Фетисова Евгения Николаевна

*К.ф.н, доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет», г. Хабаровск
evseneya@mail.ru*

Аннотация: В статье представлен философский анализ феномена терапевтического влияния рок-музыки на многомиллионную аудиторию. Используется интегративный подход к анализу данного феномена, а именно соединение традиций экзистенциальной философии и экзистенциальной психологии. Экзистенциальная терапия в рамках экзистенциальной психологии направлена на осознание человеком глубинного понимания своего существования с целью раскрытия личностного потенциала, понимания истинного места в жизни, принятия своего «Я», осознания ответственности за личный выбор, нахождения смыслов собственной жизни. В статье экзистенциальная терапия рассматривается в таком же ключе, только в роли экзистенциального терапевта выступает рок-музыка, а именно «русский рок».

Ключевые слова: экзистенциальный анализ, экзистенциальная терапия, проблема свободы и ответственности, жизни и смерти, любви и одиночества, смысла жизни, рок-музыка.

Рок-музыка, начиная со второй половины XX века, является настоящим социокультурным феноменом. Впервые в мировом масштабе музыкальный жанр так изменил мировоззрение целого поколения и продолжает оказывать сильное влияние на людей разных возрастов, национальностей, вероисповеданий и в наше время. В момент становления рок-музыкальные тексты в большей степени носили характер протеста от устоявшихся стереотипов, коммерциализации общественных интересов, военных конфликтов, жестокого политического строя. Конечно же много пели и о любви. Но любовная рок-лирика резко отличалась от «попсовой». Если в поп-музыке, в основном, воспевались страдания на почве неразделенной любви, то рок больше кричал о различных смыслах любви, об экзистенциальных ее основаниях, о путях преодоления любовного кризиса.

В статье представлен философский анализ феномена терапевтического влияния рок-музыки на многомиллионную аудиторию. Используется интегративный подход к анализу данного феномена, а именно соединение традиций философии экзистенциализма и экзистенциальной психологии.

Классический экзистенциальный анализ – это всегда диалог. Очень важно достучаться до субъективных ценностей клиента, его чувств, переживаний. Число разновидностей чувств и переживаний человека ограничено, но здесь акцент делается именно на их экзистенциальной стороне. Почему рок-музыка находит отклик в «Я»? Почему происходит диалог в виде сопереживания? Почему твоя экзистенция резонирует с текстом и музыкой, оформляется ритмом? Происходит терапевтический эффект, который и влечет к рок-музыке столько таких разных поклонников. Ситуация, когда ты переживаешь что-то очень личное, и вдруг в музыке мгновенно слышишь проговаривание твоей ситуации.

И так, экзистенциальная терапия в рамках экзистенциальной психологии направлена на осознание человеком глубинного понимания своего существования с целью раскрытия личностного потенциала во всех сферах жизни, правильного понимания своего истинного места в жизни, принятия своего «Я», осознания ответственности за личный выбор и поступки, нахождения смыслов собственной жизни.

В данной статье экзистенциальная терапия рассма-

тривается в таком же ключе, только в роли экзистенциального терапевта выступает рок-музыкант. А именно так называемый «русский рок», то есть рок-музыка с текстом песен на русском языке.

Из всего разнообразия русскоязычного рока для нашего анализа выберем несколько групп, которые имеют большую популярность, длительную творческую историю (не менее 15 лет), солидную армию поклонников. Остановимся на таких легендарных рок-коллективах как Сплин, Би-2, Lumen, Аквариум (включая сольное творчество БГ), Смысловые галлюцинации.

Экзистенциальная тревога проявляется перед лицом таких данностей бытия как жизнь и смерть, выбор и ответственность, свобода и необходимость, смысл существования и его бессмысленность, творчество и забвение, любовь и одиночество. Определим эти экзистенциальные данности в четыре группы, через которые и будем анализировать феномен экзистенциальной терапии российской рок-музыки:

1. проблема свободы, ответственности, выбора;
2. проблема жизни и смерти;
3. проблема любви и одиночества;
4. проблема смысла жизни.

Проблема свободы, ответственности, выбора

Основным, если можно так сказать, генетическим проявлением экзистенции является концепт «свобода». Человек здесь становится перед выбором из множества вероятностных возможностей. Какая будет наиболее счастливой? Какие механизмы необходимо задействовать, что бы избежать ошибки? Как быстро надо сделать выбор? Естественно, что на стадии выбора возникает тревога.

При условии Быть никогда не везло,
Остается забыть или помнить не Зло.
И от нечего ждать никогда не грустить,
Без ответа узнать, что пора уходить.
Что пора перестать продвигаться на слух,
Что не стоит искать совпадения двух.
Там, где может быть дом – и уже налегке
Я стою на дверном сквозняке.
(Би-2 «Унисон»)

Человек в течение жизни проходит множество таких переломных моментов, когда необходимо сделать выбор. От этого зависит, каким будет следующий этап его жизни. Осмысление выбора помогает человеку больше разобраться в себе, приблизиться к постижению своего «Я», взять ответственность на себя за свое решение.

Ты все придумал сам. Кого теперь винить?
Надеюсь, хватит дней хоть что-то изменить...
(Lumen «Один ответ»)

Тревога здесь естественна, особенно для молодого возраста, когда жизненные ориентиры еще не имеют четких очертаний. Рок-музыка уделяет проблеме свободы, ответственности, выбора большое внимание.

У насекомых, размазанных по стеклам фар
Нет выбора, а у тебя есть этот дар
Или проклятье, как хочешь назови
То, что кипит и дышит у тебя в груди.
(Lumen «Не простил»)

За Свободу можно второй раз родиться,
Сдохнуть тысячу раз, но не отступить,
Бороться и драться, проиграть, но не сдаться,
Идти много лет, но все же добраться.
Я задыхаюсь, мне все теснее с каждым годом.
Я широко раскрыл глаза, но не могу найти свободу...
(Lumen «Свобода»)

Здесь во многом отражены чаяния людей, которые все поставили на кон ради внутренней свободы. Необходимо собрать свою волю и через падения, ошибки, отчаяние все равно держать «глаза широко раскрытыми», чтобы увидеть путь к свободе.

Приветствую тебя, безумный мир.
Ты сделан из железа и свинца.
И я пойду с тобою до конца.
Возьми меня с собой, прекрасный мир.
(Смысловые галлюцинации «Волшебный мир»)

На этом пути можно проиграть, но не сдаться, то есть понять, что ты и есть тот, кто является определяющей причиной своих действий.

Я счастлив тем, как сложилось все,
Даже тем, что было не так.
Даже тем, что ветер в моей голове,
И в храме моем бардак.
(Аквариум «25 к 10»)

Как говорилось выше, цель экзистенциальной терапии – это помощь отдельно взятому человеку в осознании глубинного понимания своего существования. Следствием этого является раскрытие личностного потенциала. Этот путь сложен, тернист, он сопровождается и периодами слабости, неверия, желанием все бросить.

Я мог бы написать эпос, но к чему рисковать камуфляжем?

Мог бы взять холст и кисти, но это ничего не меняет.
(Аквариум «Танцы на грани весны»)

Разочарование в выборе дня вчерашнего так же является излюбленной темой рефлексии.

И мы увидим в этой тишине,
Как далеко мы были друг от друга.
Как думали, что мчимся на коне,
А сами просто бегали по кругу.
А думали, что мчимся на коне.
(Сплин «Паузы»)

Проблема жизни и смерти. Жизнь и смерть переплетены, никто еще не смог победить смерть и жить вечно в физическом теле. Общепринятый факт, но как его принять, как осознать смерть в качестве закономерного и последнего события жизни.

Нет средства согреться, если вдруг остановилось сердце.

Нет средства от смерти на свете.

Нет средства вернуться, если не получится проснуться.

Нет средства от смерти...

(Би-2 «Из-за меня»)

Рок всегда уделяет проблеме жизни и смерти много внимания. Принятие страха смерти, примирение с ее неизбежностью, понимание смысла не только жизненного пути, но и смерти, необходимость осознания ценности жизни и ее разнообразия.

Пепел легок и светел. Я не заметил, как время прошло.

Чары силу теряют и превращают жемчуг в стекло.

Как пусто в душе без миражей, без волшебства.

Мы здесь лишь на миг.

Пусть он звучит, словно слова молитвы.

Все, кроме любви, вся наша жизнь так далеко.

(Би-2 «Молитва»)

Страх смерти порождает сильную экзистенциальную тревогу.

Осень очень похожа на смерть.

Из спящих деревьев уходит вода.

И я мог бы так же, но слишком боюсь,

Что если уйти, то уйдешь Навсегда!!!

(Lumen «Навсегда»)

Как эту тревогу ослабить, убрать ее негативное влияние. Может через наполнение своей жизни смыслом? В унисон экзистенциализму рок призывает к осмысленному существованию. Необходимо помнить, что жизнь быстротечна, как она часто меняет свой ход, трансформируя наши мысли, наши идеалы и ценности. Мы можем совершенствоваться буквально каждый месяц.

Апрель, научи нас любить. Май, научи нас мечтать.

Январь, научи меня жить. Февраль, научи меня ждать.

(Смысловые галлюцинации «Апрель»)

Экзистенциальный терапевт всегда ставит перед собой вопросы, связанные с чувствами и переживаниями конкретного человека. Что его волнует, что не устраивает, чего хотелось бы в дальнейшем. Работая с запросами клиента, экзистенциальный терапевт старается соединить прошлое и настоящее клиента, наполнить его жизнь будущими смыслами. Это повышает качество жизни и убирает тревогу по поводу смерти. Позволяет человеку четко ставить цели, понимать и видеть пути их реализации. Видеть, что жизнь очень разнообразна и

стоит быть прожитой.

Жизнь – это постоянное. Жизнь – это невозможное.

Жизнь – это все понятное. Жизнь – это что-то сложное.

Жизнь – это не собраться с мыслями. Жизнь – это что-то важное.

Жизнь – это очень быстрое. Жизнь – это очень страшное.

(Сплин «Семь восьмых»)

Проблема любви и одиночества. Одиночество – мощная экзистенциальная проблема. Человеческое бытие рефлексивно. Мой Мир - это только мой Мир, пропущенный через призму собственного «Я». Через «Я» пропускается даже то, что напрямую с ним не связано. В этом смысле человек экзистенциально одинок. И открытие этого факта зачастую влечет страхи и разочарования. Не менее жестокую боль человек испытывает от физического одиночества. Формат статьи не позволяет углубиться в эту проблему. Достаточно того факта, что страх одиночества вызывает в человеке деструктивные психо-эмоциональные отклонения.

И совсем не понятно кто я, паранойя в чужом раю.

Там, где я ничего не стою, перед строем один стою.

(Би-2 «Лети»)

Рок может поддержать тебя в трудные минуты, побыть с тобой в унисон, согласиться с невысказанными претензиями.

Зачем кричать, когда никто не слышит,

О чем мы говорим?

Мне кажется, что мы давно не живы -

Зажлись и догорим...

(Lumen «Гореть»)

Рок поможет выплеснуть твою агрессию, выплеснуть просто от прослушивания любимых композиций. Агрессия уходит с музыкой. И не надо что-то крушить, принимать запрещенные препараты. Твои отношения с рок-музыкой – это всегда диалог. Ты вместе с ней высказываешься до конца, до самого своего дна. Твоя экзистенция вибрирует с ней на одной волне.

Вот она гильза от пули навывлет,

Карта, которую нечем покрыть.

Мы остаемся одни в этом мире.

Бог устал нас любить.

(Сплин «Бог устал нас любить»)

Чувство одиночества связано с чувством любви. Часто именно в любви человек пытается найти средство от пустоты и тоски одиночества. Он убегает в «другого», но проблема остается. Разочарования в любви усугубляют экзистенциальные страхи, зачастую ставя человека в пограничную ситуацию.

Не удивляйся, не грусти. Жизнь – это бег у пропасти.
Что нам подарит новый шаг?
(Lumen «Привык»)

Рок-музыка мало внимания уделяет так называемой счастливой любви. Скорее она предпочитает проговаривать негативные стороны любви: предательство, ограничение свободы, разрушение иллюзий, невозможность познать другого, неприятие.

Гадай на картах Таро и что осталось от кофе,
Не продырявь мне башку взглядом внимательных глаз.

Твои соленые слезы, кислые мины, душевные речи,
Весь этот бред...
Я умираю от скуки, когда меня кто-то лечит.
(Смысловые галлюцинации «Весь этот бред»)

С другой стороны, любовь часто воспевается как активная сила, способная раскрыть человека, освободить его от правил и норм, научить иррациональным вещам, стать источником творчества.

Все говорят, что любовь – это девятый вал,
Но что же нам делать здесь на берегу.
Я не умею, как те, про кого я читал.
Но пока я люблю, я что-то могу.
Могу хотя бы сказать вам:
Любовь – это все, что мы есть...
(Аквариум «Все, что мы есть»)

Проблема смысла жизни. Фундаментальный вопрос как для человечества в целом, так и для каждого отдельного индивида.

Я иду и пытаюсь найти свое «Я».
Но время наверное сходит с ума.
Знаешь ли ты, куда я иду?
(Би-2 «К оружию»)

Врожденные инстинкты не подсказывают человеку, в отличие от животного, смысл его рождения и существования. Человеку постоянно приходится сталкиваться с

проблемой выбора смысла, цели своего существования.

Меня замучила идея:
Куда я мчусь? Кто Я и где Я?
Я встал посередине и «аварийка» замигала,
Мне нужно все начать иначе и сначала!
(Lumen «Гонка»)

Человеческая потребность постоянно находится в познании себя, других, окружающего мира, творит свои смыслы. Утрата смысла происходит от осознания своего одиночества, изолированности и неизбежности смерти.

Ты помнишь, я знал себя. Мои следы лежали как цепи.
Я жил, уверенный в том, что я прав.
Но вот выпал снег, и я опять не знаю Кто?
И кто-то сломан и не хочет быть целым...
(Аквариум «С утра шел снег»)

Смысл жизни человека состоит в наборе ценностей, ради которых он ставит жизненные цели и стремиться их воплотить. Смысл жизни является компонентом духовного смысла существования, составляет индивидуальную человеческую ценностную систему.

Сын человеческий, кто мы? Скажи мне еще один раз.
Скажи мне прямо, кто мы теперь?
Скажи мне истинно, где мы сейчас?
(Аквариум «Комната, лишённая зеркал»)

Процесс открытия смысла жизни глубоко индивидуален. На этом пути много разочарований, побед и падений.

Рок-музыка имеет двойственную природу. С одной стороны, это драйв, сильнейшая энергетика. С другой стороны, это глубокие тексты со смыслом. Они несут в себе множество мировоззренческих аспектов, идей, устанавливают другие нормы и принципы жизни. Заставляют думать, затрагивают глубинные струны души, помогают понять свое предназначение. Рок-музыка является своего рода философией, мировоззрением, отражающим свое время, снимающим с него слепок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аликин В.А. Свобода и игра в экзистенциализме // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №12-1(26). С.18-22.
2. Буланов В.В. Ценностный выбор и экзистенциализм // Глобальный научный потенциал. 2013. №5(26). С.42-46.
3. Кнабе Г.С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. – М.-СПб.: Летний сад; М.: РОССПЭН, 2006. – С. 20-50.
4. Подлиняев О.Л. Экзистенциальный подход в психологии // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2012. Т.1. №1. С. 62-68.
5. Степанович С., Чуева Е. Особенности репрезентации концепта «Свобода» (на материале текстов русских рок-групп) // Вестник Кемеровского Государственного университета. 2008. №2 (34). – С. 193-196.

© Фетисова Евгения Николаевна (evseneya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Bostanjieva T.** – Candidate of psychological Sciences, associate Professor, Surgut state pedagogical university
- Eliseev A.** – Graduate student, Russian new university (Moscow)
- Fetisova E.** – Ph. D., associate Professor, Pacific State University State University», Khabarovsk
- Frolov D.** – Ph.D. of technical sciences, State Government Institution «Arctic Research Center of the Yamal-Nenets autonomous district»
- Gaidabrus N.** – Candidate of philosophy, associate Professor, State Budgetary Higher Educational Institution Moscow Region University of Technology, Korolev
- Gerlinskaya Yu.** – Siberian Federal University; teacher-psychologist of the Hero of the Soviet Union V. S. Molokov school No. 150 (Krasnoyarsk)
- Haybulina E.** – St. Petersburg Institute of Culture
- Kolkova S.** – PhD in Psychology, practical psychologist, associate professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
- Krivovoyaz N.** – National Research Tomsk Polytechnic University
- Kryukova L.** – Candidate of philological sciences, senior lecturer, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)
- Magomedov M.** – Doctoral student, Bulgarian Islamic Academy, Bolgar, Russian Federation,
- Makhov V.** – Togliatti State University
- Matveeva E.** – Novosibirsk State University of Economic and Management
- Nekrasov A.** – candidate of pedagogical sciences, assistant professor, Russian University of Transport

Our authors

- Nepomnyashchy A.** – Southern Federal University, Taganrog
- Pestov A.** – Surgut state pedagogical university
- Pitik G.** – Post-graduate student, Sochi State University, Sochi
- Pugin V.** – candidate philosophical Sciences, associate Professor, Northern state medical University
- Shcherbakova E.** – Teacher of the Russian language Department of the Krasnodar higher military school named after General of the army S. M. Shtemenko
- Stoyanova E.** – PhD in Psychology, KrasGMU named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of Russia (Krasnoyarsk)
- Sudilovskaya I.** – graduate student, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow
- Terekhina M.** – Candidate of Philosophical Sciences, associate professor, Orsk humanitarian and technological Institute (branch) of OSU
- Tkachenko N.** – Deputy Director of the College of physical culture, Voronezh state Institute of physical culture
- Trofimova G.** – Candidate of Culturology, associate professor, Orsk humanitarian and technological Institute (branch) of OSU
- Wang Dan** – Far Eastern Federal University (Vladivostok)
- Zekeryaev R.** – Lecturer, Crimean Engineering and Pedagogical University
- Zhivaeva J.** – PhD in Psychology, assistant professor, KrasGMU named after prof. V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of Russia (Krasnoyarsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале



Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).